

ISSN 2542-1840 (print) 2541-9145 (online)

Гуманитарные
общественные науки

3
том 4
2020

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

Bulletin of Kemerovo State University.
Humanities and Social Sciences.
2020, 4(3): 187–286

Главный редактор: *Морозова И. С.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Редакционная коллегия:
Абросимова Е. А., д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Агавелян Р. О., д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).
Бабурин С. Н., д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).
Бибилло В. Н., д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Веряев А. А., д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).
Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Жукова О. И., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Золотухин В. М., д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).
Ким Ю. В., д-р юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).
Красиков В. И., д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).
Курдуманова О. И., д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).
Ляковска К., д-р права (habil), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).
Мардахаев Л. В., д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).
Московченко О. Н., д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).
Невзорев Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Невинский В. В., д-р юрид. наук, проф., МГЮА (Москва, Россия).
Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Остапович И. Ю., д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия).
Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).
Халяпина Л. П., д-р пед. наук, проф., СПбПУ (Санкт-Петербург, Россия).
Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Чурекова Т. М., д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Ящук Т. Ф., д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Editor-in-Chief: *Irina S. Morozova*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Elena A. Abrosimova, Dr. of Law, Ass. prof., M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
Ruben O. Agavelyan, Dr. of Psychology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).
Sergey N. Baburin, Dr. of Law, Prof., The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Valentina N. Bibillo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
Anatoliy A. Veryaev, Dr. of Pedagogic, Prof., Altai State Pedagogical University, (Barnaul, Russia).
Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
Olga I. Zhukova, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Vladimir M. Zolotukhin, Dr. of Philosophy, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Yuriy V. Kim, Dr. of Law, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir I. Krasikov, Dr. of Philosophy, Prof., All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).
Olga I. Kurдуманова, Dr. of Pedagogic, Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).
Katarzyna Laskowska, Dr. of Law (habil), Prof., University of Białystok (UWB, Białystok, Poland).
Lev V. Mardakhaev, Dr. of Pedagogic, Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).
Olga N. Moskovchenko, Dr. of Pedagogic, Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia).
Valeriy V. Nevinskiy, Dr. of Law, Prof., O. E. Kutafin Moscow State University of Law (Moscow, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
Igor Yu. Ostapovich, Dr. of Law, Ass. prof., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).
Taiana A. Plaksina, Dr. of Law, Ass. prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).
Lyudmila P. Khaliapina, Dr. of Pedagogic, Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).
Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Science Editor of the series, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).
Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Tatiana F. Yashchuk, Dr. of Law, Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

Издается с 2017 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-hss.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94232

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

Педагогика

Развитие идентичности и толерантности личности иностранных студентов в условиях образовательного процесса
Боброва Т. В., Дранишников С. А. 187

Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста средствами проектной деятельности
Кузнецова Е. В. 198

Развитие социально-психологической адаптированности личности детей из замещающих семей в условиях техникума
Морозова И. С., Борисенко А. В. 207

Использование математических методов для мониторинга качества успеваемости студентов
Портнова А. Г., Лесникова С. Л., Русакова Н. А. 218

Философия

Синергия истории и религии в процессах трансформации гражданской религии современной России
Гаврилов О. Ф. 227

Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки
Красиков В. И. 235

Юриспруденция

Конституционные меры защиты от гендерной дискриминации в европейской модели прав человека
Буняк Д. В. 245

Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве
Гурбанова Н. Х., Распопин С. В., Юртаев Н. С., Бардокин Д. А. 257

Проблемы аннулирования служебного контракта
Кичигин С. В. 270

Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица
Радов В. В. 278

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67379.

Founded in 2017.

Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Pedagogics

Development of Identity and Tolerance in Foreign University Students
Bobrova T. V., Dranishnikov S. A. 196

Development of Coherent Speech in Children of Senior Preschool Age by Means of Project Activities
Kuznetsova E. V. 205

Development of Socio-Psychological Adaptation of Personality in College Students from Substitute Families
Morozova I. S., Borisenko A. V. 216

Mathematical Methods in Monitoring the Quality of Student Performance
Portnova A. G., Lesnikova S. L., Rusakova N. A. 224

Philosophy

Synergy between History and Religion in the Transformation of the Civil Religion of Modern Russia
Gavrilov O. F. 233

Gender Hatred in RuNet: Masculists and Radical Feminists
Krasikov V. I. 243

Jurisprudence

Constitutional Gender Anti-Discrimination Measures in European Model of Human Rights
Buniak D. V. 255

Current Issues of Qualified Legal Assistance in the Post-Soviet Space
Gurbanova N. H., Raspopin S. V., Iurtaev N. S., Bardokin D. A. 268

Cancellation of Service Contract
Kichigin S. V. 276

Chain of Causation: Omission Committed by the Obligor
Radov V. V. 285

Развитие идентичности и толерантности личности иностранных студентов в условиях образовательного процесса

Татьяна В. Боброва^{a, ID1}; Сергей А. Дранишников^{a, @, ID2}

^a Институт этнокультурного образования, Россия, г. Москва

@ sa-d@ya.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-2658-1539>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5250-8821>

Поступила в редакцию 08.09.2020. Принята к печати 30.09.2020.

Аннотация: Рассматриваются теоретические и методологические основы изучения развития идентичности и толерантности личности иностранных студентов в условиях образовательного процесса. Предмет исследования – специфика организации образовательного процесса, обеспечивающего развитие идентичности и толерантности личности иностранных студентов. Определены основные направления и подходы в изучении проблемы идентичности и толерантности личности как совокупности навыков толерантного взаимодействия субъектов образовательного процесса в различных интерпретациях. Выявлены особенности идентичности и толерантности личности иностранных студентов, обучающихся в вузе. Отмечается, что формирование толерантности личности происходит под влиянием национального, культурного, конфессионально-религиозного факторов. Доказано, что воздействие новой социокультурной среды влияет на личностные характеристики иностранных студентов как позитивно, так и негативно, формируя толерантные и интолерантные установки. Толерантность личности иностранных студентов характеризуется сочетанием толерантных и интолерантных черт, низким уровнем этнонигилизма и этноэгоизма, пониженным уровнем этноизоляцизма и этнофанатизма, средним уровнем этнической и социальной толерантности, этнической индифферентности и коммуникативной толерантности, повышенным уровнем позитивной этнической идентичности. Выявлены особенности и взаимосвязь толерантности личности и этнической идентичности иностранных студентов. Полученные результаты могут быть использованы для организации процесса формирования и развития необходимого уровня идентичности и толерантности у иностранных студентов.

Ключевые слова: толерантные установки, интолерантные установки, взаимосвязь толерантности и идентичности, этническая идентичность, студенты различных национальностей

Для цитирования: Боброва Т. В., Дранишников С. А. Развитие идентичности и толерантности личности иностранных студентов в условиях образовательного процесса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 187–197. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-187-197>

Введение

В современных условиях проблемы идентичности и толерантности приобретают все большую значимость. Развитие современного общества в качестве одного из основополагающих аспектов жизнедеятельности предусматривает многообразие. В процессе жизни человек сталкивается с людьми, которые отличаются от него, встречается с чем-то, что может отличаться от его мировоззрения, поведения, привычек. Подобные отличия и то, как он будет на них реагировать и относиться к ним – толерантно либо с проявлением нетерпимости, – будут влиять на дальнейшее развитие, способность к адаптации и достижению успеха. Расовые и национальные, религиозные и половые различия значительно влияют на человеческие взаимоотношения, в том числе могут являться провоцирующим фактором конфликтного поведения. Принимая во внимание такие динамичные процессы, как интернационализация и глобализация в образовании, следует отметить востребованность грамотного построения образовательного процесса, что является важным фактором успешного диалога разных культур.

Совершенствование методов работы со студентами по осознанию принципов толерантности является достаточно актуальным вопросом. Студенты занимают особое положение в обществе как группа, обладающая достаточным уровнем профессиональной и личностной культуры и формирующая общественные отношения в перспективе. В настоящее время наблюдается определенная размытость в терминологии, недостаточно исследованы аспекты толерантности иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях России.

Этическое понимание толерантности находит себя в гуманистических течениях, отражающих важность многообразия признаков, отличающих людей друг от друга, поддерживающих разнообразие человеческой индивидуальности. Оно формировалось на протяжении веков, данный процесс продолжается до сих пор и затрагивает новые аспекты отношений, а содержательная часть понятия расширяется.

Толерантность стала основным фактором для современного общества. Во многих языках термин *толерантность* (лат. *tolerantia* – терпение) является эквивалентом русскому

слову *терпимость*. В английском языке толерантность звучит как *tolerance* (терпимость / снисходительность), а выражение *to tolerate* переводится как *быть терпимым и принимать разные мнения*. Во французском языке толерантность звучит как *tolerance* (мнение, что каждый человек мыслит и действует отлично от нас), в испанском – *tolerancia* (способность принятия идей и мнений, отличных от собственных). В русском языке *толерантность* и *терпимость* обозначают способность терпеть или мириться, принимать, признавать существование чего-либо. Основываясь на приведенных примерах, можно сказать, что дефиниции толерантности в разных языках совпадают, но каждая имеет национальные и культурные особенности. Например, для английского языка характерна снисходительность, для испанского – принятие, для русского – способность терпеть. Следует согласиться с мнением М. Л. Ариповой, которая утверждает, что «толерантность – это в первую очередь воспитанность, требующая самоограничений и позволяющая относиться к другому (иному, не такому, как я) с позиций равного» [1, с. 13].

Т. Н. Чекмарева и Е. В. Фалунина подчеркивают, что высокий уровень толерантности обеспечивается высоким уровнем развития и взаимосвязью таких профессионально важных качеств личности, как рефлексия, ассертивность, эмпатийность, эмоциональная устойчивость, коммуникативность, общительность [2, с. 218]. По мнению А. Г. Асмолова, толерантное поведение – форма деятельности, характеризующаяся активным отношением к другому на основе уважения и понимания уникальности человека и охарактеризованная способностью подавления чувства неприятия [3]. Условия толерантного поведения: активность, равноправие, осознанность, взаимоуважение, сотрудничество, солидарность, использование позитивной лексики. Важным является выделение конгруэнтного и неконгруэнтного типов толерантности, что указывает на ценность ухода от одномерного понимания термина. Толерантность способствует достижению понимания, культивированию мира, снижает агрессивность и конфликтность, проявляемые в общении. Проявление толерантности не предусматривает отказ от убеждений и уступок себе в ущерб, а также не является оправданием социальной несправедливости.

Толерантность личности иностранных студентов проявляется в совокупности ценностей и навыков взаимодействия с представителями разных стран, умении выделить общее и культурно-специфическое, признании прав на существование разных культурных моделей и формировании представлений о картине мира, способности представлять культуру своей страны, уважая другие.

Проблема становления толерантности взаимосвязана с процессом идентификации, т. е. обретения человеком собственного Я. Идентичность «есть результат процесса идентификации, устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, их самоидентичность», подчеркивает Е. В. Дзякович [4, с. 11]. Идентичность сходна с дихотомией *социальное – персональное*, что расширяет традиционные подходы Я-концепции и Образа-Я.

Мы согласны с мнением Л. В. Русских, которая отмечает этапность и многоуровневость процесса национальной идентификации [5, с. 179]. Первый этап характеризуется осознанием своих особенностей по сравнению с другими людьми и формированием противопоставления *Мы – Они*. На втором этапе происходит приписывание этническим общностям определенных культурных и социальных характеристик, формирование стереотипов, с помощью которых легче объяснять культурное своеобразие того или иного этноса. На третьем этапе формируются национальные идеалы и национальные идеологии. На четвертом этапе сформированные идеалы влияют на окружающую действительность. Идеалы становятся своеобразным ориентиром развития и регулятором поведения людей, а также инструментом социального прогнозирования.

Заслуживающим внимания считаем мнение В. В. Кочеткова, который утверждает, что «формирование идентичности – это процесс, всегда открытый изменениям и никогда не заканчивающийся... Идентичность формируется в процессе придания смысла реальности посредством установления или переустановления определенных ценностей» [6, с. 155]. М. Т. Шергалиева предлагает рассматривать этническую идентичность как разновидность социальной идентичности, которая выражает уровень личного понимания собственной принадлежности к определенной этнической группе. В качестве аргумента она обращается к исследованиям американских антропологов Дж. Де Вое и Л. Романусси-Росс, которые рассматривали идентичность «как форму идентификации, обращенной в прошлое и воплощенной в культурной традиции определенного индивида или группы» [7, с. 209].

Этническая идентичность – это эмоционально-когнитивный процесс самостоятельного единения субъекта с членами одной этнической группы, положительное ценностное восприятие истории, культуры, традиций народа, идеалов, интересов, фольклора и языка, территориальных пределов размещения этноса, а также его государственности. Основные компоненты этнической идентичности: когнитивный (понимание особенностей своей группы и представление себя ее частью, основанное на этнодифференцирующих признаках), аффективный (оценка черт своей группы, восприятие значимости членства) и поведенческий (представление себя как члена группы, участвующего в ее социальной деятельности).

И. А. Гребенникова считает, что перемены в этнической идентичности могут быть результатом процессов миграции, посещения иных государств, получения образования в других социальных и культурных условиях, длительного контакта с представителями принимающей культуры [8, с. 32]. Новые социокультурные условия проживания иностранных студентов провоцируют трансформацию идентичности. Они испытывают культурный шок, ведь эти изменения начинаются со сравнения, которое может стать толчком к конфликту, разрешение которого становится возможным, если в ходе активного сравнения выделяются положительные особенности собственной этнической группы. По мнению

Г. Г. Масловой, эта идентичность является положительной (позитивной) и отличается по уровням интенсивности [9, с. 169]. Крайний вариант, гиперидентичность, доминирует в иерархии идентичностей, отличается преобладанием этноцентристских стереотипов, нетерпимостью к членам иных этнических групп, избеганием контактов с ними.

Когда человек, погружаясь в новые социальные и культурные условия, показывает адекватные и одобряемые принимающими людьми аспекты поведения, имеет смысл говорить о формировании позитивной этнической идентичности (норма). По мнению З. А. Жаде, в структуру такой идентичности входит позитивный образ своей и других этнических групп, что обеспечивает основу становления высокого уровня толерантности и способствует готовности к межкультурным контактам [10, с. 70]. Положительное поликультурное взаимодействие влияет на формирование оптимальной этнической идентичности и является профилактической мерой ксенофобии и этноцентризма. Позитивная этническая идентичность – это механизм создания конструктивного уровня внутригрупповой и межкультурной напряженности, который необходим для сохранения целостности и интегрированности своей этнической группы и формирования позитивного отношения с другими.

По мнению Е. А. Эм, наличие у членов этнической группы уверенности в позитивной групповой идентификации определяет фундамент этнической толерантности. Автор подчеркивает, что основой этнической толерантности является позитивная этническая идентичность, а негативные компоненты этнической идентичности приводят к этнической нетерпимости [11, с. 230]. Н. М. Лебедева считает, что связь между этнической толерантностью и позитивной этнической идентичностью подтверждена тесными корреляциями и считается социально-психологическим законом. Хотя эта связь не идентифицируется или становится отрицательной, в случае если личность визитера находится в неблагоприятных условиях. В таком случае запускаются психологические защитные механизмы, о чем свидетельствует высокий уровень интолерантных установок и наличие негативных гетеростереотипов [12].

В. П. Левкович и О. В. Чернова считают, что при поликультурном взаимодействии может возникнуть определенная взаимосвязь: позитивная идентичность предоставляет личности возможность проявить толерантное поведение к представителям иных культур и сотрудничать с ними [13, с. 245]. Индивиды с высокими показателями этнической толерантности представляют позитивно не только собственную группу, но и другие группы, с которыми приходится взаимодействовать. Процесс дистанцирования от других этнических групп в данном случае меньше, границы размыты. Интолерантность провоцируется неуверенностью в этнической идентичности, как следствие, человек, пытаясь сохранить свою идентичность, отстраняется от иных культур.

Мы согласны со мнением Т. А. Спириной и С. Г. Головиной, констатирующих, что «студенческий возраст является сенситивным для развития основных социогенных

потенций человека». Авторы убедительно доказывают, что «в этот период продолжается формирование Я-концепции, самооценки, идентичности, в том числе этнической», а также формирование толерантности или интолерантности [14, с. 168]. М. В. Верещагина, исследуя взаимосвязь студенческой идентичности и толерантности, сделала вывод, что позитивная этническая идентичность помогает высокой межэтнической толерантности; гипопозитивная этническая идентичность способствует низкой межэтнической толерантности; гиперпозитивная этническая идентичность провоцирует межкультурную интолерантность. Этническая интолерантность – негативное явление, которое негативно влияет на межкультурную адаптацию в новой социокультурной среде [15].

В качестве оптимальных педагогических условий, обеспечивающих успешное формирование толерантного сознания и социального поведения у студентов в образовательном процессе, И. В. Павлов и Т. В. Кулиш определяют вовлечение обучающихся в педагогически целесообразные, содержательные, многоплановые виды общественно полезной, добротворческой деятельности [16, с. 173]. С. Г. Головина, Т. А. Спирина и А. В. Корниенко подчеркивают, что образовательная среда вуза является социокультурным фактором развития толерантности, поэтому необходимо, чтобы в ней целенаправленно создавались условия формирования толерантного сознания. По результатам собственных исследований авторы предлагают решать следующие задачи по формированию этнической толерантности студентов: формирование ценностного отношения к собственной и другим этнокультурам, формирование мотивации к межкультурному сотрудничеству, воспитание положительного отношения к культурным различиям [17, с. 128].

К числу задач обеспечения процесса становления толерантной личности Е. Е. Дмитриева с коллегами предлагают отнести целенаправленное развитие ценностно-смысловой сферы личности; актуализацию и развитие качеств, создающих личностную готовность к общению и взаимодействию с людьми независимо от их индивидуальных особенностей; стимулирование процесса самосознания [18, с. 168]. На основании собственных исследований И. Л. Матасова и Д. Э. Бугаева аргументированно заявляют о необходимости разработки комплексной психолого-педагогической программы, направленной на формирование этнической толерантности личности [19, с. 351].

Развивая и формируя толерантность в студенческой среде, важно помнить о своеобразии социально-психологических черт личности, психосоциального развития, динамично развивающемся внутреннем мире обучающегося. Во время обучения происходит устойчивая концептуальная социализация, выработка постоянных свойств личности, стабилизация психических процессов, формирование выраженного характера личности. Интересы студента, его стремления конкретизированы и закреплены в фактических действиях. При этом мы считаем необходимым учитывать результаты исследований М. М. Мишиной и Г. М. Мурсалыевой, которые убедительно доказывают,

что этнически разнообразная среда благотворно влияет на формирование позитивной этнической идентичности личности [20, с. 85]. Временной период обучения студентов-иностранцев прямо коррелирует с новым образом жизни и приобщением к ценностно-значимым общественным формам осваиваемой профессии, а отсутствие способности к адаптации приводит к дистанцированию, изоляции личного пространства, что рассматривается как следствие межличностной интолерантности.

Актуализируя проблему воспитания толерантности у молодежи, О. А. Андриенко предлагает обратить внимание на социокультурную обусловленность данного процесса [21, с. 22]. Вопрос нравственного воспитания студентов наиболее актуален в многокультурном образовательном пространстве высшего учебного заведения, где обучаются российские студенты и студенты-иностранцы, участвующие в диалоге культур, при котором достаточно остро встает проблема сохранности национальной самобытности. Вследствие формирования толерантности у студентов-иностранцев возникает вопрос поиска психологических детерминант, а именно ценностно-смысловых ориентиров, ведь при помощи них происходит приобщение к мировой культуре. В этом аспекте важную роль играет формирование ценностного отношения к чужой культуре, которое возможно лишь при совместной работе российских и иностранных студентов на основе этнической толерантности, что позволяет решать множество педагогических задач, воспитывать положительный эмоциональный отклик к другим культурам, проявлять уважение и нормально воспринимать их особенности. На основе этого студенты из различных этносов могут заниматься совместной деятельностью, получая позитивные эмоции при межкультурном общении, что помогает воспитывать ценностное отношение к представителям других культур, воспринимая их как равных участников диалога культур.

Следует согласиться с точкой зрения М. Э. Хамиди, по которой процесс развития толерантности иностранных студентов обеспечивается посредством создания толерантного диалога в рамках учебно-профессионального взаимодействия [22, с. 301].

Методы и материалы

Опытно-экспериментальная часть исследования включала этапы констатирующего и формирующего экспериментов. Исходя из задач исследования, были отобраны методики для диагностики уровня толерантности иностранных студентов [23]:

1. Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, А. А. Шайгерова) – диагностика аспектов толерантности (общий уровень и черта личности) и видов толерантности (этническая и социальная).
2. Методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко) – диагностика толерантных и интолерантных установок личности, проявляющихся в процессе общения (ситуативная, типологическая, профессиональная и общая коммуникативная).

3. Опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова) – диагностика этнического самосознания и его трансформаций в условиях межэтнической напряженности (этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм).

После проведения первого замера проводился формирующий этап эксперимента, для чего была разработана и апробирована программа, обеспечивающая развитие толерантности личности иностранных студентов. Процесс статистического анализа осуществлялся с помощью статистического пакета программы STATISTICA 10.0. Критическое значение уровня статистической значимости при проверке нулевых гипотез принималось равным 0,05 либо 0,1. Когда полученный результат превышал данный уровень значимости статистического критерия, принималась нулевая гипотеза.

Методами математической и статистической обработки данных стали вычисление основных статистик, определение достоверности различий средних значений двух групп с использованием критерия Стьюдента. Исследование проводилось на базе организаций высшего образования г. Москвы. В нем приняли участие студенты 1 и 2 курсов обучения (92 человека). Выборка была разделена на 2 группы: иностранные студенты и студенты, постоянно проживающие в РФ. Студенты из РФ – 46 человек (50 % респондентов), студенты из стран ближнего зарубежья: Казахстан – 17 человек (18,5 %), Кыргызская Республика – 20 человек (21,8 %), Таджикистан – 8 человек (8,7 %), Узбекистан – 1 человек (1,1 %). Респонденты женского пола – 70 человек, мужского пола – 22 человека; средний возраст испытуемых – 18,7 лет.

Среди иностранных студентов были выделены экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ) группы (по 23 человека в каждой группе). В ЭГ были проведены мероприятия, направленные на развитие толерантности личности. Отбор в ЭГ осуществлялся на основании проявленной мотивации участников.

Результаты

С помощью экспресс-опросника «Индекс толерантности» были получены данные, определяющие общий уровень толерантности студентов, а также различные аспекты и виды толерантности.

По общему уровню толерантности высокий уровень выявлен у 22 % (10 человек) и средний уровень у 78 % (36 человек) иностранных студентов, в то время как у студентов, проживающих на территории РФ, эти показатели были равны 18 % (8 человек) и 82 % (38 человек) соответственно. Эти результаты показывают, что для иностранных студентов характерно сочетание толерантных и интолерантных черт: в одних ситуациях они могут проявить себя толерантно, в других – интолерантно.

По шкале Этническая толерантность было установлено, что половина студентов-иностранцев имеют средний, а другая половина – высокий уровень. У российских студентов эти показатели были равны 63 % (29 человек) и 37 %

(17 человек) соответственно. Это свидетельствует о том, что в группе иностранных студентов преобладают толерантные установки, которые могут проявляться в готовности к межкультурному взаимодействию, принятию другой культуры и ее представителей.

По шкале Социальная толерантность высокий уровень выявлен у 52 % (24 человека) и средний уровень у 48 % (22 человека) респондентов в группе иностранных студентов, в то время как у студентов, проживающих на территории РФ, эти показатели были равны 46 % (21 человек) и 54 % (25 человек) соответственно. Эти результаты свидетельствуют о готовности иностранных студентов к конструктивному решению конфликтов, продуктивному сотрудничеству и проявлению уважения к мнению оппонентов.

При анализе результатов по шкале Толерантность как черта личности было выявлено, что в группе иностранных студентов число опрошенных с высоким и средним уровнем вновь разделилось пополам. У студентов, проживающих на территории РФ, эти показатели были равны 72 % (33 человека) и 28 % (13 человек). Личностные черты, установки и убеждения, которые определяют отношение иностранных студентов к окружающему миру, в среднем толерантные.

Высокий уровень общей коммуникативной толерантности был выявлен у 65 % (30 человек), средний – у 28 % (13 человек) и низкий уровень – у 7 % (3 человека) респондентов из группы иностранных студентов. Студенты из РФ демонстрируют высокий – 83 % (38 человек) и средний – 17 % (8 человек) уровни толерантности. Полученные результаты показали, что у иностранных студентов при

низком показателе общей коммуникативной толерантности, показатели интолерантного поведения ярко выражены.

Результаты, полученные с помощью методики «Коммуникативная толерантность» В. В. Бойко, представлены в таблице 1.

Наибольшее проявление интолерантности у иностранных студентов наблюдается по шкале Стремление подогнать партнера под себя, сделать его «удобным» (18 %). У студентов, проживающих на территории РФ, высокий уровень данного показателя отсутствует. У иностранных студентов с низким уровнем коммуникативной толерантности наблюдается тенденция к манипулированию, подчинению других своей воле в процессе взаимодействия. Можно отметить эгоцентризм и сосредоточение на собственных целях, задачах и потребностях.

По шкале Стремление переделать, перевоспитать партнеров высокие результаты были получены у 9 % респондентов в группе иностранных студентов. Это может наблюдаться в желании изменить личность партнера, в привычке читать мораль, поучать и укорять в нарушении правил этики и замечаниями по разным поводам. Лишь у 4 % респондентов из России наблюдался высокий уровень данного показателя.

Установлено, что 9 % иностранных студентов не умеют прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные неприятности. У российских студентов высокий уровень данного показателя наблюдался лишь в 2 % случаев. Иностранные студенты с низким уровнем коммуникативной толерантности могут быть зациклены на различиях между личностными особенностями, что

Табл. 1. Уровни развития толерантности личности по методике «Коммуникативная толерантность», % (человек)

Tab. 1. Levels of personality tolerance development according to the Communicative Tolerance method, % (people)

Показатель	Уровень					
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
	Иностранные студенты			Российские студенты		
Неприятие или непонимание индивидуальности другого человека	78 (36)	18 (8)	4 (2)	70 (32)	30 (14)	–
Использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других людей	71 (33)	25 (11)	4 (2)	81 (37)	19 (9)	–
Категоричность или консерватизм в оценках других людей	61 (28)	35 (16)	4 (2)	61 (28)	32 (15)	7 (3)
Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров	45 (21)	48 (22)	7 (3)	61 (28)	37 (17)	2 (1)
Стремление переделать, перевоспитать партнеров	63 (29)	28 (13)	9 (4)	81 (37)	15 (7)	4 (2)
Стремление подогнать партнера под себя, сделать его «удобным»	73 (34)	9 (4)	18 (8)	72 (33)	28 (13)	–
Неумение прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные неприятности	69 (32)	22 (10)	9 (4)	63 (29)	35 (16)	2 (1)
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми	69 (32)	24 (11)	7 (3)	91 (42)	9 (4)	–
Неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям других	60 (28)	33 (15)	7 (3)	74 (34)	24 (11)	2 (1)

впоследствии может стать источником обиды, тенденции усложнять взаимоотношения, придавая особый неприятный смысл поступкам и словам.

Высокий уровень интолерантности наблюдается у 7 % иностранных студентов и проявляется в признаках неумения скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров, нетерпимости к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми, и неумении приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям других. Лишь у 2 % респондентов, проживающих на территории РФ, наблюдался высокий уровень данных показателей. Иностранцы студенты с низким уровнем коммуникативной толерантности обычно демонстрируют неуправляемые отрицательные реакции в ответ на некоммуникабельный тип лиц, черты личности и манеры общения. Полученные результаты показывают, что в большинстве случаев иностранные студенты толерантны к дискомфорту и привыкли взаимодействовать в разных условиях с различными категориями людей.

Важно отметить, что лишь 4 % иностранных студентов используют себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других людей, проявляют категоричность или консерватизм в оценках других людей, не принимают или не понимают индивидуальность другого человека. У российских студентов высокий уровень первого показателя не был выявлен, а высокий уровень второго показателя наблюдался у 7 % респондентов. Иностранцы студенты, вошедшие в данную категорию, таким способом могут регламентировать проявление индивидуальности партнеров, требовать от них однообразия, которое будет соответствовать их внутреннему миру. Это может проявляться в стереотипности в восприятии и неприятии ценностей и вкусов других национальностей.

По методике «Типы этнической идентичности» на основе полученных показателей были выявлены уровни этнической толерантности и интолерантности студентов.

При анализе результатов по шкале Этницизм было выявлено, что 4 % (2 человека) респондентов из группы иностранных студентов обладают высоким, 17 % (8 человек) – средним и 79 % (36 человек) – низким уровнем направленности на отход от собственной этнической группы и поиск устойчивых социально-психологических ниш не по этническому признаку. Среди студентов, проживающих на территории РФ, средний уровень имеют 17 % (8 человек), высокий уровень – 83 % (38 человек).

По шкале Этническая индифферентность большая часть респондентов из числа иностранных студентов относится к среднему уровню – 72 % (33 человека), а остальные к высокому – 13 % (6 человек) и низкому – 15 % (7 человек) уровням. В то время как у студентов, проживающих на территории РФ, эти показатели были равны 32 %, 55 % и 13 % соответственно. Это свидетельствует о том, что в группе иностранных студентов существует тенденция к размыванию этнической идентичности, которая выражается в неопределенности этнической принадлежности и неактуальности этничности.

Для подавляющего большинства респондентов из числа иностранных студентов характерен высокий уровень позитивной этнической идентичности – 74 % (34 человека), который проявляется в сочетании позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Для 24 % (11 человек) характерен средний, а для 2 % (1 человек) – низкий уровень. Примерно такие же результаты были выявлены у студентов из России: 78 % (36 человек), 20 % (9 человек) и 2 % (1 человек) соответственно.

При анализе результатов по шкале Этноэгоизм было выявлено, что 4 % (2 человека) из общего количества иностранных студентов обладают высоким уровнем данного параметра, который может выражаться в напряженности и раздражении в общении с представителями других этнических групп. Но большая часть респондентов имеют низкий – 80 % (37 человек) и средний – 15 % (7 человек) уровни данного показателя. У студентов, проживающих на территории РФ, высокий уровень данного показателя отсутствует. Низкий и средний уровни демонстрируют 72 % (33 человека) и 28 % (13 человек) испытуемых.

По шкале Этноизоляционизм большая часть студентов-иностранцев показали низкий уровень 74 % (34 человека), 24 % (11 человек) – средний и 2 % (1 человек) – высокий уровень убежденности в превосходстве своего народа, признания необходимости очищения национальной культуры и негативного отношения к межэтническим брачным союзам и ксенофобии. У российских студентов высокий уровень данного показателя не выявлен, низкий и средний зафиксирован в 74 % (34 человека) и 26 % (12 человек) случаев.

Этнофанатизм может выражаться в готовности идти на любые действия во имя этнических интересов и оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа. Высоким уровнем обладают 9 % (4 человека) респондентов в группе иностранных студентов, в то время как у 30 % (14 человек) был выявлен средний и у 61 % (28 человек) низкий уровень. Распределение студентов из РФ по уровням данного параметра неоднородно: высокий уровень был выявлен лишь у 4 % (2 человека) респондентов, средний – у 40 % (18 человек), низкий – у 56 % (26 человек).

Обобщая полученный результат констатирующего эксперимента можно сказать, что толерантность личности иностранных студентов характеризуется сочетанием толерантных и интолерантных черт, средним уровнем этнической и социальной толерантности, низким уровнем этницизма, средним уровнем этнической индифферентности, повышенным уровнем позитивной этнической идентичности, низким уровнем этноэгоизма, пониженным уровнем этноизоляционизма и этнофанатизма и средним уровнем коммуникативной толерантности.

На следующем этапе исследования иностранные студенты были разделены на экспериментальную и контрольную группы по 23 человека в каждой. Отбор в ЭГ осуществлялся на основании проявленной мотивации участников, в ней были проведены мероприятия, направленные на развитие толерантности личности. На начальном этапе

эксперимента критерий Стьюдента для независимых выборок не показал статистически значимых различий (при $p \leq 0,05$) между ЭГ и КГ (табл. 2). Из этого можно сделать вывод, что уровень толерантности личности в обеих группах одинаковый, а незначительные различия лишь подчеркивают особенности и своеобразие каждого студента в отдельности.

Проанализировав полученные результаты, мы считаем возможным утверждать, что средние значения обеих групп соответствуют диапазону среднего уровня, т. е. для большинства испытуемых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. Подобные результаты могут свидетельствовать о том, что в различных социальных ситуациях они могут вести себя по-разному. Полученные результаты были использованы для организации формирующего эксперимента.

В рамках исследования была разработана программа развития толерантности личности иностранных студентов. Программа была реализована в течение 16 недель. Занятия продолжительностью 1,5 часа проходили каждую неделю. Суть реализуемой программы заключалась в целенаправленной и планомерной работе по организации и проведению занятий, направленных на развитие толерантности личности иностранных студентов. Для решения поставленных задач использовались такие методы психолого-

педагогического воздействия, как психогимнастика, игровые методы, беседы, дискуссии, моделирование и анализ проблемных ситуаций, ролевые игры.

После формирующего воздействия была проведена повторная диагностика, в результате которой установлено, что в ЭГ произошли значимые изменения в развитии некоторых параметров толерантности и идентичности личности (табл. 3).

В процессе участия в занятиях тренинга «Толерантность межличностных отношений» студенты ЭГ овладевают навыками позитивного взаимоотношения, отрабатывают способы успешной коммуникации, формируют навыки социальной компетентности, социально-психологической устойчивости и социальной чувствительности. Кроме того, участники тренинга знакомятся с понятием *толерантность* не абстрактно, а конкретно, при личном участии и взаимодействии. В ходе занятий участники узнают об особенностях толерантной личности в межкультурном пространстве, развивают способности к эмпатии, сочувствию и сопереживанию, сравнивают себя с эталоном толерантной личности. Посредством приобретения жизненно необходимого опыта, который иностранный студент получает в процессе групповой работы, активизируются процессы анализа и познания своего Я и своего Я среди Других.

Табл. 2. Средние значения показателей на начальном этапе исследования

Tab. 2. Mean values of indicators at the initial stage of the study

Показатель	Среднее значение		t	P
	ЭГ	КГ		
Индекс толерантности	90,91	89,44	0,43	0,66
Этническая толерантность	30,44	31,00	-0,35	0,72
Социальная толерантность	29,83	29,78	0,03	0,97
Толерантность как черта личности	30,13	28,65	1,10	0,27
Неприятие или непонимание индивидуальности другого человека	4,35	4,09	0,31	0,75
Использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других людей	4,04	4,65	-0,70	0,48
Категоричность или консерватизм в оценках других людей	5,70	5,17	0,54	0,58
Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров	4,96	5,91	-1,12	0,26
Стремление переделать, перевоспитать партнера	4,44	5,48	-1,09	0,27
Стремление подогнать партнера под себя, сделать его «удобным»	3,87	5,61	-1,60	0,11
Неумение прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные неприятности	4,48	4,78	-0,29	0,77
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми	3,83	4,30	-0,42	0,67
Неумение приспособливаться к характеру, привычкам и желаниям других	4,57	4,87	-0,30	0,75
Общая коммуникативная толерантность	40,30	44,78	-0,67	0,50
Этнонигилизм	4,00	4,39	-0,34	0,72
Этническая индифферентность	10,22	9,83	0,42	0,67
Позитивная этническая идентичность	16,09	15,09	0,74	0,46
Этноэгоизм	3,96	3,70	0,22	0,82
Этноизоляционизм	4,04	4,65	-0,60	0,54
Этнофанатизм	5,00	6,13	-1,00	0,32

Табл. 3. Средние значения показателей респондентов ЭГ до и после эксперимента

Tab. 3. Mean values in the experimental group before and after the experiment

Показатель	Среднее значение		t	p
	Начальный этап	Заключительный этап		
Индекс толерантности	90,91	93,61	-2,29	0,05
Социальная толерантность	29,83	31,65	-2,79	0,04
Толерантность как черта личности	30,13	31,44	-2,78	0,04
Использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других людей	4,04	3,09	3,21	0,01
Категоричность или консерватизм в оценках других людей	5,70	4,74	3,19	0,01
Неумение прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные неприятности	4,48	3,45	3,17	0,01
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми	3,83	3,22	2,28	0,05
Общая коммуникативная толерантность	40,3	53,30	-2,79	0,04
Позитивная этническая идентичность	16,09	17,61	-2,78	0,04
Этноэгоизм	3,96	2,91	2,75	0,04
Этноизоляционизм	4,04	3,07	3,19	0,01
Этнофанатизм	5,00	3,95	3,21	0,01

Студенты осознают многообразие проявлений личности каждого участника в групповом взаимодействии. Они развивают способности к самоанализу, самопознанию, формируют навыки ведения позитивного внутреннего диалога. Через развитие составляющих толерантности (доверие, воображение, сочувствие, сопереживание) перед студентами раскрывается суть инаковости, отличности от других.

Участники ЭГ осознают, что позитивное отношение к себе является важным элементом толерантности в целом, сосуществует с доброжелательным отношением к окружающим и миру. В процессе проведения формирующего эксперимента, мы не осуществляли воздействие на испытуемых КГ. По завершении формирующего эксперимента респонденты КГ были протестированы повторно с помощью предложенного инструментария. Значимые изменения по изучаемым параметрам толерантности и идентичности в КГ отсутствуют. При этом с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок были выявлены статистически значимые различия между КГ и ЭГ на конец эксперимента (табл. 4).

Таким образом, после реализации программы становится очевидным, что практически у всех студентов ЭГ повысился уровень толерантности и уменьшились показатели интолерантности. Студенты демонстрируют сформированные коммуникативные навыки, способность к эмпатии, сочувствию и сопереживанию.

Заключение

В ходе исследования определены основные направления и подходы в изучении проблемы толерантности личности как совокупности навыков толерантного взаимодействия

субъектов образовательного процесса. Формирование толерантности личности происходит под влиянием национального, культурного и конфессионально-религиозного факторов. Воздействие новой социокультурной среды влияет на личностные характеристики иностранных студентов как позитивно, так и негативно, формируя толерантные и интолерантные установки.

Определены особенности толерантности и идентичности личности иностранных студентов. Их уровень нетерпимости к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми, выше, чем у российских студентов. При этом уровень этноэгоизма у иностранных студентов выражен в меньшей степени. Для эффективного развития толерантности личности иностранных студентов в процессе обучения необходимо создание комплекса условий, направленных на преодоление негативных проявлений интолерантных установок. Обеспечение условий осуществлялось посредством реализации программы развития толерантности личности, направленной на формирование у студентов толерантного отношения к себе и другим, профилактику ксенофобии, приобретение навыков, необходимых для эффективной коммуникации в межкультурном контексте. Результаты сравнительного анализа достоверности различий показателей в ЭГ на начальном и заключительном этапах формирующего эксперимента демонстрируют достоверные отличия по ряду параметров. У студентов повысился уровень толерантности и уменьшились показатели интолерантности, они проявляют сформированные коммуникативные навыки и способность к эмпатии, сочувствию и сопереживанию.

Табл. 4. Средние значения показателей на заключительном этапе эксперимента
Tab. 4. Mean values of indicators at the final stage of the experiment

Показатель	Среднее значение		t	p
	ЭГ	КГ		
Индекс толерантности	93,61	90,04	1,93	0,05
Этническая толерантность	31,65	31,28	2,04	0,14
Социальная толерантность	31,44	29,96	1,58	0,01
Толерантность как черта личности	31,44	28,96	2,11	0,04
Неприятие или непонимание индивидуальности другого человека	4,04	3,26	2,53	0,11
Использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других людей	3,09	4,35	-1,44	0,15
Категоричность или консерватизм в оценках других людей	4,74	4,57	0,87	0,38
Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров	4,78	5,83	-2,16	0,03
Стремление переделать, перевоспитать партнера	4,39	5,04	-1,10	0,27
Стремление подогнать партнера под себя, сделать его «удобным»	3,56	5,39	-2,53	0,01
Неумение прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные неприятности	3,45	5,09	-2,26	0,02
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми	3,22	4,48	-2,41	0,01
Неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям других	4,34	4,91	-2,42	0,01
Общая коммуникативная толерантность	53,3	45,52	-1,52	0,03
Этнонигилизм	4,13	4,52	0,56	0,57
Этническая индифферентность	10,31	10,26	2,22	0,03
Позитивная этническая идентичность	17,61	14,57	2,21	0,03
Этноэгоизм	2,91	4,35	-1,59	0,11
Этноизоляционизм	3,07	4,52	-2,69	0,01
Этнофанатизм	3,95	5,96	-2,67	0,01

Прим.: полужирным курсивом выделены значимые различия при $p < 0,05$.

Литература

1. Арипова М. Л. Современный мир и проблема толерантности // Проблемы педагогики. 2018. № 1. С. 13–15.
2. Чекмарева Т. Н., Фалунина Е. В. Актуализация проблемы развития толерантности личности у будущих педагогов в условиях высшего профессионального образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1. С. 216–220.
3. Асмолов А. Г. Толерантность как культура XXI века // Век толерантности. 2004. № 7. С. 4–8.
4. Дзякович Е. В. Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности // Обсерватория культуры. 2010. № 4. С. 10–14.
5. Русских Л. В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 178–180.
6. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
7. Шергалиева М. Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1. С. 207–211.
8. Гребенникова И. А. Педагогические условия сохранения культурной идентификации иностранного студента // Высшее образование сегодня. 2009. № 7. С. 32–34.
9. Маслова Г. Г. Воспитание толерантности и идентичности // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2008. № 5. С. 164–175.
10. Жаде З. А. «Этничность» и «этническая идентичность»: концептуальный анализ понятий // Общество и право. 2006. № 3. С. 66–72.
11. Эм Е. А. Позитивная этническая идентичность как основа этнической толерантности // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. С. 225–231.

12. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Старый сад, 1998. 316 с.
13. Левкович В. П., Чернова О. В. Особенности этнокультурной адаптации этноконтактных групп народов Поволжья // Идентичность и толерантность / отв. ред. Н. М. Лебедева. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 243–250.
14. Спирина Т. А., Головина С. Г. Формирование этнической толерантности студентов в образовательном процессе вуза: методическое обеспечение // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4. С. 167–170.
15. Верещагина М. В. Этническая идентичность и этническая толерантность русских и осетинских студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 22 с.
16. Павлов И. В., Кулиш Т. В. Педагогические условия формирования толерантности у обучающихся в образовательных учреждениях среднего профессионального образования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 2. С. 170–178. DOI: 10.26293/chgpi.2019.102.2.023
17. Головина С. Г., Спирина Т. А., Корниенко А. В. Формирование этнической толерантности студентов: психолого-педагогические аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 122–130.
18. Дмитриева Е. Е., Суворова О. В., Егорова П. А., Мухина Т. Г., Сорокоумова С. Н. Психологическое исследование коммуникативной толерантности у студентов высшей педагогической школы // Язык и культура. 2019. № 45. С. 161–172. DOI: 10.17223/19996195/45/12
19. Матасова И. Л., Бугаева Д. Э. Комплексный подход к изучению толерантности в условиях общеобразовательных организаций // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 349–352.
20. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 84–93. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
21. Андриенко О. А. Социокультурная обусловленность воспитания толерантности у подрастающего поколения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 21–24. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0003
22. Хамиди М. Э. Педагогические условия организации толерантного педагогического взаимодействия иностранных студентов в высшем учебном заведении // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. № 3. С. 299–303.
23. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой, Т. Ю. Прокофьевой, О. А. Кравцовой. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 112 с.

original article

Development of Identity and Tolerance in Foreign University Students

Tatiana V. Bobrova^{a, ID1}; Sergei A. Dranishnikov^{a, @, ID2}

^a Institute of Ethnocultural Education, Russia, Moscow

@sa-d@ya.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-2658-1539>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5250-8821>

Received 08.09.2020. Accepted 30.09.2020.

Abstract: This article introduces the theoretical and methodological foundations for studying the development of identity and tolerance in foreign university students. The research featured the organization of the educational process that encourages the development of personality identity and tolerance in foreign students. The authors defined the main directions and approaches to the problem of identity and tolerance development as a set of skills. The article describes the identity and tolerance profile of foreign students that study at Russian universities. The author proved that tolerance developed under the effect of national, cultural, and religious factors, as new sociocultural environment affected the personal characteristics of foreign students. The results were both positive and negative, thus forming both tolerant and intolerant attitudes. Subsequently, the personality profile of foreign students demonstrated a combination of tolerant and intolerant traits. The levels of ethnic nihilism and egoism were low; so were the levels of ethnic isolationism and fanaticism. The level of ethnic and social tolerance appeared average. The ethnic indifference and communicative tolerance were also at an average level. However, the level of positive ethnic identity was high. The research revealed a link between tolerance and ethnic identity in foreign students. The results can help to organize the development of identity and tolerance in foreign students.

Keywords: tolerant attitudes, intolerant attitudes, tolerance in connection with identity, ethnic identity, students of different nationalities

For citation: Bobrova T. V., Dranishnikov S. A. Development of Identity and Tolerance in Foreign University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 187–197. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-187-197>

References

1. Aripova M. L. Modern world and tolerance issue. *Problemy pedagogiki*, 2018, (1): 13–15. (In Russ.)
2. Chekmareva T. N., Falunina E. V. Updating the problems of development tolerance of the person at the future teachers in the higher education. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2014, (1): 216–220. (In Russ.)
3. Asmolov A. G. Tolerance as a culture of the XXI century. *Vek tolerantnosti*, 2004, (7): 4–8. (In Russ.)
4. Dzyakovich E. V. Identity, identification, and dramatization in the development of global and local socio-cultural processes of our time. *Observatoriia kultury*, 2010, (4): 10–14. (In Russ.)
5. Russkikh L. V. Identity: cultural, ethnic, national. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2013, 13(2): 178–180. (In Russ.)
6. Kochetkov V. V. National and ethnic identity in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2012, (2): 144–162. (In Russ.)
7. Schergalieva M. T. Ethnic identity as a type of social identity. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2014, 3(1): 207–211. (In Russ.)
8. Grebennikova I. A. Pedagogical conditions of foreign student's cultural identification saving. *Vy'sshee obrazovanie segodnya*, 2009, (7): 32–34. (In Russ.)
9. Maslova G. G. Development of tolerance and identity. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Sotsialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki"*, 2008, (5): 164–175. (In Russ.)
10. Zhade Z. A. "Ethnicity" and "ethnic identity": a conceptual analysis. *Society and law*, 2006, (3): 66–72. (In Russ.)
11. Em E. A. Positive ethnic identity as the basis of ethnic tolerance. *Siberian Pedagogical Journal*, 2010, (5): 225–231. (In Russ.)
12. Lebedeva N. M. *Introduction to ethnic and cross-cultural psychology*. Moscow: Staryi sad, 1998, 316. (In Russ.)
13. Levkovich V. P., Chernova O. V. Features of ethnocultural adaptation of ethno-contact groups of the peoples of the Volga region. *Identity and tolerance*, ed. Lebedeva N. M. Moscow: IEA RAN, 2002, 243–250. (In Russ.)
14. Spirina T. A., Golovina S. G. Developing ethnic tolerance of students in the educational process of the university: methodological support. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, (4): 167–170. (In Russ.)
15. Vereshchagina M. V. *Ethnic identity and ethnic tolerance of Russian and students from Ossetia*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2010, 22. (In Russ.)
16. Pavlov I. V., Kulish T. V. Pedagogical conditions of formation of tolerance among students in educational institutions of secondary professional education. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2019, (2): 170–178. (In Russ.) DOI: 10.26293/chgpu.2019.102.2.023
17. Golovina S. G., Spirina T. A., Kornienko A. V. Developing ethnic tolerance of students: psychological and pedagogical aspects. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (6): 122–130. (In Russ.)
18. Dmitrieva E. E., Suvorova O. V., Egorova P. A., Mukhina T. G., Sorokoumova S. N. Psychological study of communicative tolerance in students of higher education school. *Jazyk i kul'tura*, 2019, (45): 161–172. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/45/12
19. Matasova I. L., Bugaeva D. E. Comprehensive approach to study of tolerance in conditions of the polikultural environment of schooling organizations. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2018, 7(3): 349–352. (In Russ.)
20. Mishina M. M., Mursaliyeva G. M. Comparative analysis of the formation of ethnic identity types of adolescents from different cultural environments. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*, 2018, (1): 84–93. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
21. Andrienko O. A. Socio-cultural conditionality of tolerance among the younger generation. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2019, 8(3): 21–24. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0003
22. Hamidi M. E. Pedagogical conditions of organization of foreign student's tolerant pedagogical cooperation at university. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2018, (3): 299–303. (In Russ.)
23. *Workshop on psychological diagnostics and research of tolerance*, eds. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokofeva T. Iu., Kravtsova O. A. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 2003, 112. (In Russ.)

Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста средствами проектной деятельности

Елена В. Кузнецова^{a, b, @}

^a МБДОУ № 25 «Детский сад общеразвивающего вида», Россия, г. Кемерово

^b Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] madam.kuznecova2010@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2020. Принята к печати 15.06.2020.

Аннотация: Описаны теоретические подходы к определению сущностных характеристик связной речи как высшей психической функции в психолого-педагогической литературе. Представлены особенности развития связной речи детей старшего дошкольного возраста. Предметом являются средства проектной деятельности, способствующие позитивным трансформациям параметров связной речи у детей старшего дошкольного возраста. Цель – теоретически исследовать и экспериментально обосновать эффективность средств проектной деятельности, обеспечивающих развитие параметров связной речи детей старшего дошкольного возраста. Определены и описаны качественные характеристики связной речи старших дошкольников, особенности ее развития, проявляющиеся в наличии вариативности уровней сформированности умений составлять простые и сложные предложения, пересказывать и составлять тексты. Представлены различные технологии работы по формированию связной речи, в том числе использование проектной деятельности в процессе взаимодействия взрослого с ребенком. Экспериментально подтверждена возможность позитивного воздействия на процесс формирования умений связно излагать свои мысли у старших дошкольников средствами проектной деятельности.

Ключевые слова: ребенок старшего дошкольного возраста, особенности развития связной речи, критерии сформированности, повествовательный рассказ, описательный рассказ, технологии формирования связной речи, элементы проектной деятельности

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста средствами проектной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-198-206>

Введение

Проблема формирования связной монологической речи является одной из актуальных в практике современного образования, что связано с социальной значимостью и важной ролью устной монологической речи в формировании личности. Благодаря реализации коммуникативной функции языка и речи человек может выразить свое отношение к происходящему, продемонстрировать свои мысли и чувства, облекая их в понятные окружающим понятия и термины. Л. С. Выготский [1], С. А. Рубинштейн [2], Ф. А. Сохин [3] констатируют, что монологическая речь выступает как высшая форма речемыслительной деятельности, которая определяет уровень речевого и умственного развития ребенка, выступая в виде средства получения знаний и средства контроля над этими знаниями.

В исследованиях Ф. А. Сохина отмечается, что связная речь представляет собой последовательное, точное, логичное и грамматически правильное изложение определенной информации [3]. А. М. Леушина указывает на социальную обусловленность связной речи, этапность и последовательность ее развития [4]. О. С. Ушакова подчеркивает наличие таких качественных характеристик связной речи, как целостность, связность, наличие логики изложения, коммуникативной направленности, структурной организации средств

языка [5]. А. М. Бородич пишет, что связная речь характеризуется наличием соотнесенности с объективным миром, особенностями партнеров по общению, различными сферами общения, со структурными компонентами языка [6]. Следует согласиться со мнением Е. В. Андреевой и С. Н. Архиповой о том, что связная речь представляет собой наиболее сложную форму речевой деятельности. Она носит характер последовательного систематического развернутого изложения [7].

И. А. Зимняя указывает на наличие содержательности, точности, логичности и ясности связной речи [8]. Связная речь рассматривается А. Р. Лурией как речь, «состоящая из языковых компонентов, входящих в разные ярусы языка: знаменательная и служебная лексика, словосочетания, организованные в соответствии с законами логики и грамматическими правилами языка» [9, с. 65]. Исходя из этого определения, каждое отдельное предложение может быть рассмотрено как частная разновидность связной речи. Связное высказывание, по мнению А. Н. Леонтьева и соавторов, представляет собой «коммуникативную единицу, представленную как отдельным предложением, так и целой синтаксической конструкцией (текст)» [10, с. 312]. Связное высказывание рассматривается учеными с позиций связности, последовательности, логико-смысловой организации в соответствии с темой высказывания и его коммуникативной интенцией.

Связная речь представляет собой широкое понятие, в рамках которого выделяются диалогическая и монологическая формы речи. Монолог, или монологическая форма речи, представляет собой связную речь, которая продуцируется одним субъектом речи. Т. Г. Винокур определяет монолог как «форму речи, образуемую в результате активной речевой деятельности, не рассчитанную на сиюминутную словесную реакцию» [11, с. 240]. Согласно мнению М. Р. Львова, «монолог представляет собой значительное по объему высказывание, имеющее тему, композиционную структуру, главную мысль»¹. В отличие от диалога как формы коллективного общения, монолог можно определить как продукт индивидуального творчества.

«Монолог может быть адресован одному или группе адресатов, иногда – самому адресанту» – отмечают А. Н. Леонтьев и др. [10, с. 313]. По сравнению с диалогом, монологическая речь более контекстна, наиболее полно излагается, характеризуется тщательным отбором лексических средств и использованием синтаксических конструкций. Если диалог характеризуется краткостью, намеренной неполнотой и незавершенностью высказывания (при условии, что адресат хорошо знаком с содержанием речи), то монолог характеризуется развернутостью, наличием различных тем, связностью, смысловой завершенностью, грамматической оформленностью. Автор монологической речи несет ответственность за содержание и изложение своего высказывания перед аудиторией слушателей или читателей. Следовательно, монологическая форма речи характеризуется непрерывностью, подготовленностью (полной или частичной), самостоятельностью (пересказ текста, самостоятельное высказывание). По мнению К. А. Гришиной, монологическая речь имеет несравненно более сложное строение, выражает мысль одного человека, которая неизвестна слушателям [12].

Л. П. Федоренко с соавторами подробно освещают проблему формирования монологической речи у детей дошкольного возраста [13]. На первом году жизни у ребенка в процессе эмоционального общения со взрослыми начинают закладываться основы будущей связной речи. Фактически речь идет не об обмене словами, а об обмене эмоциями и чувствами. При этом взрослому отведена важная роль обозначения возникающих переживаний и действий участников взаимодействия. По мнению Л. Г. Шадринной и Е. Н. Судаковой, собеседники в таком общении выражают различные чувства, а не мысли [14]. Первые слова у ребенка появляются только ближе к году, при этом на самых ранних этапах ребенок использует в общении лишь отдельные звуки, подражая звукам голоса взрослого. Когда ребенку исполняется год, он начинает применять слова для обращения к взрослым и приобретает возможность с помощью речи вступать со взрослыми в сознательное общение. Для ребенка раннего возраста слово имеет смысл целого предложения.

Устная фрагментарная речь в пределах диалога у детей третьего года жизни начинает приобретать связный характер. Как утверждает Д. Б. Эльконин, в речи детей раннего

возраста появляется логика, практически исчезает неопределенная форма глагола, закрепляется форма повелительного наклонения. Дети вербализируют свои высказывания, отвечают на вопросы окружающих, могут рассказать о событии или пересказать услышанное ранее [15]. Ситуативный характер изложения определяется С. Л. Рубинштейном в качестве отличительной особенности монологической речи детей дошкольного возраста [2].

О. С. Ушакова и Е. М. Струнина рассматривают овладение навыками построения монологической речи как основное достижение речевого развития детей старшего дошкольного возраста [16]. Овладевая монологической речью, ребенок активно реализует ее информативную, убеждающую и эмоционально-оценочную функции [17]. В процессе общения ребенок осваивает умения интонировать, выделять с помощью голоса отдельные компоненты повествования, использовать паузы, выразительные жесты и мимику [18]. По мнению Я. О. Дудко, именно в дошкольном возрасте формируется социально-коммуникативная компетентность ребенка, первые социальные и коммуникативные навыки, которые позволяют ребенку войти в мир социальных отношений [19].

М. Л. Симкин и К. О. Гелихова отмечают, что дети старшего дошкольного возраста осваивают различные типы связных высказываний, пересказывая, рассказывая и объясняя события и явления окружающего мира. При пересказе литературных текстов, сказок дошкольники передают фактический смысл текста, соблюдают последовательность изложения [20]. По мнению И. Н. Лебедевой, дошкольники способны передать и описать ключевые моменты: погоду, пейзаж. При составлении рассказа по серии сюжетных картин дети способны описать объекты окружающей действительности, обнаружить и обозначить существенные связи и отношения между ними [21].

Важное значение в процессе формирования связной речи старших дошкольников имеет выбор педагогических технологий, используемых для обучения детей. Следует согласиться с мнением Е. А. Щербининой и Г. В. Зиновьевой, которые указывают на этапность организации работы по формированию связной речи детей дошкольного возраста [22]. В. П. Глухов подчеркивает, что благодаря вариативности применяемых методик происходит активизация речевой деятельности воспитанников, формирование их мотивации, повышение коммуникативной компетенции и обмен положительными эмоциями [23]. Л. А. Насырова указывает на возможность развития у дошкольников чутья к образности речи, осознанного употребления в высказываниях различных изобразительно-выразительных средств языка [24].

Проектная деятельность

Технология проектирования выступает, как мы считаем, одной из инновационных методик, целью которой является улучшение характеристик речевого развития. Согласно точке зрения В. А. Чернобровкина и О. В. Пустовойтовой,

¹ Львов М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка. М.: Академия; Высш. шк., 1999. С. 130.

одной из ключевых целей проектной деятельности и проектного обучения является создание особых условий, при которых у обучаемых появляется стимул для самостоятельного поиска требуемых и недостающих знаний, который может реализовываться из различных источников [25]. Проектирование в качестве творческой деятельности дошкольников способствует определению целей и задач выполняемой деятельности с наибольшей точностью (согласно требованиям государственных стандартов), исследованию и сопоставлению имеющихся и требуемых средств, предназначенных для следования приемлемому плану для достижения поставленной цели.

Кроме того, с помощью данной технологии сам педагог может осуществлять процесс творчества. Главными задачами рассматриваемой методики являются совершенствование познавательных навыков у дошкольников и формирование у них способности к конструированию собственных знаний, развитие умения выделять важную информацию из большого ее потока, критического и творческого мышления.

В процессе интеграции различных видов деятельности у дошкольника появляется возможность переносить освоенные способы решения образовательных и творческих заданий в новую проблемную ситуацию художественной, театрализованной и иной деятельности. При этом посредством организации некоторых образовательных сфер в одну ребенок способен развить у себя способность к общему видению картины окружающего мира. Мы согласны с мнением Г. В. Нарыковой, которая подчеркивает, что групповая работа дошкольников позволяет детям развивать свои умения во всех видах ролевой деятельности. Такая работа позволяет им формировать и совершенствовать свои коммуникативные, а также нравственные качества [26].

Таким образом, важнейшей целью рассматриваемого метода выступает предоставление возможности для детей дошкольного возраста научиться самим получать новые знания и умения в процессе решения практических задач, для чего им необходима интеграция имеющихся знаний из нескольких образовательных сфер. Фундаментальной концепцией современной интерпретации методики проектной деятельности является именно понимание детьми того, с какой целью они овладевают новыми знаниями и умениями. Они должны знать, когда и при каких обстоятельствах смогут воспользоваться этими способностями в собственной жизни. Следовательно, выбранная тема относится ко всем образовательным сферам, определенным ФГОС ДО, а также ко всем структурным образовательным подразделениям посредством различных видов деятельности детей. Можно говорить, что образуется неразрывный, целостный, а не фрагментированный образовательный процесс, благодаря которому дети способны «прожить» тему в некоторых видах своей деятельности. Это, в свою очередь, позволяет им увеличить объем информации, который они могут освоить, а также понимать и распознавать различные связи предметов и явлений.

Метод проектной деятельности является наиболее эффективным способом, позволяющим одновременно

обеспечить развитие у ребенка познавательных интересов, мышления, формирование универсальных компетенций (самостоятельная постановка задачи, анализ проблемной ситуации, выбор наиболее оптимального пути решения), развитие личностных качеств, умения работать в команде, доводить дело до конца, проявлять инициативу [27].

Таким образом, проектная деятельность в качестве специфической деятельности творчества выступает универсальным средством, используемым для всестороннего развития детей. В ее основе лежит игровой процесс, при котором ребенок собственноручно конструирует личную предметную окружающую среду. Проектная деятельность способствует развитию у дошкольников стремления к познанию, получению новых умений, что приводит к большей самостоятельности детей, опасаящихся высказывать свое мнение по каким-либо вопросам. В процессе формирования проектной деятельности в дошкольном образовательном учреждении рассматриваемая методика является наиболее действенной и перспективной, т. к. с ее помощью дети способны найти себя в чем-то, развить в себе, перенять новые, проверить имеющиеся интересы, определить, почувствовать те силы, которыми они обладают. В своих проектах ребенок показывает личные интересы, а также имеющиеся у него проблемы.

Методика проектной деятельности является деятельностью, направленной на решение различных задач по всем образовательным сферам и выполняемой по определенному, заранее разработанному плану [28]. Данная методика не нова для зарубежной педагогики. В первую очередь она направлена на формирование у детей свободных творческих личностных качеств. По своей сути методика представляет собой самостоятельную деятельность дошкольников, выполняя которую, они расширяют свои представления об окружающем мире и воплощают полученные ими знания и умения в определенные продукты. В то же время под проектом следует понимать различную деятельность, которую ребенок осуществляет по собственной инициативе, находясь в группе детей с высоким уровнем самостоятельности и имеющими в данный момент какой-либо общий интерес. Таким образом, реализация данной методики позволяет подготовить детей к их будущей жизни и способствует большей их организованности в настоящем.

Методы и материалы

Проведенный теоретический анализ позволил нам сформулировать проблемный вопрос исследования: каковы возможности использования проектной деятельности как средства формирования связной речи детей старшего дошкольного возраста? Исследование проходило на базе МБДОУ № 178 «Детский сад общеразвивающего вида» г. Кемерово. Выборку составили 50 детей старшего дошкольного возраста.

На констатирующем этапе был сконструирован диагностический инструментальный, включающий набор методик, позволяющих оценить уровень развития связной речи детей старшего дошкольного возраста. Подобраны шесть диагностических заданий с нарастающей степенью

сложности за счет сокращения количества наглядности. Выявлены уровни развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста, выполнен количественный и качественный анализ полученных данных. На формирующем этапе эксперимента была разработана и внедрена технология проектной деятельности, обеспечивающая позитивные изменения в качественных характеристиках связной речи детей дошкольного возраста. На заключительном этапе проведен контрольный срез, который позволил проиллюстрировать динамику уровня развития у детей старшего дошкольного возраста связной речи.

Для анализа результатов были выделены следующие критерии оценки выполнения диагностических заданий [29]:

- содержательность – формулировка основной мысли (насколько полно ребенок передает содержание);
- точность – правдивое изображение действительности, подбор слов и словосочетаний, наиболее подходящих в данном случае;
- логичность – последовательное, непротиворечивое и аргументированное изложение мыслей;
- плавность – отсутствие пауз, необоснованных контекстом и нарушающих целостность рассказа;
- самостоятельность – степень необходимости подсказок, вспомогательных вопросов;
- грамматическая правильность – правильное, грамотное построение предложений;
- разнообразие лексических средств – полнота использования различных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов, местоимений);
- развернутость – объем слов и предложений.

В первом диагностическом задании ребенку предлагалось составить повествовательный рассказ с опорой на серию сюжетных картин, во втором – повествовательный рассказ без опоры (по представлению), в третьем – описательный рассказ по предметной картине, в четвертом – описательный рассказ без опоры (по представлению), в пятом – рассказ по сюжетной картине, в шестом – рассказ без опоры на сюжетную картину. Критерии оценки диагностических заданий были определены с учетом выделенных показателей сформированности связной монологической речи детей старшего дошкольного возраста.

0 баллов – отказ от выполнения задания: ребенок может начать выполнять задание, но не слушать инструкцию, отказаться ее выполнять.

1 балл – отсутствие показателя: основная мысль не отражена; сказанное не соответствует действительности; отсутствует последовательность изложения; много пауз между высказываниями; ребенок использует помощь логопеда, не исправляет ошибки; нарушено согласование частей речи, присутствует множество лексико-грамматических ошибок; предложения не распространены, высказывания очень короткие.

2 балла – частичное наличие показателя: основная мысль передана недостаточно полно; не во всех предложениях слова и словосочетания соответствуют действительности; нарушены логические переходы, необоснованные паузы;

в ряде случаев детям требуются подсказки, наводящие вопросы; предложения построены недостаточно грамотно, нарушено согласование частей речи, встречаются лексические повторы, аграмматизмы, высказывания недостаточно распространенные.

3 балла – полное наличие показателя: содержание высказывания передано полно; используются слова и словосочетания, наиболее подходящие в данном случае; соблюдается логический переход между частями, отсутствует противоречивость в высказывании, отсутствуют паузы, нарушающие целостность; задание выполняется самостоятельно, без подсказок и наводящих вопросов; предложения построены грамотно, фразы объемны.

Для определения результата выполнения диагностических заданий все баллы суммировались и делились на их общее количество, после чего находилось среднее значение, соответствующее определенному уровню сформированности связной монологической речи. Было выделено три уровня сформированности связной монологической речи: низкий (0–0,9 баллов), средний (1–1,9 балла), высокий (2–3 балла).

Результаты

Для формирования монологической связной речи мы предлагаем использовать технологию обучения дошкольников составлению рассказов по картине. Основопологающий момент технологии состоит в том, что обучение дошкольников составлению сказок по картине базируется на алгоритмах мышления. Можно выделить ряд этапов в работе с детьми. На каждом из них представлена конкретная мыслительная операция, осваивая которую, ребенок развивает способность составлять по картине речевые зарисовки самостоятельно. Обучение ребенка основывается на совместной деятельности с педагогом через систему игровых упражнений. При организации коррекционно-развивающего процесса на основе проектной деятельности ключевой оказывается роль педагога. Технология стимулирует активное речевое взаимодействие ребенка со сверстниками и со взрослым, актуализирует потребность речевого высказывания и доказывания (аргументации) ребенком своего мнения.

Общая выборка детей старшего дошкольного возраста (50 человек) была разделена на две группы по 25 человек: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ). Для подтверждения того, что группы статистически не различаются по баллам методики, было проведено сравнение групп по t-критерию Стьюдента для независимых выборок. По итогам сравнения было подтверждено, что статистически значимых различий между группами нет (табл. 1).

Результаты, полученные в ходе диагностики, были проанализированы в соответствии с выделенными критериями оценки. В ходе выполнения первого задания дети испытывали затруднения при выстраивании логики рассказа, точной передачи информации и ее лексико-грамматического оформления. Рассказы были недостаточно распространенными и малосодержательными, с многочисленными лексико-грамматическими ошибками и пропусками частей повествования.

Табл. 1. Сравнение показателей связной речи старших дошкольников в КГ и ЭГ на начальном этапе исследования
Tab. 1. Indicators of coherent speech in senior preschoolers at the onset of the experiment: control vs. experimental group

Показатель	Среднее значение		t	p
	ЭГ	КГ		
Умение составлять повествовательный рассказ с опорой на серию сюжетных картин	1,86	1,84	0,21	0,83
Умение составлять повествовательный рассказ без опоры (по представлению)	1,94	1,94	0,00	1,00
Умение составлять описательный рассказ по предметной картине	1,88	1,86	0,20	0,84
Умение составлять описательный рассказ без опоры (по представлению)	2,01	2,09	-0,35	0,72
Умение составлять рассказ по сюжетной картине	2,12	2,10	0,21	0,83
Умение составлять рассказ без опоры на сюжетную картину	2,16	2,14	0,18	0,85

При выполнении второго задания всем детям требовалась помощь воспитателя, наводящие вопросы. В высказываниях старших дошкольников отмечается большое количество пауз, лексико-грамматических ошибок, нарушение согласования частей речи. Рассказы получились маленькими по объему, предложения – нераспространенными.

При составлении описательного рассказа в рамках третьего задания старшие дошкольники испытывали затруднения при перечислении описательных характеристик, последовательность изложения была нарушена, фразы были слишком короткими.

Составление описательного рассказа без опоры при выполнении следующего задания было очень длительным и мало продуктивным. Дети составили описательные рассказы, которые были недостаточно целостными и логично выстроенными.

Для выполнения пятого задания старшим дошкольникам необходимо было составить рассказ с опорой на сюжетную картину на тему «Летние забавы». Несмотря на то, что некоторым детям удалось составить рассказ в соответствии с поставленной задачей без дополнительной помощи, высказывания были недостаточно развернуты, нарушен логический порядок. Большинство обследуемых испытывали затруднения в соблюдении плавности при составлении рассказа. В текстах большинства детей встречалось много лексико-грамматических ошибок.

Для выполнения последнего задания старшим дошкольникам необходимо было составить рассказ без опоры на сюжетную картину. Следует отметить, что сначала детям

демонстрировалась сюжетная картина «Летние забавы», проводилась беседа по картине, после чего наглядный материал откладывался в сторону, и дети самостоятельно составляли рассказ. Это задание было выполнено хуже, чем предыдущее, что объясняется отсутствием наглядности. Дети долго молчали, не знали, как начать рассказ, просили воспитателя помочь им и подсказать первое предложение.

Анализ результатов констатирующего эксперимента позволил сделать выводы. Во-первых, старшие дошкольники продемонстрировали недостаточный уровень сформированности связного монологического высказывания. Во-вторых, дети проявляли интерес к наглядному материалу, активно принимали участие в беседе с воспитателем, но при самостоятельном составлении рассказов испытывали ряд затруднений:

- речь монотонна и невыразительна, большое количество неуместных пауз;
- в рассказах нарушена логика высказывания, отсутствуют связки между словами и предложениями;
- пропуски слов, преимущественно глаголов, предлогов, союзов;
- предложения в основном, простые и нераспространенные;
- связность повествования или описания зачастую нарушена, недостаточная информативность;
- тексты были небольшими по объему, хотя соответствовали поставленной задаче;
- все дети нуждались в помощи воспитателя, наводящих вопросах и подсказках.

Результаты констатирующего эксперимента стали основанием для разработки и проведения формирующего этапа исследования. Формирующий эксперимент представлял собой непосредственно образовательную деятельность по формированию связной речи с помощью технологии проектной деятельности 1 раз в неделю продолжительностью 25–30 минут для детей старшего дошкольного возраста, входящих в ЭГ. Дети КГ не принимали участие в проектной деятельности. Реализация экспериментальной программы осуществлялась по следующим направлениям:

1. Включение детей в совместную деятельность по созданию образных характеристик объектов (составление загадок и метафор).
2. Включение детей в совместную деятельность по составлению творческих рассказов по картине.
3. Включение детей в совместную деятельность по составлению текстов сказочного содержания.

В процессе выполнения задания ребенок апробирует различные варианты выполнения поставленной задачи, выбирает оптимальный способ по определенным им критериям. Участие в проектной деятельности позволяет ребенку развить самостоятельность при выполнении определенной работы в парах или в группах. При реализации проекта в условиях дошкольного учреждения очень важна роль педагога. Она заключается в поддержке активности детей, создании условий для самостоятельного определения детьми цели и содержания предстоящей деятельности и сопровождении детской деятельности.

По окончании формирующего воздействия был проведен контрольный срез с целью выявления динамики уровня сформированности связной речи у детей старшего дошкольного возраста с использованием диагностического инструментария, применяемого на этапе констатирующего эксперимента. Для подтверждения того, что произошли статистически значимые изменения в изучаемых показателях, было проведено сравнение групп по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок. По итогам сравнения показателей до и после эксперимента было выявлено, что произошло статистически значимое повышение показателей по всем заданиям: составление повествовательного рассказа с опорой на серию сюжетных картин ($t=-3,10$, $p<0,05$), составление повествовательного рассказа без опоры ($t=-3,23$, $p<0,05$), составление описательного рассказа по предметной картине ($t=-2,95$, $p<0,05$), составление описательного рассказа без опоры ($t=-2,95$, $p<0,05$), составление рассказа по сюжетной картине ($t=-3,11$, $p<0,05$), составление рассказа без опоры на сюжетную картину ($t=-2,17$, $p<0,05$). Таким образом, занятия проектной деятельностью повлияли на уровень развития связной речи детей старшего дошкольного возраста (табл. 2).

При выполнении диагностических заданий дети из ЭГ смогли построить связные высказывания без посторонней помощи, лишь некоторым потребовались

Табл. 2. Сравнение показателей связной речи старших дошкольников в ЭГ на начальном и заключительном этапах исследования

Tab. 2. Indicators of coherent speech in senior preschoolers at the opening and closing stages of the experiment: control vs. experimental group

Показатель	Среднее значение		t	p
	НЭ	ЗЭ		
Умение составлять повествовательный рассказ с опорой на серию сюжетных картин	1,86	2,42	-3,10	0,01
Умение составлять повествовательный рассказ без опоры (по представлению)	1,94	2,48	-3,23	0,00
Умение составлять описательный рассказ по предметной картине	1,88	2,34	-2,95	0,03
Умение составлять описательный рассказ без опоры (по представлению)	2,01	2,46	-2,95	0,03
Умение составлять рассказ по сюжетной картине	2,12	2,64	-3,11	0,01
Умение составлять рассказ без опоры на сюжетную картину	2,16	2,32	-2,17	0,04

Прим.: НЭ – начальный этап; ЗЭ –заключительный этап

наводящие вопросы. Ребята использовали в пересказах достаточное количество различных частей речи, соблюдали последовательность и плавность изложения (отсутствие пауз, нарушающих целостность рассказа). Максимальное количество вспомогательных средств в данном задании способствовало успешному его выполнению. Наблюдается расширение вариативности умений разными способами связывать предложения в высказывания.

Далее было проведено сравнение показателей на заключительном этапе у дошкольников контрольной и экспериментальной групп. Сравнительный анализ полученных данных в процессе контрольного среза дает право утверждать, что показатели сформированности связной речи у детей в ЭГ выше, чем в КГ. Различия между показателями групп подтверждены статистически (табл. 3).

Табл. 3. Сравнение показателей связной речи старших дошкольников в ЭГ и КГ на заключительном этапе

Tab. 3. Indicators of coherent speech in senior preschoolers at the closing phase of the experiment: control vs. experimental group

Показатель	Среднее значение		t	p
	ЭГ	КГ		
Умение составлять повествовательный рассказ с опорой на серию сюжетных картин	2,42	1,92	2,95	0,03
Умение составлять повествовательный рассказ без опоры (по представлению)	2,48	1,98	2,95	0,03
Умение составлять описательный рассказ по предметной картине	2,34	1,92	2,75	0,03
Умение составлять описательный рассказ без опоры (по представлению)	2,46	2,16	2,95	0,03
Умение составлять рассказ по сюжетной картине	2,64	2,20	3,11	0,01
Умение составлять рассказ без опоры на сюжетную картину	2,32	2,14	2,17	0,04

Апробация метода проектной деятельности показала, что старшие дошкольники из ЭГ получили статистически значимо более высокие баллы по заданиям: составление повествовательного рассказа с опорой на серию сюжетных картин ($t=2,95$, $p<0,05$), составление повествовательного рассказа без опоры ($t=2,95$, $p<0,05$), составление описательного рассказа по предметной картине ($t=2,75$, $p<0,05$), составление описательного рассказа без опоры ($t=2,95$, $p<0,05$), составление рассказа по сюжетной картине ($t=3,11$, $p<0,05$), составление рассказа без опоры на сюжетную картину ($t=2,17$, $p<0,05$). Следовательно, метод проектов позволяет обеспечить более эффективное развитие связной речи.

Результаты проведенного экспериментального исследования доказывают эффективность использования проектной деятельности в работе по формированию связной речи детей старшего дошкольного возраста.

Заключение

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что проблема формирования связной речи у детей старшего дошкольного возраста средствами проектной деятельности актуальна. Важность данной проблемы обусловлена недостаточной разработанностью в педагогической теории и практике модели формирования связной речи у старших дошкольников средствами проектной деятельности. Дополнено представление о существенных характеристиках связной речи как смыслового развернутого высказывания (ряд логически сочетающихся предложений), обеспечивающего общение и взаимопонимание. Уточнены и расширены представления об особенностях связной речи с учетом семантических и лексико-грамматических критериев детей старшего дошкольного возраста.

Показано, что для успешного овладения связной речью необходимо создание таких условий, как формирование положительной мотивации речевой активности дошкольников, обеспечение предметно-развивающей среды, подбор педагогических технологий, педагогическая компетентность специалистов. Обоснована роль применения проектной деятельности в формировании связной речи у старших дошкольников на основе активизации творческого мышления. Установлено, что включение проектной деятельности в процесс организации детской активности способствует формированию у старших дошкольников умения самостоятельно создавать последовательность развертывания событий, развитию семантики слов, определяющей их правильное понимание и употребление, выбор и сочетание в связной речи. Описаны позитивные изменения в параметрах связной речи детей старшего дошкольного возраста, участвующих в проектной деятельности. Связная речь характеризуется последовательностью и логичностью изложения, полнотой высказывания, разнообразием в использовании лексических, грамматических и синтаксических языковых средств.

Литература

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4: Детская психология. М.: Книга по требованию, 2013. 432 с.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
3. Сохин Ф. А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2005. 223 с.
4. Леушина А. М. Развитие связной речи у дошкольника // Хрестоматия по теории и методике развития речи детей дошкольного возраста / сост. М. М. Алексеева, В. И. Яшина. М.: Академия, 1999. С. 358–369.
5. Ушакова О. С. Развитие речи дошкольников. М.: Изд-во Института Психологии, 2001. 256 с.
6. Бородич А. М. Методика развития речи детей. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1981. 255 с.
7. Андреева Е. В., Архипова С. Н. Развитие связной речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 4-1. С. 28–31.
8. Зимняя И. А. Лингвистическая психология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 428 с.
9. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Книга по требованию, 2012. 320 с.
10. Леонтьев А. Н., Зимняя И. А., Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.
11. Винокур Т. Г. Монолог // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: БРЭ, 1997. С. 240–241.
12. Гришина К. А. Особенности формирования монологической речи у детей среднего дошкольного возраста // Символ науки. 2019. № 10. С. 81–83.
13. Федоренко Л. П., Фомичева Г. А., Лотарев В. К., Николаичева А. П. Методика развития речи детей дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1984. 240 с.
14. Шадрин Л. Г., Судакова Е. Н. Особенности развития связной образной речи детей старшего дошкольного возраста и пути ее формирования // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 3. С. 220–228.
15. Эльконин Д. Б. Развитие речи детей в дошкольном возрасте. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 115 с.
16. Ушакова О. С., Струнина Е. М. Методика развития речи детей дошкольного возраста. М.: Владос, 2014. 287 с.
17. Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М.: РГГУ, 2013. 313 с.
18. Новоторцева Н. В. Развитие речи детей. Ярославль: Гринго, 1995. 235 с.
19. Дудко Я. О. Сюжетно-ролевая игра как средство социально-коммуникативного развития дошкольников с тяжелыми нарушениями речи // Специальное образование: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2017 г.) СПб., 2017. С. 32–36.
20. Симкин М. Л., Гелихова К. О. Формирование связной речи детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 4. С. 333–340. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-333-340
21. Лебедева И. Н. Связная речь: речь в общении и речь в деятельности // Специальное образование. 2011. № 4. С. 138–166.
22. Щербинина Е. А., Зиновьева Г. В. Методика работы по формированию связной речи дошкольников // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 27–30.
23. Глухов В. П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием. 2-е изд., испр. и доп. М.: АРКТИ, 2004. 166 с.

24. Насырова Л. А. Обучение старших дошкольников художественному описанию природы // *Инновационная наука*. 2019. № 9. С. 72–75.
25. Чернобровкин В. А., Пустовойтова О. В. Сущность и значение проектной деятельности для современных дошкольных образовательных организаций // *Современные наукоемкие технологии*. 2018. № 6. С. 261–265.
26. Нарыкова Г. В. Проектная деятельность в дошкольном образовательном учреждении // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: «Познание». 2016. № 3. С. 46–47.
27. Штанько И. В. Проектная деятельность с детьми старшего дошкольного возраста // *Управление дошкольным образовательным учреждением*. 2004. № 4. С. 99–101.
28. Киселева Л. С., Лагода Т. С., Данилина Т. А. Проектный метод в деятельности дошкольного учреждения. М.: АРКТИ, 2013. 96 с.
29. Воробьева В. К. Обучение детей с тяжелыми нарушениями речи первоначальному навыку описательно-повествовательной речи // *Дефектология*. 1990. № 4. С. 40–47.

original article

Development of Coherent Speech in Children of Senior Preschool Age by Means of Project Activities

Elena V. Kuznetsova^{a, b, @}

^a MBDOU № 25 "Kindergarten generally developing form", Russia, Kemerovo

^b Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[@] madam.kuznecova2010@yandex.ru

Received 23.04.2020. Accepted 15.06.2020.

Abstract: The present research featured psychological and pedagogical approaches to determining the essential characteristics of coherent speech as a higher mental function. The article focuses on coherent speech development in senior preschoolers and project activities that improve it. The research objective was to study related scientific sources and experimentally justify the efficiency of project activities that improve various parameters of coherent speech in children of senior preschool age. The paper introduces qualitative characteristics of coherent speech development in senior preschoolers. Its specific features include variability in the formation levels of skills to generate simple and complex sentences, as well as to retell and compose texts. The article describes various technologies of coherent speech development, including project activities in the process of interaction between an adult and a child. The experiment confirmed a positive impact of project activities on the coherent speech of senior preschoolers.

Keywords: senior preschoolers, features of the coherent speech development, formation criteria, narrative story, descriptive story, technologies for the formation of connected speech, elements of project activity

For citation: Kuznetsova E. V. Development of Coherent Speech in Children of Senior Preschool Age by Means of Project Activities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 198–206. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-198-206>

References

1. Vygotskiy L. S. *Collected works. Vol. 4: Child psychology*. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2013, 432. (In Russ.)
2. Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2002, 720. (In Russ.)
3. Sokhin F. A. *Psychological and pedagogical bases of speech development of preschoolers*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2005, 223. (In Russ.)
4. Leushina A. M. The development of coherent speech in preschoolers. *Reader on the theory and methodology of speech development in preschool children*, comps. Alekseeva M. M., Iashina V. I. Moscow: Akademiia, 1999, 358–369. (In Russ.)
5. Ushakova O. S. *Development of speech in preschool children*. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhologii, 2001, 256. (In Russ.)
6. Borodich A. M. *Methods of speech development in children*, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1981, 255. (In Russ.)
7. Andreeva E. V., Arkhipova S. N. The development of coherent speech in senior preschool children with the general speech underdevelopment. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, 2019, (4-1): 28–31. (In Russ.)
8. Zimniia I. A. *Linguistic ecology of speech activity*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2001, 428 (In Russ.)
9. Luriiia A. R. *Language and consciousness*. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2012, 320. (In Russ.)

10. Leontyev A. N., Zimniaia I. A., Leontyev A. A. *Fundamentals of the theory of speech activity*. Moscow: Nauka, 1974, 368. (In Russ.)
11. Vinokur T. G. Monologue. *Russian language. Encyclopedia*, ed. Karaulov Iu. N. Moscow: BRE, 1997, 240–241. (In Russ.)
12. Grishina K. A. Features of formation of monological speech in children of middle preschool age. *Simvol nauki*, 2019, (10): 81–83. (In Russ.)
13. Fedorenko L. P., Fomicheva G. A., Lotarev V. K., Nikolaicheva A. P. *Methods of speech development of preschool children*. Moscow: Prosveshchenie, 1984, 240. (In Russ.)
14. Shadrina L. G., Sudakova E. N. Characteristics of development of coherent figurative speech of senior preschoolers and the ways of its forming. *Siberian Pedagogical Journal*, 2011, (3): 220–228. (In Russ.)
15. Elkonin D. B. *The development of speech in children of preschool age*. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1958, 115. (In Russ.)
16. Ushakova O. S., Strunina E. M. *Methods of speech development in preschool children*. Moscow: Vldos, 2014, 287. (In Russ.)
17. Lepskaja N. I. *Language of the child: ontogenesis of speech communication*. Moscow: RGGU, 2013, 313. (In Russ.)
18. Novotortseva N. V. *Development of children's speech*. Yaroslavl: Gringo, 1995, 235. (In Russ.)
19. Dudko Ia. O. Plot-role-playing game as a means of social and communicative development of preschool children with severe speech disorders. *Special education: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, April 26–27, 2017. St. Petersburg, 2017, 32–36. (In Russ.)
20. Simkin M. L., Gelikhova K. O. Formation of coherent speech in senior preschoolers with the third degree alalia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(4): 333–340. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-333-340
21. Lebedeva I. N. Coherent speech: speech in communication and speech in activity. *Spetsial'noe obrazovanie*, 2011, (4): 138–166. (In Russ.)
22. Sherbinina E. A., Zinovieva G. V. Methods of work on formation of coherent speech of preschool children. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 2018, (3): 27–30. (In Russ.)
23. Glukhov V. P. *Formation of coherent speech of preschool children with general speech underdevelopment*, 2nd ed. Moscow: ARKTI, 2004, 166. (In Russ.)
24. Nasyrova L. A. Teaching senior preschool children the artistic description of nature. *Innovatsionnaia nauka*, 2019, (9): 72–75. (In Russ.)
25. Chernobrovkin V. A., Pustovoytova O. V. Essence and importance of project activity for modern preschool educational organizations. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2018, (6): 261–265. (In Russ.)
26. Narykova G. V. Project activity in preschool educational institutions. *Sovremennaiia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya "Poznanie"*, 2016, (3): 46–47. (In Russ.)
27. Shtanko I. V. Project activity with children of senior preschool age. *Upravlenie doskolnym obrazovatelnyim uchrezhdeniem*, 2004, (4): 99–101. (In Russ.)
28. Kiseleva L. S., Lagoda T. S., Danilina T. A. *Project method in the activity of preschool institutions*. Moscow: ARKTI, 2013, 96. (In Russ.)
29. Vorobeva V. K. Teaching children with severe speech impairments the initial skill of descriptive-narrative speech. *Defektologiya*, 1990, (4): 40–47. (In Russ.)

Развитие социально-психологической адаптированности личности детей из замещающих семей в условиях техникума

Ирина С. Морозова^{а, @}; Алена В. Борисенко^а

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ ishmozova@ya.ru

Поступила в редакцию 09.04.2020. Принята к печати 27.04.2020.

Аннотация: Рассматриваются возможности использования средств психолого-педагогического сопровождения развития социально-психологической адаптированности детей из замещающих семей в условиях профессиональной образовательной организации. Определены содержательные характеристики социально-психологической адаптированности обучающихся из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Выявлено, что содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов, находящихся под опекой менее одного года, проявляются во взаимосвязи адаптированности с поведенческой регуляцией, коммуникативным потенциалом, наличием целей и интереса к жизни, удовлетворением самореализацией, представлением о себе и пониманием смысла жизни, минимизацией дезадаптационных нарушений, астенических и психотических реакций, активностью студента и его силой. Содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов из замещающих семей проявляются в обратной взаимосвязи дезадаптированности с процессом жизни, локусом контроля – Я, поведенческой регуляцией, коммуникативным потенциалом, моральной нормативностью и дезадаптационными нарушениями. Представлены данные, согласно которым содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов из детских домов проявляются во взаимосвязи адаптированности с локусом контроля – жизнь, поведенческой регуляцией и минимизированными астеническими реакциями. Разработан и апробирован комплекс средств психолого-педагогического сопровождения, обеспечивающий формирование содержательных характеристик социально-психологической адаптированности обучающихся рассматриваемой категории. В результате применения средств психолого-педагогического сопровождения выявлена положительная динамика уровня адаптации, эмоционального комфорта, осмысленности жизни, интернальности и личностного адаптационного потенциала, а также снижение уровня дезадаптированности.

Ключевые слова: студенты техникума, обучающиеся, дети-сироты, дети без попечения родителей, адаптация к условиям обучения, индивидуально-психологические особенности, средства психолого-педагогического сопровождения

Для цитирования: Морозова И. С., Борисенко А. В. Развитие социально-психологической адаптированности личности детей из замещающих семей в условиях техникума // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 207–217. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-207-217>

Введение

В современном российском обществе, когда система образования постоянно переживает разные изменения, остро стоит проблема обеспечения адекватного уровня социально-психологической адаптированности обучающихся. По мнению И. Б. Цилюгиной, процесс адаптации к новым условиям сопровождается переживанием различных затруднений в учебной деятельности, детерминация которых определяется фактом разбалансированности уровня готовности к обучению, требованиями образовательной среды и личностными особенностями студента [1]. Этот процесс связан с серьезными психофизиологическими и эмоциональными нагрузками, что влечет за собой развитие дезадаптационных механизмов [2].

Сегодня не вызывает сомнения факт наличия особой траектории развития детей, утративших семью, что делает необходимым прогнозирование особенностей их социально-психологической адаптированности. В период обучения

в техникуме трудности приспособления и адаптации обусловлены такими факторами, как новизна учебной коммуникации, объем информации, требования, предъявляемые по отношению к студенту, специфика взаимодействия с преподавателями и общение в учебной группе [3]. Определенную роль играют психолого-педагогические особенности данной категории обучающихся, у них уже сформировано своеобразие черт характера и поведения.

По мнению М. Е. Гурьева, адаптированность представляет собой способность человека приспосабливаться к окружающей действительности, уровень социального статуса и самоощущения, удовлетворенности или неудовлетворенности собой и своей жизнью. Адаптированность предполагает способность человека регулировать свои психические процессы (управлять мыслями, чувствами, желаниями), а также его умение взаимодействовать с окружающей средой, общаться [4]. Г. И. Аксенова и П. Ю. Аксенова определяют адаптированность как способность личности

оптимально реализовывать внутренние возможности, способности и личностный потенциал в значимых сферах [5].

Следует отличать понятие социально-психологической адаптации как процесса обогащения жизненного опыта человека, в результате которого увеличивается количество способов продуктивного реагирования и вариативность применяемых моделей поведения. А. А. Налчаджян аргументированно указывает на тот факт, что в сложных проблемных ситуациях адаптивные процессы личности протекают с участием не отдельных, изолированных механизмов, а их комплексов [6]. Адаптация может быть определена как процесс, благоприятное течение которого приводит к адаптированности личности. Следует подчеркнуть, что данный процесс характеризует вовлеченность самого человека в происходящие события, которая проявляется в активности по отношению к окружающим явлениям и своевременном реагировании на влияние внешних обстоятельств. Наблюдаются динамические преобразования как внутри личности, так и во внешних проявлениях поведения, в способах реагирования [7].

Фактически адаптированность обеспечивает определенные изменения психического состояния человека. Чем выше уровень адаптированности, тем быстрее и продуктивнее он осуществляет изменения своего состояния. Без адаптации преобразование не осуществляется [8]. Для изменения состояния, процесса или деятельности человек должен осознать происходящее, систематизировать представления о существующей системе, ее преимуществах и недостатках, а потом, учитывая требования, выработать и реализовать стратегию преобразования [9, с. 9].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым подчеркнуть, что процесс адаптации сопровождает любую изменяющуюся ситуацию, в которой оказывается человек.

Рассматривая социально-психологическую адаптированность детей из замещающих семей, мы определили, что основной функцией замещающей семьи является замена утраченных в силу определенных обстоятельств родителей [10]. Обеспечение условий для благоприятного (позитивного) развития и самоощущения ребенка в соответствии с его возможностями и потребностями является важной задачей, которая стоит перед всеми участниками взаимодействия. Известно, что изъятые из биологической семьи дети уже имеют психологическую травму, которая сказывается в дальнейшем на психическом и физическом здоровье. Понятие благополучия включает в себя показатели физического и психического здоровья, эмоционального комфорта и необходимого экономического обеспечения, положительного поведения и готовности детей к оптимальному входу в социум. Исходя из результатов наших исследований, мы считаем возможным констатировать, что характер социально-психологической адаптации ребенка в приемной семье определяет содержательные характеристики межличностных семейных отношений, которые в свою очередь выступают детерминантами развития детской личности [11].

О. К. Миневич подчеркивает, что процесс адаптации детей в приемных семьях представляет собой важнейший этап

вхождения нового члена семьи в новую для него среду [12]. В результате происходит взаимное приспособление субъектов взаимодействия, что выступает основой развития ребенка, удовлетворения его потребностей и формирования ценностных ориентаций, сопоставимых с ценностями замещающей семьи. Рассматривая процесс социально-психологической адаптации детей из замещающих семей, можно выделить три основных проблемы: 1) неготовность к родительству кандидатов в замещающие семьи; 2) трудность адаптации приемных родителей к новой социальной роли и статусу родителя-воспитателя, несоответствие стилей воспитания (гипо- и гиперопека и др.); 3) адаптация ребенка к новой обстановке, семейному укладу, родителям. В большинстве своем дети-сироты имеют непростые показатели в анамнезе.

Особенности психического развития детей-сирот проявляются в повышенной тревожности, разбалансированности нервной системы, снижении уровня интеллектуального развития. В качестве детерминант психических трансформаций можно выделить отсутствие возможности уединиться, состояние постоянной готовности реагировать на внешние воздействия, нарушение личных границ со стороны окружающих, постоянно обогащающийся опыт защитного поведения.

Оказавшись в замещающей семье, приемный ребенок, как правило, испытывает трудности в установлении контактов. Е. Б. Базарова отмечает наличие слабо контролируемых реакций и проявление негативизма в процессе общения в новой социальной ситуации [13]. И. В. Горохова и О. В. Саломатина выделяют такую особенность этих детей, как потребительская и иждивенческая позиция по отношению к другим людям [14, с. 119], формирующаяся в результате проживания на полном государственном обеспечении. После вхождения в приемную семью потребительская установка детей сохраняется и даже может усиливаться.

Рассмотренные особенности психического развития приемного ребенка могут серьезно осложнить адаптацию всех членов семьи друг к другу. Мы согласны с точкой зрения И. В. Гороховой и О. В. Саломатиной, согласно которой, «если приемная семья не реалистична в своих ожиданиях, столкнувшись с первыми трудностями воспитания, степень родительских ожиданий от приемного ребенка начинает расходиться с реальными представлениями о нем, родители чувствуют себя обманутыми и беспомощными, им хочется все быстро исправить... и ребенок возвращается снова в детский дом» [14, с. 120].

Считаем важным обратить внимание на данные, полученные в результате исследований Т. А. Исаковой, которая указывает, что даже при созданных благоприятных условиях в замещающей семье у детей существует риск возникновения неадекватных эмоциональных реакций (страх, стресс, проявления импульсивности и агрессивности), наличие психического и психофизического инфантилизма, нарушение половой идентификации, трудности в реализации учебной деятельности [15].

Исследователи приемных семей (М. А. Галагузова, О. В. Заводикина, Н. П. Иванова, Д. Смит, А. Хартман,

А. Шервин и др.) отмечают, что переживания, связанные с эмоциональной депривацией и плохим обращением, надолго сохраняются в психике ребенка и порождают высокий риск развития у него тревожности, появления страха, обиды и ощущения беспомощности [16].

Целью функционирования замещающей семьи является успешная социализация и формирование вторичной привязанности к приемным родителям вместо исходной. К сожалению, не в каждой замещающей семье появляется эмоциональный комфорт и взаимопонимание. Эмоциональная привязанность и сотрудничество практически отсутствуют, возрастает уровень конфликтности и тревожности. Таким образом, подросток вынужден принимать решения в одиночестве и нести за них полную ответственность или же не нести никакой ответственности за решения и их результаты – в последнем случае формирование самостоятельной личности существенно замедляется, затронуется.

Сложность современной социальной ситуации девятиклассников из замещающих семей состоит в высокой степени неопределенности жизни, неясности перспектив развития. Необходимо учитывать специфику их психического развития, уровень которого иногда отличается степенью зрелости от уровня ровесников. Такие условия ограничивают способность видеть перспективу своей будущей жизни, школьники с большой тревогой смотрят в завтрашний день. Многие подростки, ограждая себя от неудач, специально отказываются от планирования и проектирования событий собственной жизни.

Ведущей деятельностью в юности признается учебно-профессиональная деятельность. Несмотря на то, что во многих случаях молодые люди продолжают оставаться школьниками, учебная деятельность в старших классах приобретает новую направленность и ориентированность на будущее. Одни планируют профессиональную деятельность, другие включаются в нее, продолжая обучения в техникумах и колледжах [17]. Преобладающим контингентом в общем количестве студентов в техникумах являются дети из малообеспеченных многодетных и неполных семей. С каждым годом увеличивается количество школьников из замещающих семей и абитуриентов, поступающих из детских домов [18].

Профессиональная образовательная организация представляет собой систему обучения, отличающуюся от школы большим объемом изучаемого материала, организацией учебного процесса, повышенным уровнем самостоятельности и ответственности студентов, практико-ориентированным подходом, в результате которого происходит формирование общих и профессиональных компетенций. По мнению Е. В. Федосенко, целью сопровождения в техникуме является отслеживание изменений в динамике развития студентов, их профессиональное становление, а также своевременное выявление возможных проблем в поведении и эмоциональной сфере, в системе адаптации [19, с. 65].

У детей-сирот из детских домов и из замещающих семей присутствует большее количество трудностей в процессе адаптации, это сказывается на их поведении

и деятельности [20]. Данные трудности способствуют ухудшению качества образования, поскольку субъективные и объективные условия жизнедеятельности до момента поступления самого молодого человека в техникум и негативный опыт не дают ему возможность получить качественное профессиональное образование [21]. Следует обратить внимание на позицию З. Г. Даниловой, которая рассматривает период социально-психологической адаптации в техникуме как время, когда наблюдается повышение потенциала личностной и профессиональной адаптивности личности [22].

Процесс психолого-педагогического сопровождения обучающегося начинается с поступлением в учебное заведение и продолжается на протяжении всего периода обучения. Адаптация студентов из замещающих семей и детских домов в период обучения в техникуме носит комплексный характер, поэтому участниками сопровождения являются все субъекты образовательного процесса: администрация, преподаватели, мастера производственного обучения, кураторы и классные руководители, тьюторы из числа старшекурсников, воспитатели общежития, социальный педагог, педагог-психолог, законные представители и сами студенты, относящиеся к категории детей-сирот из детских домов или замещающих семей [23, с. 198]. Реализация психолого-педагогического сопровождения студентов осуществляется по направлениям работы педагога-психолога: психодиагностика, консультирование (индивидуальное и групповое), психопрофилактика, психокоррекция (индивидуальная и групповая), психологическое просвещение.

Т. П. Демидова основным видом деятельности в процессе психолого-педагогического сопровождения называет психологическую поддержку [24], О. С. Суртаева – психологическую помощь в виде коррекционно-развивающего направления [25]. Мы считаем, что в качестве эффективного средства психолого-педагогического сопровождения можно использовать коррекционно-развивающую программу, которая предполагает формирование качеств личности, необходимых для успешной социально-психологической адаптации студентов, относящихся к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Методы и материалы

Для решения поставленных исследовательских задач и проверки гипотезы на различных этапах нашей работы применялись общенаучные (анализ, обобщение, моделирование феномена) и психологические (тестирование, анкетирование, наблюдение) методы исследования. Для количественного анализа экспериментальных данных применялись методы математической статистики (описательные статистики, дисперсионный анализ, факторный анализ, метод t-критерия Стьюдента для зависимых и независимых выборок). Обработка экспериментальных данных осуществлялась с помощью компьютерного пакета программ Statistica 10.

В качестве конкретных психодиагностических методик использовались:

- 1) Опросник социально-психологической адаптированности (К. Роджерс, Р. Даймонд) [26];

- 2) методика личностного дифференциала [27];
- 3) тест смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев) [28];
- 4) многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А. Г. Маклаков и С. В. Чермянин) [29].

База исследования – Кемеровский техникум индустрии питания и сферы услуг (КемТИПиСУ). Исследованием было охвачено 52 респондента в возрасте от 16 до 20 лет, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, 9 из которых – несовершеннолетние студенты с оформленной опекой менее 1 года (нС, О<1), 16 несовершеннолетних (нС, О>5) и 7 совершеннолетних (С, О>5) студентов из замещающих семей (более 5 лет), 7 несовершеннолетних (нС, ДД) и 13 совершеннолетних (С, ДД) студентов из детских домов.

На первом этапе исследования изучалась психолого-педагогическая литература, публикации периодической печати по теме исследования, формулировался научный аппарат, разрабатывалась программа исследования, в том числе инструментарий, который включал в себя разработку анкеты для студентов, подготовку бланков с методиками для психологического тестирования. На втором этапе осуществлялся непосредственный сбор данных по теме исследования: организовывалось и проводилось психологическое тестирование с целью определения уровня социальной-психологической адаптированности студентов. На заключительном этапе исследования обрабатывались, анализировались и обобщались полученные результаты, разрабатывались научно-методические рекомендации.

Мы стремились выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить возможности психолого-педагогического сопровождения развития социально-психологической адаптированности детей из замещающих семей в условиях техникума.

Результаты

Согласно результатам проведенного статистического анализа, существуют статистически значимые различия по показателям дезадаптивности, неприятия себя и принятия других. В группе несовершеннолетних студентов с оформленной опекой (менее 1 года), по сравнению со студентами, находящимися в замещающей семье (более 5 лет), уровень по показателю принятия других ниже, а по сравнению с несовершеннолетними, поступившими из детских домов, выявлен более низкий уровень по показателям дезадаптивности и неприятия себя. У несовершеннолетних, находящихся в замещающей семье (более 5 лет), по сравнению с совершеннолетними, поступившими из детских домов, выше уровень по показателю принятия других (табл. 1).

Применение многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина позволило определить личностный адаптационный потенциал, который отсутствует у 100 % несовершеннолетних студентов из детских домов. Большинство студентов из каждой группы имеют сниженный личностный адаптационный потенциал, что говорит о том, что процесс адаптации протекает тяжело, возможны нервно-психические срывы, длительные

нарушения функционального состояния у всех студентов в период обучения. Более высокие показатели демонстрируют совершеннолетние студенты из детских домов (табл. 2).

Табл. 1. Средние показатели социально-психологической адаптированности студентов

Tab. 1. Mean values of socio-psychological adaptation in college students

Группа \ Показатель	нС, О<1	нС, О>5	нС, ДД	С, О>5	С, ДД
Дезадаптивность	69	89	107	92	92
Непринятие себя	13	17	21	17	17
Принятие других	24	28	27	25	24

Табл. 2. Уровневые характеристики показателя личностного адаптационного потенциала студентов, %

Tab. 2. Level characteristics of the indicator of personal adaptive potential in college students, %

Уровень адаптации \ Группа	нС, О<1	нС, О>5	нС, ДД	С, О>5	С, ДД
Сниженная	66,7	68,7	100,0	85,7	61,4
Удовлетворительная	22,2	25	–	14,3	15,4
Хорошая и высокая	11,1	6,3	–	–	23,2

Студенты с оформленной опекой (менее 1 года) и совершеннолетние из детских домов имеют более адекватную самооценку и восприятие действительности. У несовершеннолетних из детских домов чаще, чем у студентов других групп, проявляется высокий уровень ситуационной тревожности, повышенная утомляемость, резкое снижение способности к физическому или умственному напряжению, преобладание негативного настроения, слезливость, тоска, восприятие настоящего и будущего в негативных тонах, импульсивные реакции, приступы неконтролируемого гнева, ухудшение межличностных контактов, отсутствие стремления соблюдать общепринятые нормы поведения, групповые и корпоративные требования, чрезмерная агрессивность.

Согласно результатам, полученным по методике личностного дифференциала, совершеннолетние студенты из детских домов и студенты, находящиеся под опекой менее года, имеют более низкие показатели активности и высокие показатели интровертированности. 69,2 % совершеннолетних студентов из детских домов и 55,5 % студентов, находящихся под опекой менее года, имеют недостаточный самоконтроль, неспособность держаться принятой линии поведения, зависимость от внешних обстоятельств и оценок, но при том большинство из них принимают себя как личность, склонны осознавать себя носителями позитивных, социально желательных характеристик, в определенном смысле удовлетворены собой.

На основании результатов корреляционного анализа считаем возможным утверждать, что социально-психологическая

адаптированность включает содержательные характеристики, взаимосвязь и взаимообусловленность которых определяется особыми условиями пути развития.

Содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов с опекой, оформленной менее 1 года, проявляются во взаимосвязи адаптированности с поведенческой регуляцией ($r=0,86$), коммуникативным потенциалом ($r=0,68$), наличием целей и интереса к жизни ($r=0,56$), удовлетворением самореализацией ($r=0,86$), представлением о себе и пониманием смысла жизни ($r=0,58$), минимизацией дезадаптационных нарушений ($r=0,65$), астенических и психотических реакций ($r=0,68$), активностью студента ($r=0,62$) и его силой ($r=0,72$). У несовершеннолетних студентов из замещающих семей эти характеристики проявляются в обратной взаимосвязи дезадаптированности с процессом жизни ($r=-0,62$), локусом контроля – Я ($r=-0,66$), поведенческой регуляцией ($r=-0,82$), коммуникативным потенциалом ($r=-0,76$), моральной нормативностью ($r=-0,56$) и дезадаптационными нарушениями ($r=-0,66$). Содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов из детских домов проявляются во взаимосвязи адаптированности с локусом контроля – жизнь ($r=0,52$), поведенческой регуляцией ($r=0,74$) и минимизированными астеническими реакциями ($r=0,64$). У совершеннолетних студентов из замещающих семей отсутствуют взаимосвязи адаптированности с личностными характеристиками. Наконец, у совершеннолетних студентов из детских домов присутствуют взаимосвязи адаптированности с наличием целей ($r=0,66$) и интереса к жизни ($r=0,64$), удовлетворением самореализацией ($r=0,56$), представлением о себе ($r=0,76$) и пониманием смысла жизни ($r=0,54$), личностным адаптационным ($r=0,82$) и коммуникативным ($r=0,76$) потенциалами,

поведенческой регуляцией ($r=0,68$), силой ($r=0,62$), а также минимизацией дезадаптационных нарушений ($r=0,72$), астенической и психотической реакциями ($r=0,56$).

Таким образом, комплексная диагностика показала незначительные различия социально-психологической адаптированности студентов в зависимости от особого пути развития, в результате которого были сформированы личностные качества, ценности, установки и т. д.

Для оценки эффективности осуществления психолого-педагогического сопровождения все респонденты были разделены на две репрезентативные выборки. В экспериментальной группе (ЭГ) оказалось 25 студентов, в контрольной (КГ) – 27. Система психолого-педагогического сопровождения была осуществлена средствами коррекционно-развивающей программы, направленной на формирование качеств личности, необходимых для успешной социально-психологической адаптации студентов из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Программа предполагает работу в групповой форме в виде психологических тренингов и помогает решить следующие задачи:

- формирование навыков целеполагания, построения целостной картины взаимодействия, оценивания ситуации при достижении цели и адекватного реагирования на последствия;
- развитие у обучающихся эмоциональной сферы, способности чувствовать переживания и эмоциональные состояния других людей;
- формирование умения отстаивать свою позицию, распределять время, планировать деятельность.

Программа предполагает проведение 10 занятий, на каждом из которых рассматриваются различные темы и используются упражнения. В ЭГ и КГ существуют статистически не значимые различия практически по всем показателям (табл. 3).

Табл. 3. Средние значения показателей на констатирующем этапе

Tab. 3. Mean values of indicators at the ascertaining stage

Показатель	Среднее значение		t	p
	ЭГ	КГ		
Интегральный показатель Адаптация	61,56	59,96	0,57	0,56
Адаптивность	139,08	137,66	0,21	0,83
Дезадаптивность	84,36	90,48	-0,67	0,50
Интегральный показатель Самопринятие	63,44	59,72	1,33	0,24
Принятие себя	45,56	46,81	-0,44	0,65
Непринятие себя	16,28	17,66	-0,71	0,47
Интегральный показатель Принятие других	64,84	64,29	0,17	0,86
Принятие других	25,24	26,00	-0,56	0,57
Непринятие других	16,52	17,03	-0,29	0,76
Интегральный показатель Эмоциональный комфорт	64,52	60,48	0,84	0,40
Эмоциональный комфорт	26,52	26,33	0,12	0,90
Эмоциональный дискомфорт	16,20	18,55	-0,85	0,39
Интегральный показатель Интернальность	66,80	62,96	1,12	0,26
Внутренний контроль	53,68	52,25	0,50	0,61
Внешний контроль	19,76	22,44	-0,98	0,32

Показатель	Среднее значение		t	p
	ЭГ	КГ		
Интегральный показатель Стремление к доминированию	49,32	47,59	0,48	0,63
Доминирование	9,76	10,11	-0,33	0,74
Ведомость	19,48	20,40	-0,59	0,55
Эскапизм	15,56	16,92	-0,98	0,33
Цели в жизни	31,40	32,40	-0,53	0,59
Процесс жизни	30,40	31,51	-0,63	0,53
Результат жизни	26,16	27,03	-0,59	0,55
Локус контроля – Я	21,36	21,81	-0,34	0,73
Локус контроля – жизнь	30,72	32,14	-0,80	0,42
Осмысленность жизни	101,80	104,22	-0,46	0,64
Личностный адаптационный потенциал	2,04	2,07	-0,07	0,93
Поведенческая регуляция	3,12	3,11	0,01	0,98
Коммуникативный потенциал	4,24	4,22	0,05	0,96
Моральная нормативность	4,20	3,55	1,80	0,07
Интегральный показатель Деадаптационные нарушения	4,72	4,48	0,47	0,63
Астенические реакции	5,24	5,22	0,03	0,97
Психотические реакции	3,80	3,66	0,39	0,69
Оценка	12,20	14,07	-1,28	0,20
Сила	6,04	7,25	-0,89	0,37
Активность	7,20	8,33	-0,72	0,47

После проведения педагогического воздействия данные группы были повторно протестированы. Для выявления различий в средних показателях между двумя замерами в ЭГ использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. В табл. 4 представлены статистически значимые различия в средних значениях изучаемых параметров испытуемых ЭГ на начальном и заключительном этапах эксперимента. Статистически значимые изменения изучаемых показателей в КГ не зафиксированы.

Между показателями начального и заключительного этапов эксперимента в ЭГ существуют статистически значимые различия в интегральных показателях адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта, интернальности, дезадаптивности, осмысленности жизни и личностного адаптационного потенциала. Это говорит о том, что в программе воздействия были достигнуты поставленные цели. У студентов увеличился уровень адаптации, личностный адаптационный потенциал, т. е. уменьшился сам период адаптации, увеличилась способность к адаптации в новых условиях, к вхождению в новый коллектив, появились легкость ориентации в различных ситуациях, быстрота выработки стратегий поведения. Можно констатировать преобладание положительных эмоций и ощущения благополучия в атмосфере, окружении и жизни, увеличение эмоциональной устойчивости.

Увеличение показателя осмысленности жизни говорит о наличии целей, удовлетворении, получаемом при их достижении и уверенности в собственной способности ставить перед собой цели, выбирать задачи из наличных и добиваться результатов, ясности в соотношении целей с будущим, эмоциональной насыщенности – с настоящим,

Табл. 4. Средние значения показателей в ЭГ на начальном и заключительном этапах эксперимента

Tab. 4. Mean values of indicators in the experimental group at the initial and final stages of the experiment

Показатель	Среднее значение		p
	НЭ	ЗЭ	
Интегральный показатель Адаптация	61,56	68,52	0,00
Дезадаптивность	84,36	69,16	0,00
Интегральный показатель Самопринятие	63,44	27,50	0,00
Принятие других	25,24	26,04	0,09
Интегральный показатель Эмоциональный комфорт	64,52	71,69	0,00
Интегральный показатель Интернальность	66,80	67,52	0,00
Интегральный показатель Стремление к доминированию	49,32	59,94	0,06
Осмысленность жизни	101,80	140,56	0,00
Личностный адаптационный потенциал	2,04	2,48	0,01
Поведенческая регуляция	3,12	3,48	0,05
Астенические реакции	5,24	5,36	0,08
Психотические реакции	3,80	4,00	0,05

Прим.: НЭ – начальный этап; ЗЭ –заключительный этап

удовлетворения – с достигнутым результатом, прошлым. Отмечены осознанность в формировании представления о смысле жизни или его отсутствии, принятие ответственности за происходящие события, которые являются результатом деятельности. В целом диагностируется уменьшение уровня дезадаптации. Однако уменьшение уровня самопринятия может свидетельствовать о понижении уровня самооценки, понимании и принятии своих недостатков.

С помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок мы сравнили показатели ЭГ и КГ на заключительном этапе исследования (табл. 5).

На заключительном этапе между группами существуют статистически значимые различия по интегральным показателям адаптации, дезадаптивности и интегральному

показателю самопринятия. Уровень общей адаптации в ЭГ выше, чем в КГ, а уровень дезадаптивности и самопринятия значительно ниже, что свидетельствует о положительном влиянии программы педагогического воздействия. Общий уровень социально-психологической адаптированности студентов повышается при организации психолого-педагогического сопровождения в образовательной организации, но это не говорит о повышении уровня социально-психологической адаптированности каждого студента. Психолого-педагогическое сопровождение обеспечивает развитие содержательных характеристик социально-психологической адаптированности личности.

Табл. 5. Средние значения показателей на заключительном этапе эксперимента

Tab. 5. Mean values of indicators at the final stage of the experiment

Показатель	Средние значения		t	p
	ЭГ	КГ		
Интегральный показатель Адаптация	68,52	61,84	2,65	0,01
Адаптивность	146,00	141,88	0,75	0,45
Дезадаптивность	69,16	90,03	-2,68	0,00
Интегральный показатель Самопринятие	27,50	57,98	-7,55	0,00
Принятие себя	43,36	46,40	-0,97	0,33
Непринятие себя	15,64	17,25	-0,87	0,38
Интегральный показатель Принятие других	65,90	64,87	0,35	0,72
Принятие других	26,04	26,44	-0,32	0,74
Непринятие других	16,60	17,25	-0,40	0,69
Интегральный показатель Эмоциональный комфорт	71,69	68,95	0,75	0,45
Эмоциональный комфорт	27,20	27,25	-0,04	0,96
Эмоциональный дискомфорт	16,32	17,59	-0,50	0,61
Интегральный показатель Интернальность	67,52	64,20	0,99	0,32
Внутренний контроль	53,60	54,51	-0,35	0,72
Внешний контроль	19,56	22,74	-1,16	0,25
Интегральный показатель Стремление к доминированию	59,94	58,68	0,13	0,89
Доминирование	10,04	10,62	-0,59	0,55
Ведомость	19,80	19,81	0,00	0,99
Эскапизм	14,64	16,11	-1,03	0,30
Цели в жизни	31,88	31,92	-0,02	0,98
Процесс жизни	30,36	30,18	0,10	0,91
Результат жизни	26,00	26,37	-0,27	0,78
Локус контроля – Я	21,32	21,07	0,20	0,83
Локус контроля – жизнь	31,00	30,44	0,30	0,76
Осмысленность жизни	140,56	137,14	0,48	0,62
Личностный адаптационный потенциал	2,48	2,07	0,94	0,34
Поведенческая регуляция	3,48	3,03	0,83	0,40
Коммуникативный потенциал	4,40	4,11	0,92	0,35
Моральная нормативность	4,24	3,66	1,58	0,11
Интегральный показатель Дезадаптационные нарушения	4,92	4,33	1,18	0,23
Астенические реакции	5,36	5,14	0,38	0,70
Психотические реакции	4,00	3,62	1,19	0,23
Оценка	12,50	15,00	-1,92	0,05
Сила	6,12	7,22	-0,96	0,33
Активность	7,08	8,59	-0,83	0,40

Заключение

Проблема социально-психологической адаптированности становится все более актуальной в современном мире. По результатам исследования были определены качественные и количественные различия содержательных характеристик социально-психологической адаптированности детей из замещающих семей и детских домов. Социально-психологическая адаптированность включает содержательные характеристики, взаимосвязь и взаимообусловленность которых определяется особыми условиями жизненного пути развития.

Содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов, находящихся под опекой менее 1 года, проявляются во взаимосвязи адаптированности с поведенческой регуляцией, коммуникативным потенциалом, наличием целей и интереса к жизни, удовлетворением самореализацией, представлением о себе и пониманием смысла жизни, минимизацией дезадаптационных нарушений, астенических и психотических реакций, активностью каждого студента и его силы. У несовершеннолетних студентов из замещающих семей эти характеристики проявляются в обратной взаимосвязи дезадаптированности с процессом жизни, локусом контроля – Я, поведенческой регуляцией, коммуникативным потенциалом, моральной нормативностью и дезадаптационными нарушениями. Содержательные характеристики социально-психологической адаптированности несовершеннолетних студентов из детских домов проявляются во взаимосвязи адаптированности с локусом контроля – жизнь, поведенческой регуляцией и минимизированными астеническими реакциями. У совершеннолетних студентов из замещающих семей отсутствуют взаимосвязи

адаптированности с личностными характеристиками. Наконец, у совершеннолетних студентов из детских домов присутствуют взаимосвязи адаптированности с наличием целей и интереса к жизни, удовлетворением самореализацией, представлением о себе и пониманием смысла жизни, личностным адаптационным и коммуникативным потенциалами, поведенческой регуляцией, силой, а также минимизацией дезадаптационных нарушений, астенической и психотической реакций.

Психолого-педагогическое сопровождение обеспечивает развитие содержательных характеристик социально-психологической адаптированности личности. В группе несовершеннолетних студентов с опекой, оформленной менее 1 года, выявлена динамика увеличения адаптации, эмоционального комфорта, осмысленности жизни, интернальности и личностного адаптационного потенциала, снижение уровня дезадаптированности. У несовершеннолетних студентов из замещающих семей наблюдается динамика повышения уровня адаптации, эмоционального комфорта, осмысленности жизни, личностного адаптационного потенциала и понижения уровня дезадаптированности. Несовершеннолетние студенты из детских домов демонстрируют динамику повышения уровня адаптации, эмоционального комфорта, осмысленности жизни и понижение уровня дезадаптированности. В группе совершеннолетних студентов из замещающих семей выявлена динамика повышения уровня эмоционального комфорта, осмысленности жизни, незначительные повышения уровня адаптации, в группе совершеннолетних студентов из детских домов – динамика повышения уровня адаптации, эмоционального комфорта, осмысленности жизни, личностного адаптационного потенциала и понижение уровня дезадаптированности.

Литература

1. Цилюгина И. Б. Трудности процесса адаптации студентов-первокурсников учреждений среднего профессионального образования и способы их разрешения // Среднее профессиональное образование. 2015. № 1. С. 42–45.
2. Федорова Е. Е. Проблемы адаптации студентов к профессиональной деятельности в вузе // Педагогика. 2007. № 5. С. 71–75.
3. Еременко Л. Е. Особенности организации практического обучения в колледже // Инновационные педагогические технологии: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань, 20–23 октября 2014 г.) Казань, 2014. С. 267–269.
4. Гурьев М. Е. Социально-психологическая характеристика адаптации и адаптационных возможностей личности в социальной среде // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 22. С. 83–90.
5. Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю. Проблема адаптации личности в отечественной психологии // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 28–36.
6. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
7. Луцко Е. А. К вопросу об определении критериев и факторов эффективности адаптации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2008. № 1. С. 205–209.
8. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 2002. 272 с.
9. Адаптация личности в современном мире / отв. ред. М. В. Григорьева. Саратов: Наука, 2011. Вып. 3. 110 с.
10. Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О. Психологические аспекты воспитания детей в замещающих семьях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 1. С. 135–138.
11. Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О. Особенности детско-родительских отношений в приемных семьях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-3. С. 146–151.
12. Миневиц О. К. Социально-психологические условия адаптации детей в приемных семьях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

13. Базарова Е. Б. Замещающая семья как институт социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 5. С. 236–243.
14. Горохова И. В., Саломатина О. В. Социально-психологические проблемы замещающей семьи // Человеческий капитал. 2014. № 10. С. 119–120.
15. Исакова Т. А. К проблеме психолого-педагогического сопровождения профессиональных замещающих семей // Психологическое сопровождение образовательного процесса. 2015. Т. 2. № 5-2. С. 269–275.
16. Гребенникова Е. В., Фирсова О. В. Социально-психологическая адаптация детей-сирот в приемных семьях // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2009. № 4. С. 51–55.
17. Цирихова Е. В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития студентов в период обучения в колледже // Психологические науки: теория и практика: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20–23 февраля 2012 г.) М., 2012. С. 97–100.
18. Шкатова Н. А. Психолого-педагогическое сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях колледжа // Беспризорник. 2006. № 6. С. 9–10.
19. Федосенко Е. В. Психологическое сопровождение подростков: система работы, диагностика, тренинги. СПб.: Речь, 2008. 191 с.
20. Постовалова Г. И. Психологические и социально-психологические особенности адаптации студентов. М.: Азимут-Центр, 2007. 229 с.
21. Бирюкова М. В. Адаптация студентов к обучению в среднем профессиональном учебном заведении: трудности, проблемы, пути решения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 88. С. 158–162.
22. Данилова З. Г. Педагогическое сопровождение адаптации детей-сирот и учащихся колледжа с ОВЗ к осуществлению выбора в профессиональном обучении. М.: Изд-во Русимпо, 2015. 132 с.
23. Величко Е. В., Минюрова С. А. Комплекс мероприятий по психолого-педагогическому сопровождению «Я»-адаптивности как основы формирования социально-психологической компетентности студентов колледжа // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 197–201.
24. Демидова Т. П. Психологическое сопровождение профессионально-личностного становления обучающихся в средних профессиональных учебных заведениях. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2006. 110 с.
25. Суртаева О. С. К вопросу об организации психолого-педагогического сопровождения социальной адаптации студентов-сирот в условиях педагогического колледжа // Наука и современность. 2010. № 5-1. С. 405–410.
26. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Питер, 2000. 559 с.
27. Немов Р. С. Психология. Кн. 3: Психодиагностика: введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. 4-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 640 с.
28. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
29. Реан А. А. Практическая психодиагностика личности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 221 с.

Development of Socio-Psychological Adaptation of Personality in College Students from Substitute Families

Irina S. Morozova^{a, @}; Alena V. Borisenko^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ishmorozova@ya.ru

Received 09.04.2020. Accepted 27.04.2020.

Abstract: The research featured various means of psychological and pedagogical support of college students from foster families aimed at developing their socio-psychological adaptation. The authors identified the key characteristics of the socio-psychological adaptability of underage orphan students. Students that spent less than a year in foster families combined adaptation with behavioral regulation and demonstrated communicative potential, long-term goals, interest in life, and a sense of purpose. They were active, strong, and satisfied with their self-realization and self-image. Their maladaptation disorders, as well as asthenic and psychotic reactions, were minimal. The key characteristics of the socio-psychological adaptation of minor students from foster families were manifested in the inverse relationship of maladaptation with the life process, locus of self-control, behavioral regulation, communicative potential, moral norms and maladaptation disorders. In underage students from orphanages, adaptation was associated with the locus of control – life, behavioral regulation and minimized asthenic reactions. The authors designed and tested a set of means of psychological and pedagogical support that improve the socio-psychological adaptation of students from foster families. The experiment demonstrated a positive dynamics in the level of adaptation, emotional comfort, sense of purpose, internality and personal adaptive potential, as well as a decrease in the level of maladaptation.

Keywords: college students, orphans, children from foster families, adaptation to learning conditions, individual psychological characteristics, means of psychological and pedagogical support

For citation: Morozova I. S., Borisenko A. V. Development of Socio-Psychological Adaptation of Personality in College Students from Substitute Families. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 207–217. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-207-217>

References

1. Tsilyugina I. B. Difficulties of the secondary vocational education first-year students' adaptation process and ways of their solution. *Srednee professionalnoe obrazovanie*, 2015, (1): 42–45. (In Russ.)
2. Fedorova E. E. Problems of adaptation of students to professional activity in higher education. *Pedagogika*, 2007, (5): 71–75. (In Russ.)
3. Eremenko L. E. Features of the organization of practical training in college. *Innovative pedagogical technologies: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Kazan, October 20–23, 2014. Kazan, 2014, 267–269. (In Russ.)
4. Guryev M. E. Socio-psychological characteristics of adaptation and adaptive capabilities of the individual in the social environment. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniia: problemy i rezultaty*, 2015, (22): 83–90. (In Russ.)
5. Aksenova G. I., Aksenova P. Iu. Problem of personality adaptation in domestic psychology. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya*, 2012, (4): 28–36. (In Russ.)
6. Nalchadzhian A. A. *Psychological adaptation: mechanisms and strategies*. Moscow: Eksmo, 2010, 368. (In Russ.)
7. Lutsko E. A. On the question of defining criteria and factors of adaptation efficiency. *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 12*, 2008, (1): 205–209. (In Russ.)
8. Romm M. V. *Adaptation of a person in a society*. Novosibirsk: Nauka. Sib. izd. firma, 2002, 272. (In Russ.)
9. *Adaptation of personality in the modern world*, ed. Grigoreva M. V. Saratov: Nauka, 2011, iss. 3, 110. (In Russ.)
10. Morozova I. S., Belogay K. N., Ott T. O. Psychological aspects in the education of children in substitute families. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1): 135–138. (In Russ.)
11. Morozova I. S., Belogay K. N., Ott T. O. Special features of children-parents relations in foster families. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 146–151. (In Russ.)
12. Minevich O. K. *Socio-psychological conditions for the adaptation of children in foster families*. Cand. Psychol Sci. Diss. Abstr. Tambov, 2009, 24. (In Russ.)
13. Bazarova E. B. Substitute family as an institute of children-orphans and children without parental care socialization. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (5): 236–243. (In Russ.)

14. Gorokhova I. V., Salomatina O. V. Socio-psychological problems adoptive family. *Chelovecheskii kapital*, 2014, (10): 119–120. (In Russ.)
15. Isakova T. A. On the problem of psychological and pedagogical support of professional substitute families. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa*, 2015, 2(5-2): 269–275. (In Russ.)
16. Grebennikova Y. V., Firsova O. V. Social-psychological adaptation of organ children in adopted families. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (4): 51–55. (In Russ.)
17. Tsirikhova E. V. Psychological and pedagogical support of professional and personal development of students during their college education. *Psychological sciences: theory and practice: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, February 20–23, 2012. Moscow, 2012, 97–100. (In Russ.)*
18. Shkatova N. A. Psychological and pedagogical support of orphaned children and children left without parental care, in the conditions of college. *Besprizornik*, 2006, (6): 9–10. (In Russ.)
19. Fedosenko E. V. *Psychological support of adolescents: system of work, diagnostics, training*. St. Petersburg: Rech, 2008, 191. (In Russ.)
20. Postovalova G. I. *Psychological and socio-psychological features of students' adaptation*. Moscow: Azimut-Tsentr, 2007, 229. (In Russ.)
21. Biryukova M. V. Adaptation of students to studying at a secondary vocational educational establishment: difficulties, problems, methods of solutions. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, (88): 158–162. (In Russ.)
22. Danilova Z. G. *Pedagogical support for the adaptation of orphans and college students with disabilities to the choice in vocational training*. Moscow: Izd-vo Rusimpo, 2015, 132. (In Russ.)
23. Velichko E. V., Minurova S. A. Complex measures for psychological and pedagogical support self-adaptability as a basis for the formation of socio-psychological competence of college students. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2014, (8): 197–201. (In Russ.)
24. Demidova T. P. *Psychological support of professional and personal development of students in secondary vocational educational institutions*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2006, 110. (In Russ.)
25. Surtaeva O. S. On the issue of the organization of psychological and pedagogical support of social adaptation of students-orphans in the conditions of a pedagogical college. *Nauka i sovremennost*, 2010, (5-1): 405–410. (In Russ.)
26. *Workshop on general, experimental and applied psychology*, eds. Krylov A. A., Manichev S. A., 2nd ed. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Piter, 2000, 559. (In Russ.)
27. Nemov R. S. *Psychology. Book 3: Psychodiagnostics: an introduction to scientific psychological research with elements of mathematical statistics*, 4th ed. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 2001, 640. (In Russ.)
28. Leontiev D. A. *Test of meaning-life orientations (LSS)*, 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000, 18. (In Russ.)
29. Rean A. A. *Practical psychodiagnostics of personality*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001, 221. (In Russ.)

Использование математических методов для мониторинга качества успеваемости студентов

Алла Г. Портнова^a; Светлана Л. Лесникова^{b,@}; Нина А. Русакова^b

^a Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, Россия, г. Санкт-Петербург

^b Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ Lesnikova_cl@mail.ru

Поступила в редакцию 07.08.2020. Принята к печати 28.08.2020.

Аннотация: Рассмотрены вопросы анализа результативности воспитательно-образовательного процесса вуза с использованием статистических методов. Предмет исследования – факторы, влияющие на качество подготовки студентов вуза. Проанализированы количественные и качественные показатели на основе общих организационных и педагогических подходов с использованием методов корреляционного и дисперсионного анализа. В процессе анализа все указанные показатели были систематизированы и обобщены с целью выявления степени их влияния на результативность рассматриваемых факторов. Достоверность результатов проверялась с использованием критерия Пирсона. Методология исследования базируется на выявлении факторов, влияющих на достижение студентами результатов обучения. Фактор рассматривается как условие качества образования. Основываясь на принципах общего и профессионального образования личности, мы выявили две группы указанных факторов: относящиеся к результативности этапа общего образования (успеваемость, профиль обучения) и относящиеся к результатам обучения в высшей школе (успеваемость, направление подготовки, курс обучения, преподаватели). Показано, что успеваемость студентов 1 курса не зависит от оценок, полученных на ЕГЭ, и качества аттестата. Такая зависимость начинает проявляться на 2 курсе. Это связано с окончанием процесса адаптации студентов. По результатам статистической обработки была построена математическая модель зависимости успеваемости от выявленных факторов, с помощью которой можно прогнозировать результаты успеваемости студентов, а также корректировать процесс обучения с целью повышения качества подготовки выпускников университета. Корректирование процесса обучения может заключаться в проведении дополнительных консультаций, в том числе с использованием новых информационных технологий, в изменении содержания программ курсов с учетом уровня подготовленности студентов (дифференциация содержания, заданий, индивидуализированные задания). Результаты исследования представляют интерес для организации психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения студентов вуза и их социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: математическая обработка данных, учебный процесс, качество подготовки студентов, информационная система, мониторинг

Для цитирования: Портнова А. Г., Лесникова С. Л., Русакова Н. А. Использование математических методов для мониторинга качества успеваемости студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 218–226. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-218-226>

Введение

На современном этапе в системе высшего образования сложился устойчивый интерес к проблемам качества образования. В литературе отражены различные аспекты качества подготовки студентов. Для повышения качества подготовки предлагается структурно-функциональная модель обучения, включающая педагога, персональный компьютер, интернет-ресурсы, учебную книгу и технические средства обучения [1]. Обсуждаются проблемы качества подготовки специалистов, и описывается факторная модель оценки предпосылок, определяющих качество подготовки студентов [2]. Определяются возможности «гибкого применения» инструментария персональной образовательной среды (рейтинги, достижения, значки, активные уведомления и др.), реализация которых позволяет повысить успеваемость студентов, их самоорганизацию, интерес к процессу

обучения и эффективность деятельности образовательной организации [3]. Разрабатываются технологии, которые позволят не только оценить результаты учебной работы преподавателей и кафедры, но и проводить анализ результатов их учебной работы, оперативно вносить изменения в организацию образовательной деятельности с целью повышения качества образования выпускников вузов [4]. Обращается внимание на необходимость развития личности студента для повышения качества профессиональной подготовки [5; 6]. Обосновывается необходимость подготовки преподавателя к осуществлению инновационных функций [7; 8].

Этот интерес, с одной стороны, может быть объяснен возрастающими требованиями общества к личностным характеристикам общекультурной и профессиональной подготовки и, с другой стороны, фактическим реальным уровнем образования и личностного, профессионального

развития выпускников вуза. В психолого-педагогических исследованиях между этими группами требований часто отмечается несоответствие, которое вызывается разными причинами: отсутствием общепринятых и общепризнанных требований общества к характеристикам специалистов; нерешенностью сочетания, преемственности довузовской и вузовской подготовки; неразработанностью критериев оценки качества высшего образования.

При этом мы считаем важным учитывать позицию М. А. Викулиной, согласно которой основная задача образования на современном этапе общественного развития заключается в том, чтобы научить человека самообучаться и саморазвиваться, управляя собственными знаниями, умениями и навыками [9, с. 120].

Мы выделяем среди причин, вызывающих указанные несоответствия, недостаточную изученность целостности воспитательно-образовательного процесса в вузе, влияния и взаимодействия на него различных факторов, особенностей этапов подготовки студентов, общее и особенное в освоении студентами различных разделов учебного плана. Данные причины, как мы считаем, могут существенно снижать управляемость учебного процесса в вузе.

Для эффективного управления учебным процессом и повышения качества подготовки студентов требуется анализ различной информации. Содержательная значимость отдельных информационных блоков неодинакова. Создать систему информационного обеспечения управления можно на основе мониторинга, который рассматривается как процесс отслеживания состояния объекта (системы или сложного явления) с помощью непрерывного или повторяющегося сбора данных, представляющих собой совокупность определенных ключевых показателей.

Мы согласны с мнением Г. Б. Турткараевой, которая констатирует, что ценность мониторинга как целенаправленного длительного наблюдения и оценивания качества образовательных услуг состоит в том, что он позволяет диагностировать состояние данного процесса, вносить своевременные коррективы в цели, содержание и технологии преподавания дисциплин, а также проектировать ход и результаты личностного развития студентов в образовательном процессе [10, с. 131].

О широких возможностях применения мониторинга в образовательном процессе пишет Н. Е. Копытова [11, с. 91], подчеркивая его востребованность в современных условиях.

В качестве объектов мониторинга могут выступать профессионально-образовательный процесс, академическая успеваемость обучаемых, социально-психологическая адаптация, сформированность профессионального самоопределения и др. [12–14].

В данной статье мы остановимся на таких функциях мониторинга, как информационно-аналитическая и контрольно-диагностическая, поскольку именно они содержат информационную основу для выработки и оценки ключевых критериев качества воспитательно-образовательного процесса на уровне института. Информационно-аналитическая функция представляет собой первичную основу для принятия управленческих решений. Имеет смысл различать первичную и вторичную информацию [15]. После сбора первичной информации о состоянии воспитательно-образовательного процесса осуществляется ее педагогический анализ, который направлен на изучение фактического состояния дел. В зависимости от содержания принято выделять следующие виды анализа: параметрический, тематический и итоговый.

Параметрический анализ состоит в изучении ежедневной информации о ходе и результатах педагогического процесса, выявлении причин, нарушающих его целостность. Решения, принятые на основе параметрического анализа, требуют оперативного выполнения.

Тематический анализ направлен на изучение более устойчивых, повторяющихся зависимостей, тенденций педагогического процесса. Он позволяет выявить особенности проявления его отдельных компонентов, определить их взаимодействия.

Итоговый анализ включает в себя изучение основных результатов педагогической деятельности за определенный период.

Контрольно-диагностическая функция управления заключается в выявлении причин позитивного и негативного состояния дел, в обеспечении системности, логичности и открытости контроля. Данные контроля и диагностики позволяют управлению обеспечивать как режим функционирования, так и режим развития педагогических систем или их компонентов, являющихся объектами мониторинга.

Процесс обучения можно представить с помощью модели, в которой учитываются различные факторы, влияющие на результирующие показатели. Укрупненная схема информационной модели специальности (направления) (ИМС) представлена на рис. 1.

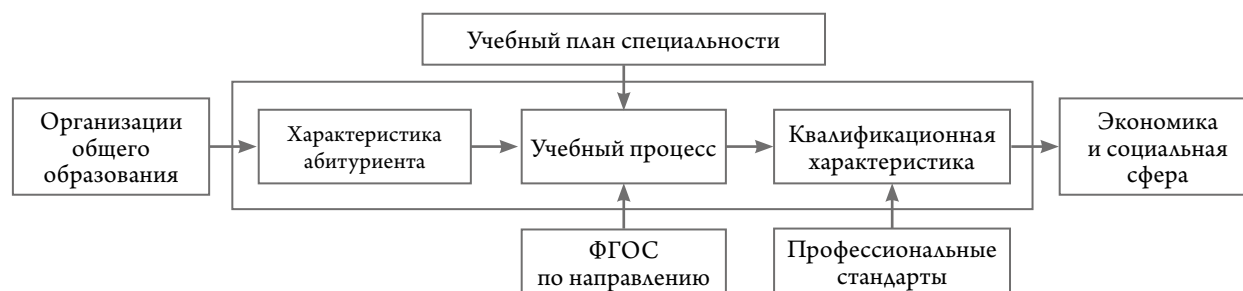

Рис. 1. Схема процесса обучения

Fig. 1. Diagram of the learning process

Базовым блоком ИМС является учебный процесс. На качество учебного процесса влияет множество факторов, наиболее значимыми из которых являются качество учебных программ, учебно-методических материалов, преподавательских кадров, уровень подготовленности студентов, качество учебного процесса. Составляющими анализа качества подготовки специалистов являются оценка уровня подготовленности абитуриентов и степени усвоения студентом программного материала, результаты итоговой аттестации. Приведем некоторые подходы к моделированию процесса обучения.

М. М. Машнев и Ю. А. Дружинин рассматривают учебный процесс как получение информации [16]. Исследуются показатели, влияющие на количество информации, получаемое студентами. За основу берется учебный план, который рассматривается как динамически меняющееся управление учебным процессом. Полученные в результате исследования зависимости позволяют оценить важные характеристики процесса обучения (усвояемость материала, ритмичность работы студентов, эффективность обучения). А. И. Вершинина и Б. Т. Солдатов предлагают определять время на обучение пропорционально времени усвоения знаний [17, с. 72]. В. П. Гусаков и др. применяют теорию графов для оценки успеваемости [15], цель – поиск такой функции, в которой были бы учтены взаимосвязи между показателями линейной модели, которая позволяет отследить, как изменится учебный процесс с изменением различных показателей.

Для оценки качества системы (или функционирования системы в течение некоторого интервала времени) применяют линейную функцию, зависящую от численных значений некоторых заранее заданных показателей. Пусть n – число показателей; x_j – значение j -го показателя; a_j – коэффициент, определяющий сравнительную важность j -го показателя. Тогда качество системы определяется линейной функцией:

$$f(x) = \sum_{j=1}^n a_j x_j.$$

С помощью данной модели можно определить, в частности, как изменяются результирующие показатели в зависимости от выбранных факторов. Для того чтобы выбрать, какие показатели включать в модель, пользуются различными методами математической статистики.

В работе А. И. Антипенко на основе линейной модели представлена зависимость интегральной оценки качества подготовки студентов от переменных факторов – основных показателей работы студента в течение недели, месяца, семестра [18]. В статье Е. Н. Бичерова и Е. М. Фещенко показывается влияние профессионального самоопределения на успеваемость студентов [19].

Еще одним методом анализа успеваемости является корреляционный анализ. Для выяснения влияния на успеваемость различного рода факторов вычисляется коэффициент корреляции рангов. В качестве основного показателя успеваемости рассматривается средний балл. На основе

проведенных исследований было показано влияние на успеваемость школьных оценок, вступительных экзаменов, образовательного уровня родителей, количества прочитанных книг и т. д. В. Г. Житомирский для выявления аналогичных показателей использует факторный анализ [20].

Методы и материалы

Целью предпринятого нами исследования является изучение учебного процесса и выявление факторов, влияющих на его качество. Исследование проводилось в течение пяти лет на трех направлениях подготовки: 01.03.02 Прикладная математика и информатика, 02.03.01 Математика и компьютерные науки, 02.03.03 Математическое обеспечение и администрирование информационных систем, реализуемых институтом фундаментальных наук Кемеровского государственного университета. Рассматривались данные успеваемости одних и тех же студентов на разных курсах, сравнивались результаты студентов одного курса разных лет поступления и различных направлений. Была создана информационная система для автоматизации обработки результатов процесса обучения. Полученные данные являются результатами текущего контроля, и на их основе проводили статистическую обработку успеваемости студентов с целью выявления ее средних показателей, корреляционных зависимостей и др.

Следующим этапом исследования было выявление особенностей учебного процесса и факторов, влияющих на успеваемость студентов; построение линейной модели, описывающей зависимость среднего балла студента в семестре от выявленных входных параметров.

В данном исследовании использовались следующие статистические методы.

1. Описательная статистика

По каждому предмету находится средний балл по каждой группе и по факультету в целом:

$$m_{г} = \sum n_i / N^*, \quad m_{ф} = \sum m_{гп} / n_{гп},$$

где n_i – полученный студентом каждой группы балл по предмету; N^* – число студентов в группе, $m_{гп}$ – число групп на факультете по данному предмету.

Вычисляется среднее квадратичное отклонение средних оценок по предмету на факультете, отражающее стабильность подготовки студентов:

$$\sigma_{ф} = \sqrt{\frac{1}{n_{см}} \sum (m_{гп} - m_{ф})^2}.$$

Для проведения вероятностных оценок необходимо установить закон распределения средних баллов групп по предметам. Для этого требуется построить гистограммы распределения значений $m_{гп}$ по предметам.

После определения $m_{ф}$ и $\sigma_{ф}$ строятся дифференциальные функции нормального распределения, на которые нанесены соответствующие графики нормального

распределения. Затем проводится проверка соответствия теоретического и эмпирического распределения по критерию Пирсона χ^2 .

На основании полученной информации вычисляются среднее значение и среднее квадратичное отклонение средних по циклам дисциплин:

$$M_{\Sigma H} = \sum_{i=1}^r \frac{m_{i\Sigma H}}{n_{\Sigma H}}, \quad \sigma_{\Sigma H} = \sqrt{\frac{1}{n_{\Sigma H}} \sum_{i=1}^r (m_{i\Sigma H} - M_{\Sigma H})^2},$$

где m_i – средние баллы по предметам цикла, n – общее число предметов цикла и т. д. по остальным циклам.

2. Корреляционный анализ

Коэффициент линейной корреляции Пирсона вычисляют по формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}},$$

где \bar{x} – среднее значение выборки x , \bar{y} – среднее значение выборки y . При проведении корреляционного анализа мы обращаем внимание на достоверность результата.

3. Дисперсионный анализ

Факторами дисперсионного анализа являются переменные, измеримые в качественных шкалах. Для проведения предварительной статистической обработки было разработано два приложения, позволяющих обрабатывать результаты сессий и аттестаций, получать средние баллы, качественную и количественную успеваемость по группам и курсам в целом, по каждому предмету в отдельности, а также для исследования процесса адаптации ряда других факторов, влияющих на качество обучения студентов [21].

С помощью названных приложений мы получаем данные для дальнейшей статистической обработки: качественную и количественную успеваемость по группе и курсам; средние баллы по каждому предмету; список задолжников по сессии по группе, курсу и отдельному предмету; список студентов, имеющих один, два, три и более нулей на аттестации; результаты тестирования студентов и статистическую обработку результатов.

Результаты

Первичный анализ данных выявил наличие некоторых специфических свойств учебного процесса, например низкую успеваемость на младших курсах, особенно качественную. В результате чего возник вопрос – насколько правильно организован учебный процесс на направлениях подготовки. Дальнейшее исследование проходило по следующему алгоритму: обработка результатов последней сессии; анализ данных; корректировка учебного процесса.

По группам и предметам были вычислены средние баллы и стандартные отклонения. Было проверено соответствие эмпирического и теоретического нормального распределения: эмпирические распределения соответствуют

теоретическим со средним уровнем значимости примерно 0,05 (рис. 2).

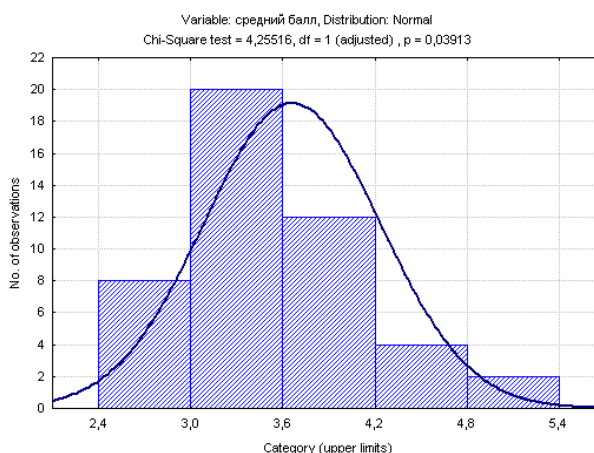

Рис. 2. Плотность распределения среднего балла студентов 1 курса
Fig. 2. Density of distribution of the average score of the first-year students

Далее были вычислены средние баллы и среднеквадратические отклонения по блокам дисциплин. Как показали результаты исследования, по базовым дисциплинам студенты всех направлений занимаются примерно одинаково. По базовым дисциплинам студенты направления 02.03.01 Математика и компьютерные науки показывают результаты хуже, чем остальные, возможно потому, что математические дисциплины тяжело воспринимаются после школы, или это указывает на различную мотивацию студентов к изучению этих дисциплин.

Для более подробного анализа этих причин было решено провести анкетирование студентов, чтобы выяснить их отношение к изучаемым предметам, и тестирование знаний, которые у них были до изучения предмета.

Дальнейшим этапом нашего исследования было сравнение успеваемости одних и тех же студентов на различных курсах, причем, поскольку ведутся разные дисциплины, мы сравнивали успеваемость по блокам дисциплин. Мы сравнили, как одни и те же студенты учатся на начальных курсах и в конце процесса обучения. Были вычислены коэффициенты корреляции по различным блокам дисциплин у студентов на первом, втором и четвертом курсах. Исследования показали отсутствие корреляции по блоку базовых дисциплин. Для дальнейшего исследования причин низкой корреляции были выбраны следующие факторы: школа, которую окончил студент; оценки аттестата; результаты ЕГЭ; профиль обучения в школе; результаты предыдущих сессий. На основе дисперсионного анализа были выявлены показатели, влияющие на успеваемость. Результаты исследования показали отсутствие зависимости успеваемости студентов 1 курса от результатов ЕГЭ и оценок аттестата. При этом такая зависимость начинает проявляться на 2 курсе.

Были сделаны следующие предположения: у студентов 1 курса недостаточно высокий уровень профессионального

самоопределения и в связи с этим низкая мотивация к обучению; сложность адаптации к вузовской системе обучения.

Для обоснования этих предположений проведены тестирование студентов по различным методикам и обработка полученных результатов с помощью специально созданной информационной системы [21]. Была выдвинута гипотеза о том, что если студент обучался в школе по профилю, близкому к профилю обучения, то его успеваемость выше на младших курсах. Также изучался вопрос уровня адаптации студентов. При помощи U-критерия Манна-Уитни было показано, что успешность обучения студентов в университете статически независима от профиля обучения в школе. Результаты проведенных тестов показали, что значение уровня профессионального самоопределения студентов 1 курса ниже нормы. Это может свидетельствовать о том, что в настоящее время необходимо проводить работу по дидактической и методической переработке современных научных математических знаний в предметные школьные знания по математике.

С целью выявления отношения студентов к предлагаемой модели учебного процесса было проведено социологическое исследование (анкетирование). Вопросы анкеты были составлены на основе методического пособия «Стратегия и тактика управления качеством образования» В. Н. Нуждина и др., в котором изучается качество образования в целом и учебный процесс в вузе в частности [22].

На основе анкеты были сделаны выводы о необходимости введения дополнительных адаптационных курсов для студентов. Студенты согласны с тем, чтобы сохранить имеющийся уровень требовательности при достаточном уровне преподавания предмета. По результатам анкеты выяснилось, что на результаты сессий при прочих равных условиях влияет личность преподавателя.

Как показали результаты, на направлениях подготовки 02.03.03 и 01.03.02 зависимость среднего балла за сессию от результатов ЕГЭ и оценок аттестата начинает проявляться на втором курсе. Мы предположили, что это происходит вследствие завершения процесса адаптации к организации обучения в университете и структурно-содержательной составляющей основной профессиональной образовательной программы высшего образования. Об успешности процесса адаптации студентов данных направлений подготовки свидетельствует, в частности, критерий Вилкоксона, который подтверждает гипотезу о том, что сдвиги в успеваемости по предметам, которые ведутся несколько семестров, статистически значимы. Так, уровень значимости по предмету Математический анализ на первом и втором семестрах составил 0,068 (количество человек – 50), на втором и третьем семестрах – 0,007 (количество человек – 48).

На основе полученных результатов была построена линейная модель учебного процесса, которая представлена в виде:

$$y' = \sum_i a_i x_i,$$

где y' – расчетное значение среднего балла, x_i – значения факторов, a_i – коэффициенты, вычисленные с помощью регрессии.

Далее адекватность модели была проверена по коэффициенту детерминации, который вычисляется по формуле:

$$R^2 = 1 - \frac{\sum_i \varepsilon_i^2}{\sum_i (y_i - y')^2} = 0,6526.$$

Полученный результат свидетельствует о том, что на 65,26 % вариация среднего балла зависит от вариации выбранных факторов и на 34,74 % – от неучтенных факторов.

Во множественной регрессии предполагается, что остатки (предсказанные значения минус наблюдаемые) подчиняются закону нормального распределения. Чтобы сделать окончательные выводы, были рассмотрены распределения представляющих интерес переменных. С помощью критерия согласия Пирсона была проверена гипотеза о нормальном распределении отклонений фактических значений от расчетных. В результате проверки гипотеза подтвердилась с уровнем значимости 0,06.

На следующем этапе исследования было проверено – нужно ли повышать успеваемость на первом курсе путем понижения требовательности. В статье В. Г. Айнштейна приведены результаты анализа влияния требовательности преподавателя на суммарную успеваемость [23]. Как показано в работе, высокую суммарную успеваемость можно получить как при низкой, так и при высокой требовательности на младших курсах. Высокая успеваемость при низкой требовательности соответствует низкому уровню знаний студентов. Автор в своем исследовании делает следующие выводы: необходимо повышать требовательность на младших курсах. В этом случае суммарная успеваемость будет выше, на младших курсах успеваемость должна быть ниже, чем на старших.

Исследование, проведенное нами, подтверждает эти выводы. Для повышения успеваемости на первом курсе необходимо вводить дополнительные дисциплины, ускоряющие процесс адаптации студентов к основной профессиональной образовательной программе высшего образования и университетской системе обучения. Вместе с тем в результате проведенного дисперсионного анализа было выявлено, что низкая успеваемость по ряду дисциплин зависит не только от высокой требовательности преподавателя, но и от ряда других факторов. Все эти факторы характеризуют качество преподавательских кадров. В связи с этим дальнейшим этапом нашей работы было включение качественных (группирующих) показателей в модель. За группирующий фактор была взята группа, в которой учится студент, т. к. этот показатель объединяет всех преподавателей, которые вели у них различные дисциплины.

Адекватность построенной модели была проверена аналогично предыдущему этапу. По значению коэффициента детерминации $R^2=0,8865$ можно сказать о том, что вариация среднего балла на 88,68 % зависит от выбранных

факторов, т. е. добавленные факторы значительно влияют на средний балл. Была проверена гипотеза о нормальном распределении остатков и построена гистограмма. Гипотеза подтвердилась с уровнем значимости 0,06.

Заключение

На основе результатов первичного анализа успеваемости студентов были выявлены некоторые особенности процесса обучения на направлениях института фундаментальных наук Кемеровского государственного университета и проведена статистическая обработка данных. С помощью дисперсионного анализа были выявлены количественные и качественные факторы, влияющие на успеваемость студентов. В работе показано, что успеваемость студентов 1 курса не зависит от оценок, полученных на ЕГЭ, и качества аттестата. Такая зависимость начинает проявляться на 2 курсе, что связано с завершением процесса адаптации студентов к обучению в вузе. По результатам первичной статистической обработки была построена математическая

модель зависимости успеваемости от выявленных факторов, с помощью которой можно прогнозировать результаты успеваемости студентов, а также корректировать процесс обучения с целью повышения качества подготовки выпускников университета. Корректирование процесса обучения может заключаться в проведении дополнительных консультаций, организации дополнительных консультаций с помощью новых информационных технологий, изменении содержания программ курсов с учетом уровня подготовленности студентов (дифференциация содержания, заданий, индивидуализированные задания).

В дальнейшем исследовании предполагается изучить значимость других показателей, таких как качество учебно-методической литературы, лабораторного оборудования, условия для самостоятельной работы. Результаты исследования имеют определенное значение для психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения студентов вуза и их социально-психологической адаптации.

Литература

1. Цгоева Н. А. Повышение качества подготовки студентов на основе современных образовательных моделей // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 6. С. 422–426.
2. Бакулин Н. В. Проблема качества подготовки студентов и модель оценки их потенциальных возможностей // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2014. № 1. С. 90–93.
3. Погребников А. К., Шестаков В. Н., Якунин Ю. Ю. Персональная образовательная среда как инструмент повышения успеваемости студентов // Перспективы науки и образования. 2019. № 6. С. 473–483. DOI: 10.32744/pse.2019.6.39
4. Григораш О. В. Технологии оценки эффективности учебной работы преподавателей и кафедр в технических вузах // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 5А. С. 389–397.
5. Садретдинов Р. А. Развитие личности студента для повышения качества профессиональной подготовки // Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность : сб. науч. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 30 апреля 2020 г.) Челябинск, 2020. С. 235–239.
6. Прялухина А. В., Созинова М. В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития личности студента в вузе // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1. С. 384–388. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.146
7. Голубков С. А., Илюхина Н. А., Рубцова Т. П. Готовность преподавателя вуза к организации внутривузовского мониторинга качества обучения студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 5. С. 16–20.
8. Рубцова Т. П. Подготовка преподавателей в системе повышения квалификации к выполнению инновационных функций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. Т. 22. № 71. С. 42–47. DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-71-42-47
9. Викулина М. А. Общекультурные компетенции – основа подготовки современного специалиста // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2015. № 12. С. 120–124.
10. Турткараева Г. Б. Мониторинг как метод оценки и измерения качества образовательной деятельности // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 2-2. С. 130–134.
11. Копытова Н. Е. Мониторинг в системе образования: основные понятия, проблемы, возможности // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2003. № 3. С. 91–97.
12. Килесса Л. А., Петрунина М. Э. Концептуальная модель системы мониторинга качества успеваемости в рамках смешанного обучения по дисциплине «Информатика» // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы. 2019. № 5. С. 94–99.
13. Бурмистрова Н. А., Иванова Е. В., Мещерякова Н. А., Симонова Н. Ю. Оценка качества предметной подготовки бакалавров и магистров в изменяющихся социально-экономических условиях // Стандарты и мониторинг в образовании. 2019. Т. 7. № 2. С. 16–24. DOI: 10.12737/article_5ca4a62525cdb2.22244817

14. Басев И. Н., Голунова Л. В. Мониторинг учебной деятельности студентов в LMS MOODLE (на примере дисциплины «Информатика») // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 29–36.
15. Гусаков В. П., Вьялицин А. А., Шебелистова О. В. Математическая модель интегральной оценки качества образования // Конгресс конференций «Информационные технологии в образовании». М., 2003. Режим доступа: <http://ito.edu.ru/2003/VI/VI-0-3169.html> (дата обращения: 15.07.2020).
16. Машнев М. М., Дружинин Ю. А. О количественных критериях эффективности // Alma mater (Вестник высшей школы). 1975. № 6. С. 133–138.
17. Вершина А. И., Солдатов Б. Т. Моделирование процесса обучения // Радиоелектроніка, інформатика, управління. 2003. № 1. С. 65–72.
18. Антипенко А. И. Опыт применения «Системного метода оценки качества подготовки студентов» по дисциплинам «Менеджмент и организация производства» // Конгресс конференций «Информационные технологии в образовании». М., 2003. Режим доступа: <http://ito.edu.ru/2003/VI/VI-0-2046.html> (дата обращения: 15.07.2020).
19. Бичерова Е. Н., Фещенко Е. М. Динамика представлений о будущей профессии студентов института управления в процессе обучения // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 5. С. 55–59.
20. Житомирский В. Г. Факторы, влияющие на успеваемость // Вестник высшей школы. 1972. № 9. С. 22–28.
21. Корнеева Я. В., Лесникова С. Л., Русакова Н. А., Шикер К. В. Анализ процесса адаптации и профессионального самоопределения студентов вуза с использованием информационной системы // Фундаментальная информатика, информационные технологии и системы управления: реалии и перспективы. ФИТМ-2014: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 25–27 ноября 2014 г.) Красноярск, 2014. С. 212–216.
22. Нуждин В. Н., Кадамцева Г. Г., Пантелеев Е. Р., Тихонов А. И. Стратегия и тактика управления качеством образования. Иваново: ИГЭУ, 2003. 196 с.
23. Айнштейн В. Г. Анализ процесса обучения с помощью моделирования // Alma mater (Вестник высшей школы). 1975. № 10. С. 17–21.

original article

Mathematical Methods in Monitoring the Quality of Student Performance

Alla G. Portnova^a; Svetlana L. Lesnikova^{b,*,}; Nina A. Rusakova^b

^aNorth-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, Russia, Saint Petersburg

^bKemerovo State University, Russia, Kemerovo

*Lesnikova_cl@mail.ru

Received 07.08.2020. Accepted 28.08.2020.

Abstract: The article deals with the statistical analysis of the effectiveness of the educational process at university. The research featured factors affecting the quality of training university students. The authors employed quantitative and qualitative indicators and organizational and pedagogical approaches, as well as methods of correlation and variance analysis. The indicators were systematized and generalized in order to identify the extent of their impact on the effectiveness of the factors under consideration. The reliability of the results was checked using the Pearson test. The methodology of the study was based on the identification of factors that affect the students' achievements. A factor is a condition for good quality education. Based on the principles of general and professional education of the individual, the authors identified two groups of factors: 1) those related to the performance of the general education stage (academic performance, training profile); 2) those related to the results of higher education (academic performance, areas of training, course of study, academics). The academic performance of the first-year students did not depend on the results of the Unified State Exam and school grades. This dependence began to manifest itself during the second year, i.e. after the adaptation period. Statistical processing provided a mathematical model of the dependence of academic performance on the identified factors. The model can be used to predict the results of academic performance, as well as to adjust the learning process in order to improve the quality of university graduates' training, e.g. additional consultations, new information technologies, changes in the curriculum, level-based differentiation of content, tasks, individualized tasks, etc. The results are of interest for organizers of psychological and pedagogical support of professional self-determination for university students and their socio-psychological adaptation.

Keywords: mathematical data processing, educational process, quality of student training, information system, monitoring

For citation: Portnova A. G., Lesnikova S. L., Rusakova N. A. Mathematical Methods in Monitoring the Quality of Student Performance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 218–226. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-218-226>

References

1. Tsgoeva N. A. Student training quality improvement on the basis of modern educational models. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2015, (6): 422–426. (In Russ.)
2. Bakulin N. V. Quality of preparation students and model of estimation of their potential possibilities. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii v prepodavanii estestvennonauchnykh distsiplin*, 2014, (1): 90–93. (In Russ.)
3. Pogrebnykov A. K., Shestakov V. N., Yakunin Yu. Yu. Personal learning environment as a tool for improving students' performance. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2019, (6): 473–483. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2019.6.39
4. Grigorash O. V. Technology assessment of the effectiveness of the educational work of teachers and departments in technical universities. *Pedagogicheskii zhurnal*, 2018, 8(5A): 389–397. (In Russ.)
5. Sadretdinov R. A. Development of the student's personality to improve the quality of professional training. *The quality management system at university: health, education, and competitiveness: Proc. IX Intern. Sci.-Pract. Conf, Chelyabinsk, April 30, 2020. Chelyabinsk, 2020, 235–239. (In Russ.)*
6. Pryalukhina A. V., Sozina M. V. Psychological and pedagogical support of professional development of the personality of a student at the university. *Business. Education. Law*, 2020, (1): 384–388. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.146
7. Golubkov S. A., Ilyukhina N. A., Rubtsova T. P. Readiness of the teacher of higher education institution for the organization of intra high school monitoring of quality of training of students. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanities, Biomedical Sciences*, 2018, 20(5): 16–20. (In Russ.)
8. Rubtsova T. P. Preparing a teacher to perform an innovative function in the professional development system. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanities, Biomedical Sciences*, 2020, 22(71): 42–47. (In Russ.) DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-71-42-47
9. Vikulina M. A. General cultural competences – the basis of modern specialist training. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (12): 120–124. (In Russ.)
10. Turtkarayeva G. B. Monitoring as a method of educational activity's valuation and dimension. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1: Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2014, (2-2): 130–134. (In Russ.)
11. Kopytova N. E. Monitoring in the education system: basic concepts, problems, and opportunities. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal "Gaudeamus"*, 2003, (3): 91–97. (In Russ.)
12. Kilessa L. A., Petrunina M. E. Conceptual model of the academic achievements quality monitoring system within the mixed training on the discipline "Informatics". *Pedagogicheskii eksperiment: podkhody i problemy*, 2019, (5): 94–99. (In Russ.)
13. Burmistrova N. A., Ivanova E. V., Mescheryakova N. A., Simonova N. Y. Assessment of the quality of subject training of bachelors and masters in the changing of the socio-economic conditions. *Standarty i monitoring v obrazovanii*, 2019, 7(2): 16–24. (In Russ.) DOI: 10.12737/article_sca4a62525c5b2.22244817
14. Basev I. N., Golunova L. V. Monitoring of student educational activities in LMS Moodle (on the example of information technology subject). *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia gumanitarnye issledovaniia*, 2019, (2): 29–36. (In Russ.)
15. Gusakov V. P., Vyalitsyn A. A., Shebelistova O. V. Mathematical model of integral assessment of the quality of education. *Congress of conferences "Information technologies in education"*. Moscow, 2003. Available at: <http://ito.edu.ru/2003/VI/VI-0-3169.html> (accessed 15.07.2020). (In Russ.)
16. Mashnev M. M., Druzhinin Yu. A. About quantitative criteria of academic performance. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 1975, (6): 133–138. (In Russ.)
17. Vershina A. I., Soldatov B. T. Modeling of the learning process. *Radio Electronics, Computer Science, Control*, 2003, (1): 65–72. (In Russ.)
18. Antipenko A. I. Experience of using the "System method for assessing the quality of training students" in the disciplines "Management and organization of production". *Congress of conferences "Information technologies in education"*. Moscow, 2003. Available at: <http://ito.edu.ru/2003/VI/VI-0-2046.htm> (accessed 15.07.2020). (In Russ.)
19. Bicherova E. N., Feshchenko E. M. Dynamics of ideas about the future profession of students of the Institute of Management in the learning process. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 2015, (5): 55–59. (In Russ.)
20. Zhitomirskii V. G. Factors affecting academic performance. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 1972, (9): 22–28. (In Russ.)

21. Korneeva Ya. V., Lesnikova S. L., Rusakova N. A., Shiker K. V. Analysis of the process of adaptation and professional self-determination of university students with the use of the information system. *Fundamental informatics, information technologies, and control systems: realities and prospects. FIITM-2014: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnoyarsk, November 25–27, 2014. Krasnoyarsk, 2014, 212–216. (In Russ.)
22. Nuzhdin V. N., Kadamtseva G. G., Panteleev E. R., Tikhonov A. I. *Strategy and tactics of education quality management*. Ivanovo: IGEU, 2003, 196. (In Russ.)
23. Ainshtein V. G. Analysis of the learning process using modeling. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 1975, (6): 17–21. (In Russ.)

Синергия истории и религии в процессах трансформации гражданской религии современной России

Олег Ф. Гаврилов^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] gof57@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2020. Принята к печати 03.11.2020.

Аннотация: Усилия, направленные на дискредитацию наиболее распространенной в России конфессии в лице православия и на ревизию отечественной матрицы исторической памяти, предстающие поверхностному взгляду как автономные процессы, на поверку оказываются согласованными действиями. Эта согласованность обусловлена пониманием, что историческое сознание и религиозная вера образуют в своем неразрывном единстве основу культурной традиции, а при определенных обстоятельствах – содержание гражданской религии. Последняя, независимо от конфессиональной принадлежности представителя общества, наделяет сакральными смыслами исторические символы. Тем самым она обеспечивает социальную солидарность и осознание необходимой направленности происходящих процессов. Гражданская религия, зародившись в советский период отечественной истории, сегодня заметно трансформируется. Если в начальный период своего существования она культивировала сакральные смыслы истории в их локальной (пространственной и временной) ограниченности, что характерно для неразвитых религий, то сейчас наблюдается их проекция на область трансцендентного. В частности это достигается путем установления связи исторических событий с идеей Бога и фиксации этой зависимости в нормах основного закона страны. Благодаря этому прежняя архаичность гражданской религии преодолевается, и она приобретает статус развитой религии, способной консолидировать общество обращенностью к Абсолюту. Изменения порождают критику, в которой они оцениваются как посягательство на принципы светского общества. Однако оппоненты игнорируют следующее: природа культуры имманентно религиозна, названная юридическая новация не отдает предпочтения какой-либо конкретной конфессии, наличие подобных норм права не мешает многим развитым государствам оставаться светскими. В связи с этим цель исследования – за разрозненными на первый взгляд усилиями по дискредитации русского православия и отечественной истории выявить общие тенденции и определить, какие меры противодействия им вырабатываются сегодня.

Ключевые слова: культура, традиция, символы, локализация священного, трансцендентное, Конституция, Бог

Для цитирования: Гаврилов О. Ф. Синергия истории и религии в процессах трансформации гражданской религии современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 227–234. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-227-234>

Введение

Современное общество весьма неоднородно, поэтому естественно, что выражение интересов различных групп сопряжено со спонтанными столкновениями противоположных представлений, мнений, оценок. Однако в этом хаотичном движении процессов духовной жизни иногда угадываются весьма согласованные тенденции. В данном случае речь идет о давлении, объектами которого являются религия и история. Вероятно, это глобальные процессы, затрагивающие разные конфессии и темы исторической науки разных регионов мира. Мы же, говоря о них, будем иметь в виду, прежде всего, обвинения, формулируемые против Московского патриархата Русской православной церкви (РПЦ МП), и попытки смены исторической парадигмы в России. Согласованность критики религии и отечественной истории не очевидна, как не очевидны и ответные действия представителей этой культурной диады. Поэтому задача данного исследования как раз и состоит в том, чтобы за разрозненными на первый взгляд усилиями

по дискредитации русского православия и отечественной истории выявить общие тенденции и определить, какие меры противодействия им вырабатываются сегодня.

Теоретические основы

Если говорить о религии, то ее критика с определенного времени традиционна и касается, в частности, самой природы религиозного мировоззрения, выбора Россией православия как одного из вариантов христианства, места, которое РПЦ занимает в обществе. Начало обструкции религиозного мировоззрения было положено в эпоху Просвещения, когда определяющей стороной человеческой активности и культуры в целом был объявлен разум. Соответственно, религиозная вера в этом ракурсе стала восприниматься как архаизм, подлежащий преодолению или, по крайней мере, локализации в рамках частной жизни. Это убеждение более или менее явно присутствовало в экономических, политических, институциональных предпосылках процесса секуляризации, развернувшегося в глобальных масштабах.

На определенном этапе секуляризация в России приобрела особенные черты: государство объявило своей официальной идеологией воинственный атеизм, принципы которого последовательно и жестко воплощало на практике. В некотором смысле даже удивительно, что после многих десятилетий административного давления на церковь, фактически – ее уничтожения, она продолжила свое существование. И сейчас «сосуществование многочисленных субъектов религиозной активности и тех, кто в российском пространстве коммуникационного взаимодействия оказывается к ней причастным, по-прежнему отягощено последствиями атеистического прошлого и не имеет достаточного опыта трансакций» [1, с. 198]. Последствия антирелигиозного воспитания и пропаганды советской эпохи наверняка могут и сегодня рассматриваться в качестве одного из факторов продолжающихся попыток дискредитации церкви. Нельзя сказать, что такого рода явления масштабны, поскольку между церковью и государством сохраняются в целом комплементарные отношения, но уколы в адрес РПЦ МП совершаются с заметным постоянством. Как и раньше, специально выбираются некоторые страницы истории РПЦ, ее традиции, признанные авторитеты, которые потом интерпретируются как выражение мракобесия, низкопоклонства перед светской властью, наконец, безнравственности. Справедливости ради надо сказать, что отдельные представители клира иногда дают к этому основания. В числе резонансных историй на эту тему стоит назвать панк-молебен группы *Pussi Riot* в храме Христа Спасителя (2012), критику планов по передаче Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в собственность РПЦ (2015–2016) и строительства собора Святой Екатерины в сквере драматического театра г. Екатеринбурга (2019), экспертные оценки исследователей Агентства стратегических коммуникаций, констатирующие в качестве одного из последствий COVID-19 вступление РПЦ в эпоху серьезного церковного кризиса (2020)¹.

Если нападки на церковь воспринимаются после 70 лет атеистической пропаганды чаще всего как явление в какой-то степени привычное, то критический пересмотр знаковых вех истории нашей страны, который приобрел в последнее время особенно радикальные формы, стал для многих неожиданным и даже сначала необъяснимым. Целью критики оказались события, их ход, смысл и значение, участники. В некоторых случаях предметом пересмотра избирается то, что происходило в далеком прошлом, а в некоторых – то, что случилось относительно недавно.

Параллель, которая усматривается между активностью, направленной против РПЦ МП, и попытками подвергнуть ревизию историю нашей страны, не случайна. Только при поверхностном взгляде эти процессы выглядят как независимые друг от друга. Но если присмотреться, становится

ясно, что это звенья одной цепи. Алгоритмы нажима, как и его ожидаемые последствия, в том и другом случае совпадают. В качестве целей выбираются идеи, ценности, составляющие содержание традиции, а также люди, которые являлись или являются их проводниками. За эскалацией атак угадывается наступление на традицию (религиозную и историческую) с целью ее дискредитации, отказа от нее и утверждения на ее месте новой традиции. А предпосылки к этому, безусловно, есть. Как отмечает Э. Гидденс: «С того времени, когда происходило формирование религиозной традиции, состояние общества и самосознание людей радикально изменились. Общество стало фрагментированным и индивидуализированным, а его члены сегодня ищут не вечного спасения, а счастья и благополучия, сосредоточены на личных интересах, требуют экономического роста и социальных гарантий» [2, с. 115]. Выбор именно этих явлений культуры в качестве объектов компрометации закономерен.

Во-первых, они занимают особое место в общественной жизни, составляя важнейшие грани культуры нашей страны. Это вытекает из того, что их содержание представляет собой основание национально-государственной идентичности, которую принимает большая часть населения России, что было однажды названо Н. А. Бердяевым скрепами. Примечательно, что очень удачный, емкий по своему смыслу и яркий по форме выражения термин *скрепы* стал поводом иронии и, более того, ерничания в среде некоторых наших соотечественников. Хотя, если не обращать внимания на факты, когда это слово начинают использовать *всуе*, т. е. к случаю и без случая, оно обозначает некоторые ценности, представляющие собой средства солидаризации общества. Те, кто смеется над этим термином, по существу, отрицают возможность универсалий в нашей культуре, общего содержания исторической памяти и совпадающих оценок современности. А это отрицание единства духовной культуры логически подводит к апокалиптическим оценкам недалеких перспектив России. Здесь понятие апокалиптического используется в широком смысле. О его специфике высказывается Е. Г. Якимова: «Особенностью современного мировоззрения является тот факт, что эсхатологическая тематика начинает выходить за рамки религиозного мировоззрения и все шире распространяться на все сферы человеческой жизни... в настоящее время эсхатологические представления оказывают сильное влияние на нерелигиозное, например, научное мировоззрение» [3, с. 280]. Но отрицающих единство оснований нашей культуры – меньшинство. Превалирующая часть общества, конечно, признает, что православие действительно оказывается объединяющим началом большинства россиян (63 % по данным опроса в 2019 г.)², и, кроме того, убеждена в актуальности формирования общего исторического мировоззрения. Относительно злободневности последней

¹ После пандемии РПЦ угрожает двойной кризис // ASC. 03.06.2020. Режим доступа: <https://strategycom.info/2020/06/03/posle-pandemii-rpcz-ugrozaet-dvojnjoj-krizis/> (дата обращения: 09.08.2020).

² Православная вера и таинство крещения // ВЦИОМ. 14.08.2019. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 09.08.2020).

задачи С. Н. Гавров в исследовании, посвященном проблемам создания единого учебника российской истории, не случайно замечает: «... мы живем в России, в стране, сочетающей в себе несочетаемое. Красные звезды и имперские орлы, Сталина и либерализм, попытку синтеза досоветского и советского патриотизма» [4].

Во-вторых, религия и история как сегменты общественного сознания содержательно и стилистически очень близки друг другу. Общность религии и исторических нарративов проявляется в том, что священные религиозные смыслы раскрываются в контексте исторических повествований. В свою очередь исторические изложения нередко разворачиваются вокруг сакральных символов народа, государства. Стоит ли доказывать, что многие страницы Ветхого Завета суть не что иное, как рассказы о начале и перспективах человечества, истории еврейского народа, описания жизни пророков? Четыре Евангелия Нового Завета помимо прочего также можно рассматривать как историческое повествование о жизни, смерти и воскрешении Иисуса Христа, а Деяния святых апостолов – рассказ о том, как начинало распространяться по миру христианство. Именно ткань исторического описания делает религиозные смыслы понятными и близкими человеческому сердцу.

Так и историческое знание представляет собой не просто перечисление того, что было, оно трансформируется в народную память, аккумулируя в себе символы, обладающие сакральным характером с его положительными или отрицательными значениями, и благодаря этому консолидируя людей. Эти символы поучительны и нравоучительны, некоторые из них вызывают чувство гордости и воспринимаются как образец для подражания, а некоторые, напротив, предостерегают, требуют избегать схожих ситуаций: *Куликово поле, Ермак, Гагарин, но опричнина, гапоновщина, ГУЛАГ*.

Таким образом, религиозные сакральные смыслы наполняют историческую традицию идейным содержанием, а историческая традиция придает этому содержанию конкретное образное выражение и обеспечивает преемственность поколений. Между историческим знанием и религиозными смыслами существует рекурсивная связь, они взаимодополняют, взаимообогащают друг друга, и те, кто их не разделяет или активно отрицает, прекрасно понимают, что, когда наносится удар по религии, происходит ослабление исторической памяти, когда претерпевает деформацию историческое сознание, религия лишается своей силы.

Вероятно, осознание единства религиозных смыслов и исторического знания в свое время послужило фактором рождения понятия *гражданская религия*. Сегодня в отечественной литературе этому феномену посвящено немало работ³ [5–10]. Впервые это словосочетание использовал Ж. Ж. Руссо [11, с. 316], наполняя его содержанием такими

характеристиками, как признание существования Бога и загробной жизни, требование отказа от религиозной нетерпимости, награда за добро и наказание за зло. Но введение этого понятия в научный оборот и его экспликация были осуществлены Р. Н. Белла, который выделил такой феномен общественной жизни США, который, обладая некоторыми признаками религии, тем не менее не связан ни с одной конкретной конфессией. Р. Н. Белла «рассматривает понятие "гражданская религия" как форму религии или религиозное направление, объединяющее в себе существующие символы, смыслы, ритуалы, праздники и т. д., которые отражают как общественные, так и частные взгляды частных лиц, а также институтов, организаций, ассоциаций и т. д., вне зависимости от их конфессиональной принадлежности» [12, с. 163]. Иначе говоря, речь идет о секулярных ценностях, выраженных в религиозной форме. Как отмечает М. А. Хаймурзина: «заслугой гражданской религии стало облачение секулярных ценностей в религиозную форму с акцентом на важность и значимость национальных идей, пронизывающих национальную историю» [13, с. 57]. Действительно, Р. Н. Белла, анализируя иннаугурационные речи некоторых американских президентов (речь Дж. Ф. Кеннеди 20 января 1961 г.), содержание отдельных документов (Декларация независимости), смысла культовых сооружений (Арлингтонское национальное кладбище, могила Неизвестного солдата), праздников (День благодарения, День памяти, День независимости США), исторических личностей (А. Линкольн), обращает внимание на явное использование в контексте их употребления имени Бога либо на имплицитную отсылку к нему. Причем не христианского, не еврейского, не мусульманского Бога, а просто Бога, *Бога вообще*. Эта фигура речи выражает убеждение, что люди, составляющие население США, могут различаться в плане своей конфессиональной принадлежности, но все они связаны с абсолютным трансцендентным планом бытия, придающим смысл их истории и обеспечивающим консолидацию для достижения высших и этически оправданных свершений. Это святыни, которые, во-первых, имея надконфессиональный характер, объединяют представителей самых разных вероисповеданий, а во-вторых, выступают инструментами легитимации государственной власти.

Данный вариант гражданской религии не является единственным. Существуют формы антиклерикальной гражданской религии, например во Франции. Как говорит Д. А. Узланер, «французское и американское общество дают нам два конкретных примера того, как одна и та же идея может иметь совершенно разные воплощения в зависимости от контекста. Если же посмотреть на опыт светскости во всем мире, то тогда число подобных вариантов может умножаться» [14, с. 21]. Но наличие такого опыта в США именно в религиозной форме позволяет задаться вопросами: Это религия или квазирелигия? Имеются ли достаточные

³ Легойда В. Р. Гражданская религия: pro et contra // Religare. 24.01.2003. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_1555.html (дата обращения: 17.09.2020); Лункин Р. Н. Гражданская религия в России: основные стереотипы в свете социологических исследований // Религиозная жизнь. 22.05.2017. Режим доступа: <https://religious.life/2015/05/grazhdanskaya-religiya-v-rossii/> (дата обращения: 17.09.2020).

основания этот вариант гражданской религии рассматривать как недорелигию, псевдорелигию, как свидетельство вырождающегося религиозного чувства? Ответы могут быть весьма разнообразными. Есть мнение, что это проявления угасающей веры: кто-то говорит о ней как о компромиссном варианте между свободой совести и запретом на поддержку государством какой-то одной религии, кто-то как о выражении национальной идеи [15]. Цели нашего исследования требуют спроецировать многообразие этих мнений на процессы духовной жизни России. Это необходимо для того, чтобы понять, есть ли основания утверждать, что феномен гражданской религии характерен и для нас? Каковы ее отличительные особенности?

Если рассматривать дореволюционную историю нашей страны, то ответ на вопрос о наличии гражданской религии в России, вероятно, будет отрицательным, поскольку все государственные символы, в том числе и официальные праздники, носили сугубо православный характер. Рождение того, что в какой-то степени имело отношение к гражданской религии, можно отнести только к советскому периоду истории. Тогда традиционные религиозные смыслы в результате агрессивной секулярной политики были вытеснены на обочину общественной жизни. Вместо них священным статусом были наделены символы революции, гражданской войны, коллективизации и индустриализации, Красной Армии, Великой Отечественной войны, освоения космоса и пр. Их сакрализация была ответом на сохраняющуюся потребность в консолидации общества, представленного и членами разных конфессий, агностиками и атеистами. Культ этих символов, очевидно, нес на себе черты религиозных мистерий, т. е. все религии аккумулируют в себе идею священного. Согласно П. Бергеру, «религию можно было бы определить еще проще, как человеческое отношение к священному» [16, с. 128], а идея священного, без сомнения, была одной из важнейших характеристик советской идеологии. Поэтому последнюю вполне можно рассматривать как вариант религиозного мировоззрения, как форму гражданской религии.

Вот только разные религии локализируют священное по-разному. По А. С. Худяеву, если примитивные мировоззрения размещают его в пространстве (топографическом, географическом, космологическом), то «на уровне элитарного теологического дискурса абсолютно значимый священный центр исключается из пространственных отношений» [17, с. 74]. В качестве примера примитивной религии можно назвать культ карго, приверженцы которого, жители островов Меланезии, создали культ, в котором самолеты, доставляющие продукты питания, вещи и технику, превращаются в объекты почитания. Мы осознаем, что «применение строгих и однозначных критериев к различным явлениям культуры неминуемо обернется тем, что очень многие из них, в чем-то похожие на религию, но в чем-то не дотягивающие до этих критериев, будут отсеяны. Наверняка найдутся такие люди, которые, руководствуясь этим критерием, не устоят перед соблазном разделить все религии на истинные и ложные» [18, с. 170]. Но нельзя

полностью согласиться и с тем, что по глубине догматики, сложности культа и совершенству организационных основ все религии занимают одну планку. Мы согласны с Х. Коксом, который убежден: «все, что хоть отчасти функционирует в качестве божества, не будучи Богом, есть идол» [19, с. 192].

Другими словами, в развитых религиях все, что наделяется статусом священного, представляет собой эманацию трансцендентного Абсолюта. В менее развитых религиях эта трансцендентность священного, если и существует, то в глубокой имплицитной, потенциальной форме. Следовательно, проявления гражданской религии в России в советский период соответствовали архаическим формам культуры, т. е. статусом исключительной социальной значимости назывались конкретные с точки зрения пространства и времени события и люди.

Чтобы проиллюстрировать это, мы позволим себе обращение к феномену Великой Отечественной войны. Процесс переосмысления символики советской истории лишил ореола многие прежние святыни, но он почти не затронул историческую память о Великой Отечественной войне; события, с нею связанные, продолжают вызывать благоговейные чувства у подавляющего большинства россиян. Однако легко заметить, что и они в традиционной трактовке имеют локативную привязку, т. е. четко локализируются в пространстве и времени, что указывает, как было сказано выше, на архаичную форму этих явлений гражданской религии. Поэтому, например, полководческие успехи Г. К. Жукова можно трактовать сугубо как факт происходивших в середине XX в. событий, развернувшихся на значительных, но вместе с тем ограниченных территориях, что рождает понимание: резонанс этих событий за пределами конкретного периода отечественной истории постепенно будет уменьшаться и в перспективе исчезнет. Такова судьба всего, что происходит в мире дольном. Чтобы возвысить сакральный смысл исторических символов, необходимо обеспечить их связь с трансцендентным планом бытия, связью, способной перевести то, что однажды состоялось в человеческой истории и обрело статус сакрального в перспективе вечности. Хотя дело даже не в том, вспомнят или нет наши потомки знаковые для нас события через 500 или 1000 лет, а в том, что мы сами рассматриваем их изначально только как ограниченные поюсторонними масштабами или они представляют для нас выражение трансцендентных измерений бытия. Очевидно, что субъекты гражданской религии желают чтить те сакральные символы, которые получили это качество не только потому, что обеспечивают единство людей друг с другом, но прежде всего потому, что они являются выражением единства с Абсолютом, с высшим смыслом бытия, проще говоря – с Богом. И, конечно, почитание этих святынь – не результат рациональной активности. По мнению А. И. Шафоростова, «сверхрациональное, творческое по своей природе стремление достичь недостижимое во многом определяется именно верой. Здесь проявляется трансцендентность веры: она направлена на цель, которая за пределами по отношению к данным условиям жизни

человека, но при этом отчетливо ощущается связь запретной цели и жизни личности» [20, с. 223].

Как же в этой связи происходит трансформация гражданской религии в современной России? С целью преодоления данной ограниченности прежних идеологем гражданской религии в современной России было предложено довольно эффективное, но отнюдь не бесспорное решение. Для того чтобы внести в консолидирующие сакрально-исторические феномены элемент трансценденции, соединяющий массовое сознание с Абсолютом, были инициированы поправки в Конституцию РФ⁴, в частности в виде дополнения ст. 67.1, предполагающей упоминание Бога, причем, что для нас особенно важно, в определенном историческом контексте.

Статья сформулирована следующим образом: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»⁵. Как мы видим, здесь путем обращения к имени Бога история целой страны и ее отдельная страница в виде Великой Отечественной войны приобретают не только сакральный, но и сакрально-надмирный характер. Не менее примечательно и то, что содержание этой статьи апеллирует к исторической преемственности и исторической памяти народа в контексте «тысячелетней истории». Гарантом сохранения этой традиции объявляются идеалы, те самые скрепы, которые обусловлены верой в Бога. При желании в контексте приведенной формулировки можно увидеть даже то, что логика исторических событий в нашей стране, смысл их последовательности в целом выражает замысел Бога. Важно подчеркнуть, что эту поправку дополняет еще одна статья, которая должна служить законодательным барьером на пути посягательств на ценности традиции, в том числе на сакральный характер победы в Великой Отечественной войне: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»⁶.

Подобного рода новация, допускающая использование имени Бога в Конституции, всеобщего одобрения естественно вызвать не могла, и это в контексте секулярных тенденций ожидаемо. Ведь не случайно Ю. Хабермас замечает: «секулярные языки, которые просто элиминируют то, что когда-то имело смысл, вызывают недоумение. Как грех, превратившийся просто в вину, утрачивает что-то важное и отступничество от божественных заповедей, обернувшееся преступлением против человеческих

законов» [21, с. 64]. Против нее по разным основаниям высказались представители светского общества, конфессионально определившиеся миряне, да и некоторые служители церкви. Основы их критики различны, но наиболее громко звучат голоса тех, кто считает, что это нарушение светского характера нашего государства. Но ведь данный упрек игнорирует, что новации к основному закону страны не содержат указаний на привилегированное положение какой-то одной религии и, следовательно, не противоречат ни одному из требований светского общества. Тем не менее упоминание Бога в основополагающем документе страны для агностиков и атеистов остается неприемлемым.

Можно, конечно, возразить, что радикальные попытки очистить культуру от религии бесполезны, т. к. природа культуры явно или имплицитно носит религиозный характер. Целесообразно, наконец, обратить внимание оппонентов на то, что они сами, воспроизводя некоторые ритуалы, нередко поступают как люди верующие. Трудно возразить Ф. Арьесу, который выводит традиции погребения из некоего ощущения: «под пеплом таится еще огонь жизни, сохраняющаяся и под землей неясная чувствительность к тому, что происходит в мире живых, делает кладбище местом обязательного физического присутствия людей, местом, где вспоминают, собираются, плачут, молятся» [22, с. 427]. Эту тему продолжает В. А. Прихотько: «то, что часть населения РФ выбирает традиционные похороны неосознанно, свидетельствует о вере в бессмертие души и (или) в воскресение из мертвых, будущую жизнь» [23, с. 90]. Но эта аргументация в споре с атеистами наверняка не поможет. Они продолжают настойчиво доказывать, что включение понятия Бога в конституцию их права ущемляет.

Сторонники же этой законодательной инициативы, ссылаясь на правотворческий опыт других стран, на содержание их конституций или других законодательных актов, указывают, что эти нормы традиционно включают понятие Бога. Если говорить о странах христианской культуры, среди них помимо США мы видим Германию, Ирландию, Грецию, Швейцарию, Канаду, Аргентину и пр. В этих светских государствах такая формулировка не является препятствием к сохранению статуса светского государства. Можно предположить, что она не будет препятствием и у нас⁷.

Заключение

Историческая память и религиозная вера в своей совокупности образуют основу отечественной культуры, традицию национально-культурной идентичности – то, что в некоторых случаях принято называть гражданской религией. Намерение прервать эту традицию порождает спонтанные

⁴ Голосование по ним прошло в период с 25 июня по 1 июля 2020 г.

⁵ Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 67.1 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Там же.

⁷ Исследование ВЦИОМ, проведенное в июле 2020 г. показало, что среди общественных институтов РПЦ занимает второе место по индексу одобрения после Российской армии. См.: Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 09.08.2020).

на первый взгляд, но по существу согласованные усилия их подменить. Чтобы им противостоять, носители этой традиции стремятся повысить статус сакральности символов гражданской религии путем введения в их содержание трансцендентного измерения. В частности это достигается

корректировкой основного закона страны посредством соединения знаковых исторических событий с идеей Бога вне конфессиональной привязки. Это выступает дополнительным фактором сохранения традиции и противодействия покушениям на ее преемственность.

Литература

1. Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Особенности религиозной коммуникации в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-2. С. 198–202.
2. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 343 с.
3. Якимова Е. Г. К вопросу об эволюции метафизики эсхатологии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2011. № 8. С. 272–282.
4. Гавров С. Н. Каким быть учебнику истории // Нева. 2013. № 10. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/neva/2013/10/kakim-byt-uchebniku-istorii.html> (дата обращения: 17.09.2020).
5. Бачинин В. А. Христианская мысль: социология, политология, культурология. СПб.: Новое и старое, 2004. Т. 1. 176 с.
6. Воротун К. (С. Н.) Православная гражданская религия // Русский журнал. 2015. № 6. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaia-povestka/Pravoslavnaia-grazhdanskaya-religiya> (дата обращения: 17.09.2020).
7. Гофман А. Б. Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / под ред. А. Б. Гофмана. М.: НИУ ВШЭ, 2003. С. 84–107.
8. Задорожнюк И. Е. Гражданская религия и патриотическое воспитание в системе образования США // Высшее образование в России. 2007. № 9. С. 150–155.
9. Батомункуев С. Д. Национальная идентичность и феномен гражданской религии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 5. С. 79–88. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-79-88
10. Смирнов М. Ю. Гражданская религия как модель и как реальность // Классификация религий и типология религиозных организаций: сб. тр. науч.-практ. конф. (Москва, 20 марта 2008 г.) М., 2008. С. 119–124.
11. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1998. 414 с.
12. Веселова С. Б., Егоров В. А. Гражданская религия в Америке. Роберт Н. Белла // Вестник РХГА. 2014. Т. 15. № 3. С. 162–182.
13. Хаймурзина М. А. Гражданская религия: феномен США и перспективы КНР // Религиоведение. 2019. № 4. С. 55–64. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.4.55-64
14. Узланер Д. А. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 1. С. 11–58.
15. Егоров В. А. Тема гражданской религии в современном российском религиоведении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 4. С. 185–193.
16. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 123–136.
17. Худяев А. С. Священное и аспекты его локализации // Религиоведение. 2019. № 3. С. 69–79. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.69-79
18. Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Культ карго в контексте критики Э. Эвансом-Притчардом классических религиоведческих подходов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1-1. С. 169–174.
19. Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теол. аспекте / пер. с англ. О. Боровой, К. Гуровского; под общ. ред. О. Боровой. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. 261 с.
20. Шафоростов А. И. Вера как условие самоидентификации. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2007. 247 с.
21. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Весь Мир, 2002. 143 с.
22. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В. К. Ронина; общ. ред. С. В. Оболенской. М.: Прогресс. Прогресс-Академия, 1992, 526 с.
23. Прихотько В. А. Самоидентификация личности православного христианина в контексте традиций и социокультурных трансформаций погребально-поминальной обрядности // Религиоведение. 2020. № 1. С. 83–93. DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.83-93

Synergy between History and Religion in the Transformation of the Civil Religion of Modern Russia

Oleg F. Gavrilov^{a, @}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@gof57@yandex.ru

Received 19.10.2020. Accepted 03.11.2020.

Abstract: Orthodox Christianity is the most widespread religion in Russia. Recently, there have been a lot of seemingly independent attempts to defame it, thus deforming the traditional matrix of historical memory. This well-coordinated campaign is based on the fact that historical identification and religion shape the foundations of cultural tradition and, in their inextricable unity, can develop the content of civil religion under certain circumstances. Civil religion gives sacred meanings to historical symbols, regardless of the religious affiliation of individual citizens. Therefore, it ensures social solidarity and awareness of the direction of various social processes. Civil religion originated in the Soviet period; today, it is undergoing some serious transformations. In its early days, it cultivated the sacral meanings of history limited by space and time, which is typical of undeveloped religions. Nowadays, these sacral meanings are gradually becoming more transcendental. For instance, historical events now correlate with the concept of God, and this dependence has been fixed in the basic law of the country. As a result, the former archaic nature of civil religion has acquired the status of a developed religion, capable of consolidating society with an appeal to the Absolute. These changes are often evaluated as violating the principles of secular society. However, their opponents ignore the intrinsically religious nature of culture. This legal innovation does not give preference to any particular confession. Foreign experience proves that many developed states with an official state religion manage to maintain their secular character. The research objective was to define common traits behind the seemingly independent attempts at discrediting Orthodox Christianity and develop some countermeasures.

Key words: culture, tradition, symbols, sacred localization, transcendent, Constitution, God

For citation: Gavrilov O. F. Synergy between History and Religion in the Transformation of the Civil Religion of Modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 227–234. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-227-234>

References

- Gavrilov O. F., Gavrilov E. O. Features of religious communication in modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-2): 198–202. (In Russ.)
- Giddens A. *The consequences of modernity*, trs. Olkhovikov G. K., Kibalchich D. A. Moscow: Praksis, 2011, 343. (In Russ.)
- Yakimova Y. G. On the evolution of eschatological metaphysics. *Scientific statements BSU. "Philosophy. Sociology. Law"*, 2011, (8): 272–282. (In Russ.)
- Gavrov S. N. What a history textbook should be like. *Neva*, 2013, (10). Available at: <https://magazines.gorky.media/neva/2013/10/kakim-byt-uchebniku-istorii.html> (accessed 17.09.2020). (In Russ.)
- Bachinin V. A. *Christian thought: sociology, political science, cultural studies*. St. Petersburg: Novoe i staroe, 2004, vol. 1, 176. (In Russ.)
- Govorun K. (S. N.) Orthodox civic relic. *Russkii zhurnal*, 2015, (6). Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pravoslavnaya-grazhdanskaya-religiya> (accessed 17.09.2020). (In Russ.)
- Gofman A. B. Sociology and civil religion in modern Russia. *Sociology and modern Russia*, ed. A. B. Gofman. Moscow: NIU VShE, 2003, 84–107. (In Russ.)
- Zadorozhnyuk I. E. Civil religion and patriotic education in US education system. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, (9): 150–155. (In Russ.)
- Batomunkuev S. D. National identity and the phenomenon of civil religion. *Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN*, 2018, (5): 79–88. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-79-88
- Smirnov M. Iu. Civil religion as a model and as a reality. *Classification of religions and typology of religious organizations: Proc. Sci.-Prac. Conf., Moscow, March 20, 2008*. Moscow, 2008, 119–124. (In Russ.)
- Rousseau J.-J. *Du contrat social ou principes du droit politique*. Moscow: KANON-pess-Ts, Kuchkovo pole, 1998, 414. (In Russ.)
- Veselova S. B., Egorov V. A. Robert Neelly Bellah. Civic religion in America. *Vestnik RKhGA*, 2014, 15(3): 162–182. (In Russ.)

13. Khaimurzina M. A. Civic religion: USA phenomenon and China's prospects. *Religiovedenie*, 2019, (4): 55–64. (In Russ.) DOI: 10.22250/2072-8662.2019.4.55-64
14. Uzlaner D. A. From secular modernity to "multiple": social theory about the relationship between religion and modernity. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2012, 30(1): 11–58. (In Russ.)
15. Egorov V. A. The topic of civil religion in modern Russian religious studies. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2015, 2(4): 185–193. (In Russ.)
16. Berger P. Religious experience and tradition. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2011, (1): 123–136. (In Russ.)
17. Khudyaev A. S. The sacred and aspects of its localization. *Religiovedenie*, 2019, (3): 69–79. (In Russ.) DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.69-79
18. Gavrilov O. F., Gavrilov E. O. Kargo cult in the context of E. Evans-Pritchard's criticism of classical theological approaches. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1-1): 169–174. (In Russ.)
19. Cox H. *The secular city: secularization and urbanization in theological perspective*, trs. Borovaia O., Gurovskii K., ed. Borovaia O. Moscow: Izd. firma "Vost. lit.", 1995, 261. (In Russ.)
20. Shaforostov A. I. *Faith as a condition of self-identification*. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. tekhnicheskogo un-ta, 2007, 247. (In Russ.)
21. Habermas Ju. *Die zukunft der menschlichen natur*, tr. Khorikov M. L. Moscow: Ves Mir, 2002, 143. (In Russ.)
22. Aries P. *L'homme devant la mort*, tr. Ronin V. K., ed. Obolenskaia S. V. Moscow: Progress. Progress-Akademiia, 1992, 526. (In Russ.)
23. Prikhotko V. A. Self-identification of an Orthodox Christian in the context of traditions and socio-cultural transformations of funeral and memorial rites. *Religiovedenie*, 2020, (1): 83–93. (In Russ.) DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.83-93

Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки*

Владимир И. Красиков^{a, @, ID}

^a Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Москва

@ KrasVladIv@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>

Поступила в редакцию 17.10.2020. Принята к печати 03.11.2020.

Аннотация: Научная актуальность исследования определяется отсутствием теоретического анализа новых форм неполитических радикальных идей в цифровом пространстве Рунета, чреватых потенциальным экстремизмом. Предметом выступают взгляды и деятельность гендерных радикальных интернет-сообществ. Цель – определение степени их социальной вредоносности. Методология исследования включала элементы эмпирического и теоретического анализа. На основе проработки современной теоретической литературы по нашей тематике разработан комплекс критериев для идентификации интернет-сообществ, которые можно отнести к группам ненависти. По составленному тезаурусу проведен интернет-поиск при помощи общей поисковой системы *Google* и специальной программы поиска в социальной сети ВКонтакте. Полученный массив эмпирической информации был упорядочен и концептуализирован, а выявленные группы ненависти (маскулисты и радфемки) сопоставлены по ранее выработанным критериям. Новизна заключается в критериальном и типологизирующем анализе ранее не исследованного системно фрагмента радикальной активности в Рунете. В итоге разработан категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ, установлены адресования интернет-распространения маскулистов и радфемок, сопоставлены их общие и отличные признаки, определена социальная вредоносность. Материалы исследования могут заинтересовать как ученых-обществоведов в области права, политологии, социологии, социальной философии, так и государственных управленцев, специалистов по проблемам безопасности.

Ключевые слова: группы ненависти, новые интернет-субкультуры, социальная вредоносность, радикальные идеи, противостояние полов, речевая агрессия

Для цитирования: Красиков В. И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 235–244. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>

Введение

Содержание российского сегмента Интернета неоднократно рассматривалось с лингвистической, культурологической, социологической, политологической, философской и других точек зрения. Особенно дотошно исследовались его радикальные фрагменты, потенциально опасные с позиции общественной безопасности. Причем здесь налицо неравномерное распределение приоритетов. Львиная доля усилий уделена анализу ярко выраженных политических форм радикализма политико-религиозного толка (прежде всего, квазиисламского экстремизма), политико-националистического характера (шовинизм, сепаратизм и пр.), протестных движений системной и несистемной оппозиции.

Между тем в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении и другими важнейшими аспектами человеческого существования, помимо политического, националистического или религиозного, к примеру, гендерным. Интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей роднят их с политическими формами радикализма. Отличает же – отсутствие

определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества и группы приобрели в последнее время большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Как уже отмечено, существует большое количество работ, посвященных отслеживанию распространенности политического, националистического и религиозного экстремизма и терроризма в интернет-сообществах, анализу их общих особенностей [1–16]. Большая их часть сосредоточена на повторяющихся аспектах: нарушение информационной безопасности, корыстные преступления, совершенствование правовых инструментов борьбы с ними, медиа- и лингвopsихологические особенности экстремистской политической пропаганды в Сети. Уже есть отдельные работы, описывающие в основном лингвистические, отчасти мировоззренческие, особенности гендерного радикального дискурса [17–21], однако отсутствуют аналитические исследования именно гендерных радикальных интернет-сообществ.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31650.

Цель исследования – анализ и сопоставление взглядов и деятельности гендерных радикальных интернет-сообществ, определение степени их социальной вредности. Реализация цели предполагает последовательное решение ряда задач. Сначала, полагаем, следует определиться с методологией исследования, включающей в себя выбор и обоснование ключевого концепта-критерия, с помощью которого можно очертить направления и границы поиска соответствующего эмпирического материала в Интернете. Это позволит получить большой массив информации, что станет стартом дальнейшего типологического анализа, задача которого – сопоставление гендерных групп по ряду общих мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров. Его следствием явится реализация еще одной задачи: определение степени социальной вредности выявленных радикальных гендерных групп и обсуждение возможных путей купирования их идеологии и деятельности.

Методы и материалы

Решение задач потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования. К числу первых можно отнести категориально-критериальный анализ (разработка основного и дополнительного критериев отбора материала, составление тезауруса), критический дискурс-анализ (исследование изменений дискурса, выводы о модальных коммуникативного поведения и преобладающих его темах – выявление паттернов активности групп), комплексно-процессуальный метод (исследование лингвистических особенностей субкультурных языков, их модификаций), метод сравнительно-психологического и типологического анализа. Методы эмпирического исследования, используемые здесь, – это сбор материала при помощи общих (*Google*) и специальных¹ поисковых программ, информационно-поискового тезауруса, анализ текстового материала и продуктов коммуникативной деятельности.

Определимся с базовым концептом исследования, являющимся критерием выявления гендерных интернет-сообществ радикального характера. Количество определенных понятия *ненависть* необъятно. Это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера: это «глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется (а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции, (б) чувствами удовольствия от неудач объекта»². Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Другие исследователи

либо указывают не все эти характеристики, важные в целокупности, а по отдельности³, либо включают в определение мало проявляющие метафоры (типа «крайний гнев, отвращение»⁴ и т. п.).

Понятие ненависти, впрочем, может быть использовано в каком-либо дискурсивном контексте (обыденном словоупотреблении, публицистике, этике, психологии, метафизике, литературе и пр.), равно как и являться аспектом личностных и групповых (в политике, экономике, религии и пр.) взаимоотношений. Ясно также, что на ненависти отчасти базируются и политически ориентированные группы традиционных форм экстремизма и терроризма, однако, как оказывается, ненависть имеет и вполне сильные неполитические мотивы, ориентиры.

Особенность нашего исследования состоит в поиске и анализе активности гендерных радикальных групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которому мы их выделяем, – ненависть как основообразующее начало, стержень и смысл их существования. На первом плане у них интенсивное желание поражения противника в правах и самоутверждение посредством этого.

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с использованием *Google* и специальных программ на базе социальных сетей (преимущественно *ВКонтакте*, отчасти *Одноклассники*, *Twitter*, *YouTube*). Группы ненависти, объединяющиеся на основе сильнейшей профильной эмоции против своих гендерных оппонентов, были выявлены по наличию в их названии слов-маркеров, соответствующих их лексике: *маскулизм*, *альфа*, *мужское движение* (*государство*, *путь*, *территория* и т. п.), *инцелы*, *феминизм*, *чайлдфри*, *женское движение* (*власть*, *революция* и т. п.), *сестринство* и др. В итоге были выявлены «кусты» подобных групп с особым указанием наиболее массовых из них, установлены особенности коммуникативной активности этих объединений.

Результаты

Отношения полов, как известно, амбивалентны. Части людей, особенно молодежи, нередко не удается найти удовлетворительные отношения с противоположным полом, и интернет-коммуникации создают невиданные ранее возможности для их объединения в особые сообщества с явно радикальными взглядами, которые часто могут переходить в соответствующее радикальное уже офлайн поведение.

С одной стороны, это интернет-сообщества, **выступающие в защиту мужчин**, против неравноправного

¹ Мониторинг соцсети *ВКонтакте*. Режим доступа: <https://vktoppost.ru/> (дата обращения: 16.10.2020).

² Ненависть (Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера) // Глубинная психология: учения и методики. Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/6-487-nenavist.htm> (дата обращения: 16.10.2020).

³ Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алёшичева А. В. Экстремальная психология: словарь терминов. М.: АГСПА, 2018. С. 84.

⁴ Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю. П. Зинченко. М.: ИД Куприянова / Общество психологов силовых структур, 2010. С. 166.

их положения в сравнении с женщинами и манипуляций со стороны последних. До интернет-формата они возникли в 60–70-х гг. XX в. на Западе в контексте реакции на победоносное шествие феминизма. С появлением Интернета они получили устойчивую прописку⁵, довольно быстро были воспроизведены и в Рунете. Судя по нашим данным, основная часть мужских сообществ радикальной направленности пребывает в социальной сети ВКонтакте, хотя надо иметь в виду, что, как правило, у каждого из них есть десятки двойников, а также филиалы в основных интернет-каналах (*Telegram, Facebook, YouTube, Twitter, Instagram*). Следует особо оговорить, что предметом нашего рассмотрения является только традиционалистская часть российских маскулистов (самая большая по численности среди других), которую и можно отнести к группам ненависти. Кроме них есть эгалитаристы и левые.

Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были *мужской, маскулист, альфа, патриархат, инцел* и др. Еще в апреле 2020 г. явным лидером среди них был паблик Мужское государство (160 тыс. подписчиков)⁶ во главе с медийно известным Владиславом Поздняковым, получившим условный срок за разжигание ненависти. Сообщество блокировано Роскомнадзором, однако, похоже, его участники мигрировали в другие открытые группы с теми же идеями. За несколько последних месяцев (апрель – август 2020 г.) они существенно приросли составом: 1337 const (рост со 113 тыс. до 126 тыс. подписчиков)⁷; «куст» объединений под лейблом Альфа (имеется в виду альфа-самец; рост с 45 до 70 тыс. подписчиков и 22 тыс. подписчиков соответственно)⁸; Тыжемужик. Не мужил – не служик (рост с 60 до 62 тыс. подписчиков)⁹; Мужское Движение (36 тыс. подписчиков в июле)¹⁰; Национал-патриархат (33 тыс. подписчиков в апреле, в июле заблокирован)¹¹; Консервативный Путь (22 тыс. подписчиков в июле)¹²; Противоядие / Мужское счастье (10,5 тыс. подписчиков)¹³; Канал белых патриархальных угнетателей (20 тыс. подписчиков в июле)¹⁴; YouTube-канал Руслан Галяев. Мужское движение (30 тыс. подписчиков в августе)¹⁵. Более мелкие по составу – Территория свободных мужчин, Эгалитарное мужское движение, Маскулист, Разумный Маскулизм и т. п. У многих из них есть свои структуры,

многочисленные региональные отделения. Их отношение к власти – оппозиционное, однако главный враг – реальный матриархат в стране.

Несколько комично выглядит ответвление мужского движения – инцелы (англ. *involuntarily celibate* – недобровольно воздерживающиеся от секса). Сегодня это комьюнити гетеросексуальных молодых мужчин, считающих, что в том, что у них нет секса, виноваты женщины и нужны чуть ли не административные меры для восстановления справедливости. В России, правда, оно не столь популярно: не в нашей традиции апеллировать к властям и общественности по поводу личных сексуальных неудач. В социальной сети ВКонтакте представлено 13 сообществ, насчитывающих от 21 до 1614 подписчиков. Наиболее отчаявшиеся назвали себя симптоматично – Злые инцелы¹⁶. Маскулисты относятся к инцелам снисходительно, как к мальчикам, у которых «не получается»: наставляют и успокаивают. Общий тон содержания их контента: проклятые феминистки, завышенные стандарты женщин в отношении мужчин, ущемляемые права мужчин (прежде всего, право отцовства) и их страдания.

С другой стороны, противостоят маскулистам, инцелам и другим «тыжемужикам» не менее решительные представители противоположного пола – **радикальные феминистки (радфемки)**. От вполне почтенных суфражисток и либеральных феминисток их отличают именно радикальные, если не сказать экстремистские, взгляды. Удивительно, что на подобный экстремизм как мужского, так и женского толка практически не обращают исследовательское внимание современные гуманитарии. Это как бы слепое пятно восприятия.

Медийная активность радикальных феминисток, вызывающая общественный резонанс и интерес молодежи, на порядок выше, чем у их оппонентов, и столь же, если не более, агрессивна: виртуальное появление в их группе в социальной сети пользователя с мужским ником (в данном случае исследователя) вызывает немедленный ответ модератора, матерно предлагающей убираться восвояси как можно скорее.

Они имеют интернет-сайт¹⁷, российский филиал международного, с большими информационными ресурсами и обширным сопровождающим тезаурусом ключевых

⁵ A Voice for Men. Режим доступа: <https://avoicemen.com/> (дата обращения: 16.10.2020).

⁶ Мужское государство // ВКонтакте. Режим доступа: <https://m.vk.com/patriarchat> (дата обращения: 16.10.2020).

⁷ 1337 const // ВКонтакте. Режим доступа: https://m.vk.com/godnota_txt (дата обращения: 16.10.2020).

⁸ Alpha. Настоящий мужчина // ВКонтакте. Режим доступа: <https://m.vk.com/truealfa> (дата обращения: 16.10.2020); ALPHA MEMES // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/mansmemes> (дата обращения: 16.10.2020).

⁹ Тыжемужик. Не мужил – не служик // ВКонтакте. Режим доступа: https://m.vk.com/kokoko_man_must (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁰ Мужское Движение // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/mensrights> (дата обращения: 16.10.2020).

¹¹ Национал-патриархат // ВКонтакте. Режим доступа: <https://m.vk.com/natiopat> (дата обращения: 16.10.2020).

¹² Консервативный Путь // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/mans_way2018 (дата обращения: 16.10.2020).

¹³ Противоядие / Мужское счастье // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/antidote_for_man (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁴ Канал белых патриархальных угнетателей // Telegram. Режим доступа: <https://t.me/tg1337const> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁵ Руслан Галяев. Мужское движение // YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/user/RuslanGalyaevMusic> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁶ Злые инцелы // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/public170112366> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁷ Womenation.org. Режим доступа: <http://womenation.org/> (дата обращения: 16.10.2020).

терминов-паттернов с соответствующими идеологическими разъяснениями (Путь Лисистраты – радикально-феминистский сайт¹⁸). Подобный академизм не ведет к ожидаемому рациональности и рассудительности. Ненавистью к «насилъникам» буквально пропитаны их интернет-страницы. Основной площадкой групп радикальных феминисток, как и остальных групп ненависти, все же является социальная сеть ВКонтакте, которая по своей организации в наибольшей степени предоставляет возможности свободного онлайн-общения и консолидации. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были *феминизм*, *чайлдфри*, *сестринство*, *женская* и др.

Наиболее крупная найденная нами группа глубоко разочарованных в браке женщин – #Щастьебытьженой (29 тыс. подписчиц)¹⁹. По запросу *чайлдфри* (жизнь без детей – это радость) выявлено 20 групп от 17 тыс. подписчиц²⁰, по слову *феминизм* – 29 пабликов от 4 тыс. подписчиц²¹. Есть также Telegram-канал Женская власть (31 тыс. подписчиц)²². Контент подобных групп сводим к ненависти, выраженной в крайне обесцененной лексике, к *мужлишкам*, *рептилоидам*, *плодьячкам* и распирающей гордости за свою уникальную идентичность.

Анализ контента сообществ маскулистов и радфемок позволил выявить необходимый материал для их паспортирования и последующего сопоставления – выявления общего и различного в социокультурных признаках, последующей рефлексии. Изначальное выявление этих групп проходило по критерию ненависти как системообразующему началу (смыслу объединения) и основному идентификационному отличию. Сравнение целесообразно начать с анализа различий в объектах ненависти (которые, напомним, всегда субъектны, это другие люди), целей и средств деятельности в их отношении.

Далее, имея дело со сформировавшимися в целом субкультурами, уместно применить для их анализа структурно-семиотический метод, исходящий из допущения о структурном сходстве языка и культуры, связи означаемого с означающим. Означающее – это чувственно воспринимаемое в субкультурах: сленг, символика, нормы поведения. Означаемое, представленное в означающем, – ментальные конструкции: концепты, идеи, мифологемы [22]. В реальном поиске мы выявляем вначале означающее, затем на основании анализа выявляем смыслы означаемого. Однако при представлении итогов поиска и анализа в теоретическом виде мы идем обратным путем: от смыслов к чувственной представленности. Думаем, это уместно для концептуальной целостности подачи материала воспринимающему: от сущности к явлению, а не наоборот.

Таким образом, после сравнения ключевых объектов ненависти мы сопоставим их ключевые ценности (смыслы), цели

(задачи), лингвистические особенности дискурса, символику, степень выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой, лидеров и культовых персонажей.

Хотя объединения, являющиеся предметом нашего анализа, и называются группами ненависти и это чувство является действительно профильным для них (табл. 1), все же есть и другие категории людей, с которыми эти группы каким-то образом выстраивают свои отношения (неприятнь меньшей интенсивности: презрение, недоверие, непонимание), а с некоторыми могут иметь и некие связи приятности. Ясно также, что мы стараемся описать именно эмоционально насыщенные (ненавистью, неприятностью или приятностью) отношения, так сказать, их задействованной смысловой «Вселенной». Многие категории людей находятся попросту вне этих отношений, в зоне равнодушия и индифферентности, равно как и для многих сами эти группы – из области неизвестного.

Как видно из сопоставления распределения внимания исследуемых групп, объекты их ненависти имеют конкретные социальные адреса и устойчивые идентификации. Причины ненависти ожидаемы и понятны. Это всегда фрустрации и обиды. Независимо от того, насколько они реальны, от кого они происходят и насколько они социально необходимы, они повсеместно присутствуют в нашей жизни.

Группы ненависти так и названы в силу того, что ненависть к конкретным социальным адресатам определяет сам смысл существования этих объединений, когда людям интересна именно сильная нелюбовь к какой-то категории, группе («дружим против того-то и того-то»). Подобный объединительный импульс предопределяет и общие ценности, и структуры соответствующей активности (табл. 2). Сюда органично примыкают источники рекрутирования в группы ненависти. Они далеко не случайны: сюда приходят и остаются вполне определенные люди.

Анализ-сопоставление ключевых ценностей исследуемых сообществ приводит к довольно неожиданному выводу: они разделяют эмансипационный порыв, но весьма специфического свойства. Это свобода от ряда обязательств, накладываемых обществом, некоторых традиций, перекраивание в свою пользу соотношения разрешений и запретов. Именно подобной новой свободой они и привлекательны для молодого поколения, являющегося их основным «электоратом». Они стремятся освободиться от тирании противоположного пола, а в действительности – установить свой новый контроль.

Ценности сообществ трансформируются во вполне ожидаемые цели, задачи и средства, иначе бы терялся сам смысл объединения людей в сообщества. И здесь очень важно разобраться в том, к чему реально стремятся эти группы и как это подается. Реальные цели довольно-таки очевидны

¹⁸ Путь Лисистраты. Режим доступа: <http://leonatus.ucoz.ru/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁹ #щастьебытьженой // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/prelesti_braka (дата обращения: 16.10.2020).

²⁰ Чайлдфри // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/public37299503> (дата обращения: 16.10.2020).

²¹ Proud of Being a Womyn // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/proud_of_being_a_womyn (дата обращения: 16.10.2020).

²² Женская власть // Telegram. Режим доступа: https://tgrm.su/channels/blogs/vlast_zh (дата обращения: 16.10.2020).

Табл. 1. Объекты ненависти гендерных сообществ

Tab. 1. Objects of hatred in gender communities

Группа	Объекты ненависти	Причины ненависти	Неприятные категории	Приятные категории
Маскулисты	феминистки и женщины, «пораженные высокомерием, потребительским и злобным отношением к мужчинам», ЛГБТ-сообщество	переоценка маскулинности, триумф феминизма, дискредитация образа мужчины и отца посредством СМИ, социальных стереотипов, культуры и искусства	«алени» или «баборабы» – мужчины, подчиняющиеся женщинам; политическая элита страны, насаждающая матриархат; леворадикалы, афроамериканцы	русские националисты («Русские марши»), правые движения, национал-радикалы
Радфемки	мужчины-сексисты, сообщества «в защиту мужчин», правые радикалы	физическое, психологическое и сексуальное насилие над женщинами, выученная беспомощность и виктимизация женщин	остальные мужчины, замужние женщины («детные»), воспринимаемые как привилегированные пособники патриархата	либеральный феминизм, левые интеллектуалы

Табл. 2. Ключевые ценности гендерных сообществ

Tab. 2. Key values of gender communities

Группа	Ключевые ценности	Контекст происхождения ценностей	Паттерны активности
Маскулисты	возвращение к патриархальному строю, национализм (запрет на межрасовые браки). В отношении с женщинами лучше не вступать, если вступать, то для того чтобы лишь «попользоваться», и тем более не жениться	молодые лица мужского пола ($\approx 14-30$ лет), переживающие сексуальные фрустрации, склонные к девиациям из-за трудной жизненной ситуации. Коммуникации с противоположным полом разрушены или носят фрагментарный характер	пропаганда идеалов движения, коллективные набеги в комментарии к постам феминисток в соцсетях, «проверки» на честность женщин в Рунете, сходки (офлайн) местных групп: игра в футбол, обучение стрельбе и дракам
Радфемки	ненависть к «патриархату» (системе мужского господства и насилия) и социальному Стокгольмскому синдрому женщин, сепарация и женская группальность, формирование особого классового (само) сознания женщин, неприятие секс-позитивности ²³	фрустрированные неудачами брака и отношений с мужчинами молодые женщины ($\approx 16-30$ лет), изверившиеся в противоположном поле; идейные женщины более старших возрастов	отказ от общения с мужчинами в радикально-феминистских группах. Сестринство – союзничество между женщинами. Упреждающее насилие (изучение боевых искусств)

и связаны все с тем же профилирующим чувством ненависти к определенным группам. Это всегда месть обидчикам (коварным женщинам либо мужчинам-сексистам) и их презрение. Все это, однако, непременно маскируется благовидными прикрытиями: «борьба с реальным матриархатом в стране», «политическая организация для разрушения системы половых классов: освобождение женщин». Вместе с тем надо отдавать себе отчет, что для известной настроенной идеалистически части людей это не благовидное прикрытие, а жизнеобразующие цели.

Неотъемлемым признаком любой новой субкультуры является создание словаря специфических понятий, которые востребованы для создания своей особой картины мира (тезаурус), представляющей в серии повторяющихся «классических» рассказов, типичных повествований (нарративов). В понятиях предстает значимое окружающее с определенного угла зрения, профильного для данной субкультуры, а нарративы сюжетно раскрывают понятия, складываясь, как паззлы, в некое характерное мировоззрение (табл. 4).

Для этих субкультур характерна ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение речевых средств. В тезаурусе преобладают оскорбительные характеристики, прежде всего, своих врагов (*принцездалки, фемло, мужло*). Нарративы созданы как для запечатления своей неординарности и монументальности, так и обуздания врага. Среди них почетное место занимают именно насильственное обуздание ненавистника: сексуальное хищничество, контроль над сексуальностью и шоковые техники.

Вполне естественно возникновение символического ряда, сопровождающего появление каждой новой субкультуры во всевозможной гамме ее самовыражения. Сюда включается и чистая символика, т. е. абстрактные стилизованные изображения или обозначения; повседневная атрибутика, или сопутствующие характерные одежда, обувь, стрижка, и атрибутика, специфичная именно для современной медийной (интернет-)культуры, – особое визуально-звуковое сопровождение.

²³ Радфем-парадигма // Womenation.org. Режим доступа: <http://womeration.org/radfem-paradigm/> (дата обращения: 16.10.2020).

Сопоставление символики исследуемых субкультур приводит к любопытным выводам. Бросаются в глаза явно общие черты этих субкультур: агрессивность (сжатые кулаки), близкие цвета и стили, обилие пафоса, тяготение к воинственности (милитари) и насилию в визуальных образах.

Степень выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой весьма важна при анализе степени развитости субкультуры, которая оформляется рано или поздно при достаточно длительном существовании групп, объединенных единым профильным интересом,

Табл. 3. Цели гендерных сообществ

Tab. 3. Goals of gender communities

Группа	Цель	Задачи	Средства достижения
Маскулисты	отношения с женщиной без обязательств, на своих условиях. Создание систем по контролю женщины	борьба за женскую нравственность, против женской продажной любви и женских измен	распространение идей в Рунете (просвещение), интернет-активность в противостоянии неприязненным группам. На повестке дня вступление в политику: борьба против «ажеизнасилований», алиментной системы, создание политической партии
Радфемки	дискредитация, выражение всяческого презрения мужчинам-сексистам	предельно возможная автономизация от мужчин, борьба против порнографии и секс-индустрии, контроль над своей репродуктивной функцией и собственным телом	обличение андроцентризма в экономической, общественной и символической системах, деконструкция патриархального языка, создание женских сепарированных пространств (группы роста самосознания, пересоциализация), целибат (не замужество), политический активизм, контркультурная революция

Табл. 4. Лингвистические особенности дискурса

Tab. 4. Linguistic features of discourse

Группа	Особенность	Тезаурус	Основные нарративы
Маскулисты	стремление к демонстрации «крутизны» (брутальность, насилие) и показательной рассудочности, широкое использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	<i>real man</i> , маносфера, альфа-мужчины, камрады, ОЖП (особы женского пола), СДС (с**и – дуры – стервы), РСП (разведенка с прицепом), Наташки, Ваньки, баборабы, фемло, петушня, гиноцентризм, принцеждалки	Господство вагины и ЛГБТ. Горестная жизнь подкаблучников («аленей»). Загнивание Запада, падение мультикультурализма. Возрождение русского духа. Расистские сюжеты об ущербности небелых рас. Проектирование «идеальной женщины»: честна, услужлива, порядочна, покорна и верна. Сексуальный хищник, получает секс от кого хочет
Радфемки	чрезмерная эмоциональная возбудимость, скандальность и вербальная активность, показательное и избыточное использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	мужло, чайлдфри, неопатриархат, научение беспомощности, менсплейнинг, сестринство, внутренняя мизогиния, пересоциализация, мизандрия, патриархальная андроцентричная Рашка	Борьба с мужчинами как половым классом. Создание групп роста самосознания. Разоблачение культуры изнасилования и сутенерского лобби. Контроль над внешностью, сексуальностью и репродуктивностью. Любовь – инструмент подчинения женщин

Табл. 5. Символика гендерных сообществ

Tab. 5. Symbols of gender communities

Группа	Символ	Атрибутика	Популярные визуальные образы	Музыка
Маскулисты	сжатый кулак, заключенный в щит, копые Марса (♂)	пурпурный цвет, стиль милитари: короткие стрижки, соответствующие одежда и обувь	«Матрица», красная таблетка, полуголые культуристы и киномацо, внедорожники, неприглядность сексуальных меньшинств, гримасы леволиберальной политкорректности, воинственности и мужественности	металл, рэп, индастриал, но обязательно в стиле мужественности, воинственности и пафоса
Радфемки	сжатый кулак, заключенный в зеркало Венеры	лиловый, мода на мужские вещи, свободные объемы, херитедж и стрит-фэшн, на стиль Фиби Файло и Стеллы Маккартни	горестная история многовекового угнетения женщин, постепенное пробуждение женского самосознания, всеобъемлющие иезуитские системы контроля над женщинами со стороны неопатриархата, сепарация и новые формы жизни женщин: контроль над собственным телом (самооборона) и сознанием	тексты песен с соответствующим содержанием (свободная женщина) от поп-музыки до «панк рок феминизма»

в особенности если он достаточно акцентирован, как в случае с нашими группами. Анализ этой характеристики показывает, насколько далеко зашел процесс самоотделения и самоотличения: как от бэкграунда самого общего плана (корневых традиций отечественной культуры), так и от современного культурного контекста. Оформление собственных традиций и проведение акций показывает, насколько далеко группы продвинулись на пути «субкультурного строительства» в складывании уже своих характерных культурных форм.

С точки зрения отношения к общезначимым традициям маскулистами приветствуется «естественное» разделение функций, жизненных стилей мужчин и женщин, женское целомудрие. Представители течения отмечают, что сегодня в обществе установился матриархат: активно навязывается демонизация мужчин и идеализация женщин. Среди громких акций можно назвать преследование россиянок, вступавших в личные отношения с иностранцами на Чемпионате мира по футболу летом 2018 г.

Сторонники радикального феминизма отвергают т. н. общепринятые традиционные ценности как патриархальные и дискриминирующие женщин, признают лишь свои традиции, начиная с эпохи Просвещения: либеральный, марксистский, социалистический феминизм, суфражизм, квир-феминизм, политическое лесбийство. Критически относятся даже к либеральным ценностям (свобода, выбор) как дезориентирующим аутентичные женские группы и прикрывающим культуру изнасилования и сутенерское лобби. Себя позиционируют как идейного преемника американ-

ского радикального феминизма 60–70-х гг. XX в. Наиболее обсуждаемыми являются такие события, как учреждение интернет-премии «Сексист года», несанкционированные уличные акции протеста (*Accion positive*, КД-16), «панк-молебен» *Pussy Riot*²⁴, «дело Слуцкого»²⁵, лоббирование «закона о профилактике домашнего насилия».

Как можно видеть из сопоставления отношения групп к традициям и общезначимой ценностной сфере, а также их притязаний на собственное культурное оформление, они имеют достаточно выраженный контркультурный характер.

Завершающая рубрикация позволяет в некоторой степени персонализировать в общем то абстрактные для привычного чувственно-личностного восприятия, пребывающие в электронном пространстве и в мерцании мониторов компьютеров «сущности» данных рунет-сообществ. Естественно, следует отдавать себе отчет в условности приписывания качеств «лидерства» и «культовости» тем или иным личностям – для многих участников групп они могут и не быть вполне таковыми. Однако в целом на основе массивов информации об этих группах можно выставить их в качестве достаточно характерных ориентиров.

Итак, по итогам проведенного исследования получены следующие результаты:

1. На основе анализа контента социальных сетей и интернет-аккаунтов при помощи разработанного тезауруса выявлены интернет-сообщества с характерной риторикой ненависти: маскулисты (традиционалисты) и радфемки (радикальные феминистки).

Табл. 6. Персонализация: лидеры и культовые персонажи

Tab. 6. Personalization: leaders and cult characters

Группа	Лидеры	Культовые персонажи	Персонализированные враги
Маскулисты	Владислав Поздняков ²⁶ , Олег Новоселов ²⁷ , Александр Бирюков ²⁸	Дональд Трамп, инцелы Эллиот Роджер и Алек Минассиан ²⁹	лидеры отечественных феминисток
Радфемки	Ольгерта Харитоновна ³⁰ , Александра Митрошина и Ника Водвуд (2,8 млн и 158 тыс. подписчиков в Instagram)	Валери Соланас ³¹ , Андреа Дворкин, Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Эдриенн Рич, Моника Виттиг	лидеры отечественных маскулистов, Дональд Трамп, ультраправые публицисты Роджер Делвин, Эндрю Энглин, Грег Джонсон, Лана Локтев ³² , секс-турист Дарьюш Вализаде, больше известный как Roosh V. Руш

²⁴ Политкорректный перевод – «Бунт Вагин». В феврале 2012 г. несколько девиц выпяльсывали в православных храмах, сделали ролик и выложили на *YouTube*.

²⁵ В 2018 г. группа либеральных журналисток обвинила председателя комитета Думы по международным делам Леонида Слуцкого в сексуальных домогательствах.

²⁶ Создатель крупнейшего сообщества Мужское государство в ВКонтакте (свыше 150 тыс. подписчиков, запрещено Роскомнадзором), в декабре 2018 г. приговорен к двум годам лишения свободы условно по ст. 282 УК РФ за возбуждение ненависти к женщинам.

²⁷ Автор резонансных книг «Прикладная этология человека», «Женщина. Учебник для мужчин» и др.

²⁸ Создатель паблика Мужское просвещение (около 20 тыс. подписчиков), автор десятка книг, блогер.

²⁹ Первый в 2014 г. убил 6 человек. Перед самоубийством выложил на *YouTube* рассказ о своих взглядах: о ненависти к женщинам за то, что к 22 годам остался девственником и даже ни разу не целовался. Вторым вдохновлялся его примером, наехал на минивэне на пешеходов – 9 человек погибли и 14 были ранены; жертвы – преимущественно женщины.

³⁰ Писательница, автор многих книг, в том числе «Манифеста Феминистского движения России».

³¹ Авторка «SCUM Manifesto», стреляла в Энди Уорхола (1968).

³² Женщины в роли врага: пересечение ультраправой идеологии и антиженского насилия. Отчет Анти-Диффамационной Лиги. США, 2018. 5 с.

2. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации подобных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети ВКонтакте.

3. Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для последующего сопоставительного анализа.

Заключение

Подтверждена исходная гипотеза о том, что имеется ряд сходных интернет-объединений, отличных от других объединений вызывающе опасным для социума признаком. Это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию обидчиков. Неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения с конкретными женщинами и мужчинами становятся вмененной атрибутикой всей противопоставляемой категории, а именно «плохих» (практически всех) женщин и мужчин. Так формируются и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Другой признак – это попытка перекрыть традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою новую свободу. Радикальные гендерные группы стремятся освободиться от тирании противоположного пола, а в действительности – установить свой новый контроль.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни для презентации, другие для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального

единения. Подобная бухгалтерия нужна для нормализации своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Общей является и ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характеристик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания врага. Другие явно общие черты в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах. Отличия – в степени развитости символики, зависимой от степени присутствия групп офлайн.

Наконец, на основе сопоставления можно умозаключить, что они определено уже стали субкультурами, имеют устойчивую демографическую базу своего воспроизводства: молодых мужчин и женщин, часть которых неизбежно получают свой фрустрационный опыт в общении с противоположным полом. А поскольку поколения постоянно обновляются (на подходе всегда все новые и новые), их база постоянна, что обеспечивает устойчивость воспроизводства. Следует ожидать интенсификацию процессов их субкультурного строительства. Полагаем, что их следует признать социально-вредоносными группами, уже причиняющими серьезный социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей. Необходимо разработать мировоззренческо-идеологические превентивные меры просвещенческого характера и ограничивающие их интернет- и офлайн-активность правовые регламентации.

Литература

1. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. 2019. Т. 27. № 3. С. 572–587. DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587
2. Никитина Т. А., Терентьева И. А. Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3. С. 100–106. DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-100-106
3. Бутенко А. С. Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2. С. 57–61.
4. Пашенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 2. С. 12–24. DOI: 10.23683/2658-5820.2018.2.1
5. Буткевич С. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. С. 17–22.
6. Нерубенко А. С., Елисеева Е. С. Экстремизм как социально-правовое явление: распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 41–44.
7. Болдырев Е. В., Гонтаренко Н. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях: анализ основных трендов и мер противодействия // Обзор. НЦПТИ. 2020. № 2. С. 37–46.
8. Мuryкина Е. В. Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 198–212.
9. Рудик М. В., Волков Д. В. Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2. С. 32–35.
10. Ключко Е. И. Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических интернет-сообществ // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 2. С. 69–73. DOI: 10.14529/ssh160211
11. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 158–164.

12. Быкадорова А. С., Чурилов С. А., Шаповалова Е. В. Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 181–184.
13. Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 127–133.
14. Антонова Ю. А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 71–80.
15. Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 71–80.
16. Кузьмин А. Г. «Правый» Интернет в России: специфика развития и проблемы противодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4. № 3. С. 75–96.
17. Клименко Н. С. «Чайлдфри» и «яжемать» как биполярные категории современной фемининности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 40. С. 59–62.
18. Солошенко П. В. Феминизм на YouTube // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 6. С. 231–237.
19. Жайворонок Д. В. Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс // Социология власти. 2018. Т. 30. № 1. С. 33–59.
20. Пятилетова Л. В. Гендерная идентичность против социального хаоса: российский антифеминизм как массовый женский проект // Концепт. 2017. № 8. С. 96–103. DOI: 10.24422/MCITO.2017.8.6968
21. Якоба И. А. Гендер в интернет-коммуникации: динамика развития // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 1. С. 303–309.
22. Малахова Е. В. Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 1. С. 129–132.

original article

Gender Hatred in RuNet: Masculists and Radical Feminists*

Vladimir I. Krasikov^{a, @, ID}

^a All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Moscow

@ KrasVladIv@gmail.com

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>

Received 17.10.2020. Accepted 03.11.2020.

Abstract: Numerous non-political radical ideas that appeared in the digital space of the RuNet require a thorough theoretical analysis as potentially extremist. The present research featured views and activities of radical gender Internet communities. The research objective was to assess their potential threat to society. The study was based on both empirical and theoretical analyses. The author developed a set of criteria that made it possible to refer some Internet communities to "hate groups." He used a specially compiled thesaurus in search engines and social media search programs. The empirical information was structured and conceptualized. The novelty of the research lies in the criterial and typologizing analysis of a previously unexplored fragment of radical activity on the RuNet. The article introduces a set of categories and criteria for identifying radical non-political Internet communities. The author established the addresses of the Internet distribution of masculists and radical feminists, compared them, and assessed their potential threat to society. The results may be of interest to social scientists and government officials, as well as to specialists in security issues.

Key words: hate groups, new Internet subcultures, social threat, radical ideas, gender opposition, speech aggression

For citation: Krasikov V. I. Gender Hatred in RuNet: Masculists and Radical Feminists. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 235–244. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>

References

1. Bareev M. Yu., Kachurina I. O. YouTube as a factor in shaping the protest potential of young people. *Regionologiya*, 2019, 27(3): 572–587. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587
2. Nikitina T. A., Terentyeva I. A. Countering the spread of extremist ideology in the information space. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia*, 2019, 19(3): 100–106. (In Russ.) DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-100-106

* Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31650.

3. Butenko A. S. Extremism on the Internet: the concept and the essence. *Yurist-Pravoved*, 2019, (2): 57–61. (In Russ.)
4. Pashchenko I. V. The ideology of terrorist communities on the Internet: the dissemination technologies and the specificity of countering. *Caucasian Science Bridge*, 2018, 1(2): 12–24. (In Russ.) DOI: 10.23683/2658-5820.2018.2.1
5. Butkevich S. A. Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, (1): 17–22. (In Russ.)
6. Nerubenko A. S., Eliseeva E. S. Extremism as a social and legal phenomenon: dissemination of extremist materials on the Internet. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, (1): 41–44. (In Russ.)
7. Boldyrev E. V., Gontarenko N. N. Youth extremism on social media: an analysis of the main trends and countermeasures. *Obzor. NTsPTI*, 2020, (2): 37–46. (In Russ.)
8. Muryukina E. V. Media education analysis of terrorist sites for youth. *Media Education*, 2017, (1): 198–212. (In Russ.)
9. Rudik M. V., Volkov D. V. Social networks as a means of spreading extremism. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, (2): 32–35. (In Russ.)
10. Klyuchko E. I. Social integrative aspects of discursive practices of nationalist online communities. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*, 2016, 16(2): 69–73. (In Russ.) DOI: 10.14529/ssh160211
11. Styszynski M. Jihadist propaganda in the Internet and social media. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, (5): 158–164. (In Russ.)
12. Bykadorova A. S., Churilov S. A., Shapovalova E. V. The extremization of youngsters in the Internet. *Kazan Pedagogical Journal*, 2016, (3): 181–184. (In Russ.)
13. Ushkin S. G. User comments to protest actions in the Russian-language segment of YouTube. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2014, (6): 127–133. (In Russ.)
14. Antonova Yu. A. Virtual community in social network as a way of distribution extremist ideology among young people. *Politicheskaya lingvistika*, 2012, (4): 71–80. (In Russ.)
15. Salimovsky V. A., Ermakova L. M. Extremist discourse in Runet communication. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2011, (3): 71–80. (In Russ.)
16. Kuzmin A. G. "The right" Internet in Russia: specificity of development and counteraction problems. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2008, 4(3): 75–96. (In Russ.)
17. Klimenko N. S. "Childfree" and "Yazhemat" as bipolar categories of modern femininity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2017, (40): 59–62. (In Russ.)
18. Soloshenko P. V. Feminism on YouTube. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2018, (6): 231–237. (In Russ.)
19. Zhaivoronok D. V. Anxiety, translation and the dream of a common language: on feminists' discussion of commercial sex. *Sociology of Power*, 2018, 30(1): 33–59. (In Russ.)
20. Patiletova L. V. Gender identity against social chaos: Russian antifeminism as a mass female project. *Koncept*, 2017, (8): 96–103. (In Russ.) DOI: 10.24422/MCITO.2017.8.6968
21. Yakoba I. A. Gender in internet-communications: development dynamics. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta*, 2013, (1): 303–309. (In Russ.)
22. Malakhova E. V. Methodological approaches and principles of contemporary youth subculture study. *Izvestiia MGTU "MAMI"*, 2014, 5(1): 129–132. (In Russ.)

Конституционные меры защиты от гендерной дискриминации в европейской модели прав человека

Дарья В. Буняк^{а, @}

^а Всероссийский государственный Центр качества и стандартизации лекарственных средств для животных и кормов, Россия, г. Москва

[@] dariabuniak@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.05.2020. Принята в печать 06.10.2020.

Аннотация: Предметом исследования являются конституционные меры защиты от гендерной дискриминации, существующие в европейской модели прав человека, их законодательное закрепление, практика применения. Цель – раскрытие содержания категорий равноправия, недискриминации, защиты от дискриминации и их аспектов в европейской модели прав человека; изучение системы конституционно-правовых средств и способов защиты от дискриминации, их появления и применения, анализ их эффективности и необходимости. Для более детального рассмотрения проблемы выбран пример гендерной дискриминации в семейно-бытовой и политической сферах, особое внимание уделено так называемым гендерным законам. На протяжении веков женщины страдали от проявлений дискриминации, полное равенство в правах с мужчинами отсутствует до сих пор, поэтому особое регулирование в отношении женщин оправдано, однако главный вопрос – до какой степени. В работе исследуются нормы не только конституций, но и текущего законодательства (если его нормы являются логическим продолжением конституционно значимого принципа недискриминации), практика органов конституционного контроля, специальных органов, элементы национального правосознания. Методологическую основу работы составили диалектический метод (логический метод, анализ и синтез, моделирование) и специальные методы. Посредством формально-юридического метода проанализированы и истолкованы нормы законодательств европейских стран и Европейского союза, реализация которых направлена на обеспечение гендерного равенства и уменьшение последствий дискриминации. С применением конкретно-исторического метода изучены государственно-правовые события и факты, их влияние на формирование современных конституционных мер защиты. Системный метод позволил осуществить анализ законодательства изучаемых государств, практики существования специализированных органов и их деятельности в тесной взаимосвязи. Равенство человека с другими – это свобода его выбора (кем он является, чем хочет заниматься) и свобода реализации этого выбора без навязанных обществом стереотипов поведения, но с учетом культурных особенностей. В рамках европейской модели прав человека основное внимание уделено таким конституционно-правовым мерам защиты от дискриминации, как реформирование законодательства и практика, формируемая специализированными органами конституционного контроля (управление). Порой такие меры демонстрируют свою несостоятельность и используются как способ маскировки реальных проблем или манипуляции. Тема будет иметь дальнейшее развитие в целях изучения и обоснования системы универсальных конституционно-правовых средств и способов защиты от дискриминации.

Ключевые слова: права человека и гражданина, положение личности, гендерное законодательство, принцип равенства, равноправие, практика

Для цитирования: Буняк Д. В. Конституционные меры защиты от гендерной дискриминации в европейской модели прав человека // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 245–256. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-245-256>

Введение

В теории права идея защиты от дискриминации имеет прямую связь с правами человека, которые являются необходимой составляющей, элементом статуса (правового положения) личности, наряду с гражданством, правосубъектностью, обязанностями, правовыми принципами и гарантиями [1, с. 573]. Существуют различные классификации вариантов регулирования прав человека, сложившихся в разных странах. Самым распространенным и часто упоминаемым юристами является выделение т. н. моделей прав человека на основе цивилизационного подхода: западной (классической или европейской), исламской, индубуддийской, африканской (традиционалистской), китайской (конфуцианско-китайской)

и японской [2]. Одним из значительных плюсов подобной классификации является то, что таким подходом охватывается большинство стран земного шара. Страна относится к той или иной модели в зависимости от того, какие ценности и принципы лежат в основе правового положения человека, каково соотношение интересов личности и интересов большинства, общества, государства [2]. Классификация служит цели более глубокого познания сути явления, которое встречается во всех классифицируемых объектах.

При анализе модели прав человека применительно к конкретной стране важно учитывать не только то, как ее элементы воплощены в законодательстве, но и то, как они действуют на практике. «Формальное восприятие универсальных

правовых стандартов <...> и нормативное закрепление новых институтов прав и свобод не ведет к их автоматическому действию на практике» [3, с. 65], ведь «глубокое влияние на право любой страны оказывает правовая культура, уровень правосознания, правовая идеология и психология» [4, с. 117]. «Вводя понятие "гендер" в обиход современного человека и тем более возводя его на уровень государственного понятийного аппарата, нельзя забывать о национальных устоях общества. Веками формирующееся понимание об институте брака, семьи, воспитания, нравственности, приличия невозможно кардинально изменить путем принятия конкретного нормативно-правового акта» [5, с. 13].

Явления дискриминации и неравенства существуют даже в благополучном обществе и государстве, принадлежащем к любой из моделей прав человека, что связано с самой природой человека и реально существующей ограниченностью ресурсов. В силах государства и общества лишь свести неравенство к минимуму, сделать его проявления менее явными. В каждом обществе или государстве по определенным причинам, в том числе историческим и политическим, та или иная область жизни оказывается наиболее остро подверженной проблеме дискриминации.

Говоря обобщенно, существует два вида конституционно значимых мер, направленных против дискриминации. Первый связан с постепенным изменением качества социального мышления, правосознания, трансформацией социально-экономического контекста («путь улучшения обычаев и традиций» [6, с. 19]). При этом под правосознанием понимается одна из форм человеческой жизни, «духовная основа бытия государства и общества» – сложившееся в обществе общее представление о праве как моральной, этической и духовной основе жизни; представление, согласно которому представители общества судят о существующем праве, законах, государстве, общественных явлениях и моральных ценностях [7, с. 73]. Второй «заключается в предоставлении специальных прав какой-либо ущемленной группе» [4, с. 19]. К нему относится, помимо прочего, практика создания специальных органов и механизмов, направленных на борьбу с дискриминацией. Для достижения положительного результата необходимо согласованное применение обоих видов конституционно значимых мер.

Данная статья посвящена анализу европейской модели прав человека и особенностей тех мер защиты от дискриминации, которые созданы в ее рамках. Среди всего многообразия видов дискриминации в качестве примера и основы исследования была выбрана гендерная дискриминация, что обусловлено несколькими причинами:

- именно в вопросе гендерной дискриминации государствами было опробовано большое количество средств защиты, включая конституционные, соответственно, сформировалась определенная практика их применения, которую возможно подвергнуть анализу;
- гендерные вопросы на сегодняшний день – одни из самых дискуссионных и широко обсуждаемых, в частности благодаря активности феминистических движений, предоставлению женщинам ряда новых прав (за последний век) и множеству судебных процессов, связанных с вопросами их реализации, а также защитой женщин от гендерного насилия;
- именно в ситуациях, связанных с гендерными проблемами, особо заметен новый вид т. н. позитивной дискриминации и уже поставлен вопрос о пределах ее допущения¹;
- существует мнение, что гендерная дискриминация – один из первых видов дискриминации, с которым столкнулось человечество и который затронул все страны мира.

При учете того, что страны Европы в современных условиях стремятся к гармонизации законодательства и практики, для проведения анализа конституционных мер защиты от гендерной дискриминации европейской модели прав человека составлять обзор законодательства и практики его применения всех европейских стран не представляется необходимым. Для проведения анализа взят пример законодательного регулирования и практики его реализации в Испании и Франции.

Испания – одна из первых стран мира, где начал действовать специальный закон по защите женщин от гендерного насилия (схожие законы позднее приняты и в остальных европейских странах²) и связанные с ним нормы различных отраслей права, предусматривающие применение целого ряда специфических методов и создание специализированных органов. Здесь уже сложилась судебная практика и заметны последствия действия закона, а также реакция общественности. Франция – первая страна, в которой принят закон, направленный на увеличение количества женщин, участвующих в политической жизни страны.

Согласно данным статистики, за 2018 г. Бельгия, Дания, Франция, Латвия, Швеция и Люксембург якобы практически полностью решили проблему гендерной дискриминации. В рамках статистического исследования была проанализирована ситуация в 187 странах и то, насколько гендерное законодательство защищает права женщин, в результате чего составлен «рейтинг гендерного неравенства»,

¹ В теории принято выделять негативную и позитивную дискриминацию. Для борьбы с дискриминацией порой применяются т. н. позитивные действия: выражение преднамеренного предпочтения, предоставление определенных преференций каким-либо группам лиц, которые подвергались дискриминации. Желаемый результат их применения – компенсация уже существующей ситуации дискриминации. Такие меры могут называться в разных государствах по-разному: позитивные действия, обратная / позитивная дискриминация. Остается вопросом, насколько допустимо применение позитивных мер и каковы их пределы, т. к. ими может быть создана новая ситуация дискриминации, в которой ранее дискриминируемое лицо будет в неоправданно привилегированном положении.

² В Испании, Швеции, Франции, где помимо закона с определенной периодичностью принимаются планы по предотвращению и борьбе против насилия над женщинами, – это единый правовой акт. В Германии это содержащиеся в различных законах и иных подзаконных актах нормы, но их смысл и механизм более чем сходны (учитывая правовую гармонизацию).

в соответствии с которым в вышеназванных странах «женщины и мужчины абсолютно равны в правах»³.

Права человека и идея защиты от дискриминации

В европейской традиции права человека «рассматриваются как естественные, неотчуждаемые и непосредственно действующие», они не созданы государством, а сами по себе «определяют смысл и назначение функционирования государственных институтов» [8, с. 129]. Для европейской модели прав человека в ее современном виде характерен определенный человекоцентризм, признание преобладания интересов личности над интересами общества и государства. И хотя сегодня Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) констатирует, что демократия основана на компромиссе, требующем определенных уступок от людей⁴, это звучит как чистая декларация.

Запрет дискриминации получил закрепление в ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция), в которой содержится гарантия равного обращения с людьми при осуществлении ими упомянутых в статье прав. Протокол 12 к Европейской конвенции расширяет сферу запрета дискриминации, гарантируя равное обращение при осуществлении любого права.

Учредительными договорами Европейского союза (ЕС), в частности ст. 13 Договора о Европейском Союзе, дискриминация запрещена⁵. При этом применение этой статьи должно быть обеспечено в национальных правовых системах государств-членов. Рамочное решение Европейского совета обязывает все государства-члены ЕС вводить уголовные санкции в отношении подстрекательства к совершению насильственных действий или разжигания ненависти на основании расы, цвета кожи, происхождения и иных признаков⁶.

Важно отметить, что Европейской конвенцией на государства возложена ответственность за защиту упомянутых в ней прав и свобод, но им предоставлена необходимая свобода усмотрения. Представители юридического сообщества обосновывают такой подход тем, что права человека имеют собственную (национальную) логику, которая вытекает из того факта, что изначально они получили свое закрепление именно во внутренних конституционных документах, а лишь потом стали частью международного права [9]. Тем не менее это обязательство и уступка не означают возможность государств принимать меры, которые противоречат Европейской конвенции или ущемляют права граждан.

ЕСПЧ провозгласил позицию, согласно которой не всякое различие в обращении является дискриминацией, а лишь если оно не имеет в своей основе объективной и разумной мотивировки, т. е. не преследует «цель, предписанную законом», или если разница оказывается несоразмерна по отношению к преследуемым целям⁷.

В законодательстве стран ЕС сегодня можно наблюдать процессы становления «европейского антидискриминационного права» (*non-discrimination law*) [10]. Появление данного термина позволяет говорить о существовании в ЕС «единой системы правил, касающихся запрета дискриминации, однако, в действительности, оно включает множество контекстов»⁸, т. к. есть две европейские системы защиты прав: в рамках ЕС и на основе Европейской конвенции. Это является особенностью ЕС, в котором проявляются тенденции стремления к гармонизации, объединению и унификации законодательного регулирования. Также действуют документы, изданные ООН. По сути, одновременно действуют три системы норм, не считая национальных.

Как констатируют исследователи, в ЕС до 2000 г. антидискриминационное право «применялось только в контексте трудоустройства и социального обеспечения и охватывало только основание, связанное с половой принадлежностью»⁹. В 2000 г. принят ряд специальных директив: Директива о равенстве в сфере труда запретила дискриминацию на основании сексуальной ориентации, религиозных взглядов, возраста и инвалидности в сфере трудоустройства; Директива о равенстве независимо от расового и этнического происхождения запретила дискриминацию на основании расового и этнического происхождения в сфере трудоустройства, при доступе к системам социальной защиты и социального обеспечения. В 2004 г. Директива о равенстве полов в доступе к товарам и услугам расширила сферу действия запрета дискриминации. Хартией об основных правах, с 2009 г. ставшей юридически обязательным документом, в ст. 21 установлен запрет дискриминации по широкому кругу оснований.

На надгосударственном уровне Советом Европы приняты документы, в которых подчеркивается необходимость не только законодательного закрепления, но и реального обеспечения гендерного равноправия. Таким документом, например, является Декларация о равенстве между женщинами и мужчинами как главный критерий демократии,

³ Подсчитаны масштабы гендерного неравенства в России // Lenta.Ru. 28.02.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/02/28/inequality/> (дата обращения: 01.10.2019).

⁴ Дело «Рефах партиси (Партия благоденствия) (Refah Partisi (Welfare Party)) и другие против Турции». Постановление ЕСПЧ от 13.02.2003 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 07.02.1992) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566557/> (дата обращения: 01.10.2019).

⁶ О борьбе с некоторыми формами и выражениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права. Рамочное решение 2008/913/ЈНА Совета от 28.12.2008 // Официальный журнал ЕС. 06.12.2008. L. № 328. С. 55.

⁷ Абдулазиз, Кабалез и Балкандали против Соединенного Королевства (Abdulaziz, Cabales and Balkandali vs the United Kingdom). Постановление ЕСПЧ от 28.05.1985 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Руководство по европейскому антидискриминационному праву. Агентство ЕС по защите основных прав; Совет Европы / ЕСПЧ, 2012. С. 14.

⁹ Там же. С. 17.

принятая на Европейской конференции Совета Европы в 1997 г. в Стамбуле. В ней содержатся рекомендации Комитету Министров Совета Европы по достижению гендерного равноправия. Приложением к ней являются Многоцелевые стратегии, направленные на достижение равноправия женщин и мужчин.

Подобные нормы и гарантии существуют и на национальном уровне. Ряд специфических правовых положений напрямую продиктован историческими особенностями конкретного государства. «В Болгарии, например, действует специальное положение, которое прямо устанавливает, что всякий болгарский гражданин имеет право на свободный выбор имени. Это связано с тем, что в Болгарии в период, так называемого, возродительного процесса осуществлялась политика принудительной смены имен болгарских граждан» [9, с. 23]. Данный период имел место в 80-х гг. XX в., когда была произведена насильственная смена имен почти 1 млн болгарских этнических турок.

Помимо широкого закрепления и стремления к претворению в жизнь принципа недискриминации, для европейской модели характерны и поиск дискриминации во всех областях жизни (большинство норм права априори имеет не совсем пропорциональное воздействие на людей [11]), и определенный перегиб в равноправии, когда стремление к нему приобретает агрессивные формы и становится потенциально опасным для общественной нравственности и сознания индивидов, что будет проиллюстрировано далее.

Специфика борьбы с гендерной дискриминацией в европейской модели прав человека будет рассматриваться преимущественно в двух сферах: семейно-бытовой и политической (с обращением к проблемам, существующим в трудовой сфере).

Семейно-бытовая сфера и гендерное законодательство

В Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием указано, что «насилие в отношении женщин является одним из тех главных социальных механизмов, благодаря использованию которых женщины заставляют занять подчиненное положение», и «домашнее насилие намного больше затрагивает женщин», но и «мужчины также могут стать жертвами домашнего насилия»¹⁰. При ее принятии особо подчеркивалось, что насилие в отношении женщин в первую очередь является проявлением «исторически неверного соотношения сил между женщинами и мужчинами, которое привело к доминированию мужчин и дискриминации

в отношении женщин» [12, с. 4]. Конвенцией подчеркнута, что ее основная цель – создание свободной от насилия над женщинами Европы, что предполагает «установление крепкой связи между гендерным равенством и преодолением насилия в отношении женщин» [12, с. 4].

В Конвенции закреплено, что государства обязаны принимать необходимые меры «по внедрению изменений в социальных и культурных моделях поведения женщин и мужчин с целью искоренения предрассудков, обычаев, традиций и любой иной практики, которые основаны на идее неполноценности женщин или стереотипных представлениях о роли женщин и мужчин»¹¹. На первый взгляд, звучит более чем верно, но, к сожалению, таким красивым лозунгом можно уничтожить и оправданные национальные традиции, и специфику регулирования.

Принцип гендерного равноправия находит свое отражение в конституциях европейских государств и получает дальнейшее развитие в национальном законодательстве. К примеру, в ст. 14 Конституции Испании 1978 г. закреплено: «не допускается никакая-либо дискриминация по рождению, расе, полу, ... по любым другим личным или социальным основаниям»; в ст. 32 содержится конкретизация этого положения для семейной сферы – «мужчина и женщина имеют право вступать в бракосочетание с полным юридическим равноправием»¹². Статьей 122 установлено, что порядок организации, функционирования и управления судами регулируется Органическим законом. Органическим законом 6/1985 «О судебной власти» предусмотрено создание специализированных судов по вопросам гендерного насилия (*Juzgados de Violencia sobre la Mujer*) с исключительной юрисдикцией. Подобные органы являются уникальными для Европы, в иных странах в основном предусмотрена особая упрощенная форма производства в рамках единой системы судов. 28 декабря 2003 г. в Испании был принят Органический закон 1/2004 «О комплексных мерах по защите от гендерного насилия» (далее – Гендерный закон)¹³, испанцы обычно сокращают название закона до *LIGV*. В реквизитах закона указан 2004 г., т. к. он вступил в силу 28 января 2004 г. В сети Интернет можно найти множество вариантов перевода названия данного закона на русский язык.

Гендерный закон – не первая попытка подобного регулирования в Испании. В 1944 г. в ряд уголовных законов Испании было добавленоотягчающее обстоятельство *презрение к полу*, которое предусматривало более суровые наказания, если жертвой преступления была женщина, а подозреваемым и виновным – мужчина. Положение действовало до 1983 г.,

¹⁰ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием // Серия договоров Совета Европы. Стамбул, 11.05.2011. № 210. С. 5.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Испанская Конституция // *Vivos Voco*. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM> (дата обращения: 11.10.2018).

¹³ Organic Act 1/2004 of 28 December on integrated protection measures against gender violence // European Institute for Gender Equality. Режим доступа: <https://eige.europa.eu/gender-based-violence/resources/spain/ley-organica-1-2004-de-28-de-diciembre-de-medidas-de-proteccion-integral-contra-la-violencia-de-genero> (дата обращения: 11.10.2018).

когда парламент отменил его. В то время общество рассматривало отмену исключительно как позитивное явление¹⁴. Новый Гендерный закон ознаменовал очередной этап модернизации подобного регулирования, которое охватывает собой несколько основных сфер: уголовную, гражданскую, семейную и процессуальную, т. к. им учреждена система специализированных судов. Испаноязычные представители юридического научного сообщества подчеркивают, что подобные специализированные по определенному признаку суды функционировали в 1930-е гг. в Германии для рассмотрения дел, субъектами которых являлись евреи.

Согласно ст. 1 Гендерного закона, жертвой гендерного насилия считается женщина, пострадавшая от любого типа проявлений физического или психологического насилия со стороны лица, являющегося или бывшего ранее ее супругом, либо лица, с которым ее связывают или связывали ранее отношения привязанности, в том числе при отсутствии совместного проживания. Уже в данной формулировке заключена одна из проблем гендерного законодательства: его нормы применимы только для защиты женщин.

На практике физическими и психологическими насильниками может выступать как мужчины, так и женщины. По малоизвестной причине в Гендерном законе закреплена норма исключительно о насилии, проявляемом мужчиной по отношению к женщине. Таким образом насаждается стереотипное представление о мужчинах как о «домашних преступниках» и насильниках (при учете, что самим же Гендерным законом провозглашается борьба со стереотипами), что, в свою очередь, создает презумпцию вины мужчин¹⁵.

Возвращаясь непосредственно к нормам Гендерного закона, следует обратить внимание на используемую в нем терминологию: установлена разница между *гендерным* и *бытовым* насилием. Первое может быть совершено только мужчинами и только в отношении женщин вне зависимости от конкретных мотивов. Если же женщина нападает на мужчину, это будет расценено как домашнее насилие, даже если оно будет совершено по причине ненависти к мужскому полу как таковому. За гендерное насилие нормами закона предусмотрено более суровое наказание, чем за домашнее¹⁶. Женщине, чтобы быть признанной жертвой гендерного насилия, необходимо засвидетельствовать факт его совершения. Для этого необходимо получить обвинительный приговор суда, охранный судебный приказ или справку из прокуратуры о наличии признаков гендерного насилия.

Как отмечают исследователи, «в случае вызова полиции по эпизоду предполагаемого домашнего насилия вина автоматически возлагается на мужчину. Высока вероятность

того, что даже если это он сделал вызов и именно у него на теле следы, указывающие на насилие, он будет помещен под арест»¹⁷. Примечательно, что, согласно ст. 1 Гендерного закона, женщине не нужно представлять доказательства или что-либо в подтверждение факта насилия. Ее устных показаний достаточно, чтобы инициировать длительное разбирательство. В качестве примера можно привести дело, рассмотренное апелляционным судом, в котором обвиняемый А. Cirriano был оправдан после того, как суд первой инстанции признал его виновным в совершении насилия¹⁸. Суд первой инстанции основал свое решение исключительно на словах жертвы, суть которых заключалась в том, что обвиняемый в отсутствие какого-либо свидетеля назвал ее «женщиной легкого поведения».

Если судебной инстанцией признается наличие потенциального риска для женщины-жертвы и необходимости принятия мер по ее защите, то ей выносятся специальное решение об этом – охранный приказ. Данный процесс может протекать как в рамках рассмотрения искового заявления о гендерном насилии, так и на основании ходатайства женщины (даже если исковое заявление не подано). В приказе прописываются конкретные меры по защите женщины, носящие социальный, уголовный и гражданский характер, и, в случае необходимости, по защите ее детей. Получение охранный приказа – доказательство присвоения статуса жертвы гендерного насилия, влекущее признание за женщиной прав в соответствии с Гендерным законом. Вместе с охранным приказом женщины получают целый набор прав. Так женщинам-жертвам предоставляется возможность:

- получить правовую помощь бесплатно вне зависимости от финансовых возможностей;
- получить финансовую поддержку от государства;
- получить помощь в трудоустройстве на новое рабочее место или в восстановлении на прежнем рабочем месте;
- получить психологическую и социальную поддержку;
- осуществить ряд специальных трудовых прав для предотвращения ухода с рынка труда (например, право на временное прекращение трудовой деятельности с сохранением рабочего места до шести месяцев; неявка или опоздание на работу не считаются нарушением трудового распорядка, если факт гендерного насилия подтвержден социальными службами или органами здравоохранения; признание увольнения женщины с последнего места работы недействительным; специальные меры поощрения, направленные на создание благоприятных условий для начала новой трудовой деятельности);

¹⁴ Kukuruyo. Spain gender laws: A country against men // Honey badger brigade. 18.02.2016. Режим доступа: <http://honeybadgerbrigade.com/2016/02/18/spain-gender-laws-a-country-against-men/> (дата обращения: 17.10.2019).

¹⁵ Onoh A. J. O. Spain gender equality and violence laws and their compliance with European Convention on Human Rights: a case of affirmative action against men // Gender violence and justice. 05.09.2015. Режим доступа: <https://justiciadegenero.com/en/spain-gender-equality-and-violence-laws-and-their-compliance-with-european-convention-on-human-rights-a-case-of-affirmative-action-against-men/> (дата обращения: 11.10.2018).

¹⁶ Kukuruyo. Spain gender laws...

¹⁷ Там же.

¹⁸ Appeal judgment of Provincial Court of Valencia № 000025/2014-02, SAP v 1307/2014, Resolution № 144/2014 // CENDOJ. Режим доступа: <http://www.poderjudicial.es/search/AN/openDocument/77ef2d74e18e2cd3/20140606> (дата обращения: 03.10.2020).

- уменьшить процентные ставки по кредитам (при совокупности определенных условий);
- приоритетного получения жилья в муниципальных домах;
- получить разрешение на проживание и осуществление трудовой деятельности (разрешение на жительство и работу выдается на основании охранного судебного приказа или по справке из прокуратуры о наличии признаков гендерного насилия), если жертвой предполагаемого гендерного насилия стала иностранная гражданка;
- прекратить дело о привлечении к административной ответственности за нелегальное нахождение на территории страны или препятствовать его возбуждению, если в ходе рассмотрения заявления о гендерном насилии выявлен факт нелегального нахождения женщины на территории Испании.

С 2009 г. власти Испании обладают правом принудить подозреваемого носить электронный браслет, который будет автоматически оповещать о нахождении вблизи от предполагаемой жертвы.

Помимо специальных прав, предполагаемые пострадавшие имеют права, которые законодательно признаются за всеми жертвами преступлений. Например, право на подачу искового заявления (ст. 259 УПК) и право ходатайствовать о выдаче охранного приказа, о котором упоминалось выше (ст. 62 Гендерного закона; ст. 544 УПК).

К мерам по защите также относятся выселение предполагаемого насильника из семейного жилья, запрет на проживание в определенном населенном пункте, запрет приближаться к жертве ближе, чем на определенное судом расстояние, временное лишение родительских прав или запрет на общение, визиты и проведение времени с детьми. При приведении защитного механизма Гендерного закона в действие дети автоматически лишаются возможности поддерживать контакт практически со всеми членами своей семьи по отцовской линии¹⁹.

Все меры применяются при отсутствии признания лица виновным и часто основаны на одном лишь заявлении женщины, которое может оказаться ложным. Примером может служить дело № 456/2009, рассмотренное судом по уголовным делам²⁰. Мужчина был оправдан по обвинению в совершении ряда преступлений от оскорблений до угрозы убийства своей жены. Оправдательный приговор был не результатом добросовестного и всестороннего изучения судьей доказательств в гендерном деле, а был связан с тем, что дочери обвиняемого дали свидетельские показания, что их мать сама себя избивала, чтобы обвинить мужа и получить определенные привилегии от государства. По результатам

разбирательства прокурор лишь предупредил женщину о необходимости воздержаться от лжи перед судом.

Гендерный закон и его двойная проблема

Конституционность Гендерного закона неоднократно становилась предметом рассмотрения в Конституционном суде Испании, которым вынесено решение о его конституционности, однако при этом суд признал нормы имеющими характер позитивной дискриминации.

В качестве примера можно привести постановление Конституционного суда Испании № 45/2010²¹. Запрос о конституционности ст. 148 и ст. 153 УК Испании в их связи с нормами Гендерного закона, устанавливающими, что по делам о гендерном насилии жертвой может являться только лицо женского пола, был инициирован судьями специализированного суда по гендерному насилию. Судьи обосновали свой запрос тем, что Гендерный закон создал двойную дилемму человеческого достоинства (оскорбляет человеческое достоинство обеих сторон процесса как представителей разных полов): мужчина считается систематически совершающим правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а женщина – особо уязвимой и беспомощной. В этом судьи усмотрели оскорбление достоинства как мужчин, так и женщин. Судьи также отметили явную диспропорцию в возложении бремени доказывания исключительно на мужчин.

Конституционный суд Испании признал закон конституционным, особо подчеркнув необходимость принятия позитивных мер для обеспечения защиты прав женщин. При этом Конституционный суд не подверг детальному анализу дискриминационный аспект закона и его последствия для реализации прав мужчин. Существует целый ряд серьезных проблем, возникших по причине введения в действие Гендерного закона²².

Во-первых, Гендерный закон не смог создать стабильно функционирующую систему для жертв гендерного насилия, не решил проблему домашнего насилия. Количество убийств на почве домашнего насилия, а также гендерных преступлений осталось практически на том же уровне, что и на момент принятия закона. Показательной является и следующая ситуация: в 2018 г. несколько женщин были убиты своими мужьями и сожителями по причине того, что им было отказано в предоставлении гарантий и средств защиты по Гендерному закону, в то время как несколько лже-жертв получили защиту.

Согласно отчетам о совершенных за первую четверть 2020 г. (с января по март) преступлениях, опубликованным Министерством внутренних дел Испании, из 84 зафиксированных убийств 17 (20,3 %) совершены

¹⁹ Там же.

²⁰ Onoh A. J. O. Spain gender equality...

²¹ Pleno. Sentencia 45/2010, de 28 de julio de 2010 // Boletín Oficial del Estado. 12.08.2010. № 195. P. 29–38.

²² Bueno M. Organic law 1/2004 of 28 December on integrated protection measures against gender violence Spain: Chronicle of a failure // Gender violence and justice. 01.01.2015. Режим доступа: <https://justiciadegenero.com/en/organic-law-12004-of-28-december-on-integrated-protection-measures-against-gender-violence-spain-chronicle-of-a-failure-mateo-bueno-lawyer-and-mediator/> (Дата обращения: 01.02.2019).

в отношении женщин их партнерами (или экс-партнерами) и могут быть квалифицированы как гендерные. В 2019 г. с января по март было зафиксировано 76 убийств, 14 из которых – гендерные (18,4 %) ²³.

Эксперты соглашаются, что созданная и создавшая множество проблем система не действует. Этому есть несколько причин:

- недостаток человеческих и материальных ресурсов;
- загруженность судов;
- отсутствие согласованности в действиях различных структур и органов.

Эти проблемы усугубляются тем фактом, что чаще всего настоящие жертвы насилия испытывают сильнейшие стресс и страх и, соответственно, выглядят в ходе судебных заседаний менее убедительно и подготовлено, чем лже-жертвы, которые успешно используют нормы Гендерного закона в своих интересах ²⁴.

Вновь особо остро вопрос гендерного насилия встал в 2020 г. после вспышки эпидемии COVID-19 и введения рядом государств ограничительных мер. Люди оказались ограничены в передвижении и в праве покидать место жительства (пребывания). В такой обстановке при учете общей тревожной атмосферы в обществе количество конфликтов неизбежно выросло. В Испании за первые две недели апреля количество обращений в центр помощи по гендерному насилию выросло на 47 % (по сравнению с данными за аналогичный период предыдущего года). Число женщин, обратившихся в различные службы поддержки под эгидой правительства по электронной почте или через социальные сети, увеличилось на 700 % ²⁵. Конечно, нормы Гендерного закона не были заточены под непредвиденную пандемию и последовавшие необходимые ограничения, но эта ситуация показывает, насколько законы могут быть сложны в адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам и насколько необходимы и нужны иные методы борьбы как с насилием, так и с дискриминацией.

Исследователями высказывается ряд предложений по решению описанных проблем от идеи отмены Гендерного закона, который принес больше проблем, чем защиты, до увеличения числа специализированных судов и проведения обязательных мероприятий по подготовке и повышению квалификации судей. Звучат идеи о необходимости придания детям жертв гендерного насилия статуса жертв.

Как желание отвлечь население от нерешенных, но острых стоящих гендерных проблем, выглядят некоторые спорные

и весьма дискуссионные «победы» представителей феминистского движения, которые активно и ярко освещаются в СМИ. Так, спортивные центры и фитнес клубы Барселоны с августа 2019 г. обязаны разрешать женщинам находиться в бассейнах в любых видах купальных костюмов, включая вариант топлес. Прежде существовавший запрет на нахождение в спортивных бассейнах топлес был назван представителями организации *Mugrons Lliures* дискриминационным, т. к. им введено правило исключительно для женщин, что якобы по гендерному признаку ограничивает их свободу выбора ²⁶. Создается впечатление, что решаются явно надуманные проблемы, которые если и стоило решать, то уже после (а не вместо) решения основных.

Во-вторых, невинные мужчины становятся жертвами Гендерного закона. Помимо приведенных примеров из судебной практики, показательным является тот факт, что с момента вступления Гендерного закона в силу количество самоубийств среди мужчин выросло. Согласно статистическим данным, 70 % всех самоубийств мужчин вызваны унижающими человеческое достоинство процессами о гендерном насилии. В 2004 г., когда закон был принят, число мужчин-самоубийц составляло около 1,5 тыс. в год. Несколько лет спустя эти цифры выросли почти до 3 тыс. В 2015 г. было зафиксировано около 3,5 тыс. самоубийств мужчин ²⁷.

Создается намеренная презумпция виновности мужчин и в глазах всего населения (не только в зале суда). В 2011 г. создан Департамент по делам женщин при Министерстве здравоохранения Испании (*Department for Women under the Ministry of Health*). В его рамках началась активная пропаганда против мужчин. Феминистические группы крайне заинтересованы в существовании Гендерного закона, который приносит им выгоду и помогает женщинам легко получить опеку над детьми. На улицах (включая улицы, на которых расположены детские сады и школы) выставлялись щиты с обвинительными заявлениями в адрес мужчин и соответствующим подтекстом. На некоторых рекламных щитах изображен ребенок, говорящий матери: «Мама, сделай это для нас»; на других – надписи: «Никогда не думай о том, чтобы поднять руку на меня» ²⁸.

В-третьих, вокруг закона сложилась целая индустрия, направленная на получение денег и иных материальных благ, а также служащая цели мщения, что повлекло за собой рост заведомо ложных обвинений в насилии. Не зря испанские юристы нередко советуют своим клиенткам, например в ходе бракоразводного процесса, спора об имуществе или

²³ Rippin T. One in every five murders in Spain this year were women killed by their partner or ex // Euro Weekly News. 17.05.2020. Режим доступа: <https://www.euroweeklynews.com/2020/05/17/one-in-five-murders-in-spain-this-year-were-women-killed-by-partner-or-ex/> (дата обращения: 08.06.2020).

²⁴ Urta S. Spanish justice system admits it is failing victims of gender violence // El Pais. 28.09.2018. Режим доступа: https://elpais.com/elpais/2018/09/28/inenglish/1538128575_682750.html (дата обращения: 01.02.2019).

²⁵ Burgen S. Women killed in Spain as coronavirus lockdown sees rise in domestic violence // The Guardian. 28.04.2020. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/apr/28/three-women-killed-in-spain-as-coronavirus-lockdown-sees-rise-in-domestic-violence> (дата обращения: 29.04.2020).

²⁶ Galloway H. Women now free to go topless in all of Barcelona's municipal pools // El Pais. 09.08.2019. Режим доступа: https://english.elpais.com/elpais/2019/08/07/inenglish/1565197926_880112.html (дата обращения: 01.02.2020).

²⁷ Kukuruyo. Spain gender laws...

²⁸ Onoh A. J. O. Spain gender equality...

о детях, подавать заявление о факте совершения в отношении их гендерного насилия, чтобы облегчить процесс и получить денежное возмещение²⁹.

Многие исследователи согласны, что применение Гендерного закона на практике – не столько новаторский подход к защите прав женщин, сколько противоречивое и дискриминационное явление по отношению к мужчинам³⁰. Необходимо сделать важную оговорку: любые статистические данные и сведения, содержащиеся в СМИ, – весьма ненадежные и сложно проверяемые источники информации. Тем не менее они служат маркером существования и необходимости решения проблемы.

Если бы данный закон применялся равным образом как к женщинам, так и к мужчинам, то было бы вполне возможно достигнуть равенства, что, однако, никак не убеждает от возможных злоупотреблений.

Сходное регулирование было принято позднее во многих европейских странах, например во Франции. Законом от 9 июля 2010 г. о мерах по борьбе с насилием в семье предусмотрен ряд мер, в целом сходных с Испанией³¹. Как указано в самом законе, он направлен на облегчение процесса подачи жалоб для женщин в случае совершения в отношении них домашнего насилия. Если насилие засвидетельствовано, мужчину арестуют с согласия потерпевшей. Нормами закона судьи уполномочены выносить определения, которые должны обеспечить безопасность жертвам насилия. Отдельные его нормы посвящены вопросам психологического насилия.

Политическая сфера и гендерное законодательство

В связи с темой гендерного равноправия необходимо отметить Рекомендацию Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О сбалансированном представительстве женщин и мужчин в процессе принятия политических и общественных решений», в которой среди законодательных и административных мер, претворение в жизнь которых рекомендуется государствам, обозначены обеспечение сбалансированного представительства женщин и мужчин на государственных постах и должностях; обеспечение того, чтобы язык, используемый в официальных кругах, отражал сбалансированное разделение власти между женщинами и мужчинами; проведение законодательных реформ, имеющих целью установление паритетных порогов обязательного

количества женщин и мужчин от общего числа кандидатов в списках на выборах³².

Представляется сомнительным созданное подобным образом искусственное равенство, а призыв к совершенствованию языка вызывает серьезные вопросы и отсылает к явно надуманной проблеме феминитивов³³.

Европейский парламент всегда рассматривается как наиболее демократичный и гендерно-нейтральный орган, в котором соблюдается баланс представительства мужчин и женщин. В одной из статей журнала *Journal of Common Market Studies* было проанализировано женское представительство в Европейском парламенте [13]. В ходе исследования были опрошены 18 женщин-членов Парламента. В ходе интервью получен вывод: внутреннюю гендерно-правовую культуру Европейского парламента можно охарактеризовать как полную гендерных стереотипов и различных надуманных ожиданий в отношении мужчин и женщин. К примеру, области, которыми занимаются мужчины, являются более престижными, в то время как от женщин не ожидают, что они будут разбираться в вопросах экономики. Как подчеркнула одна из членов Парламента, он не является институтом-примером отсутствия гендерных проблем и стереотипов, хотя должен быть таковым. Даже для такого серьезного надгосударственного института рекомендации по гендерным вопросам остаются только рекомендациями.

В развитие общеевропейских рекомендаций на основе норм национальных конституций в государствах принимаются специальные законы. Например, согласно положениям Органического закона Испании № 3/2007 (далее – Органический закон), список кандидатов на выборах должен быть сбалансированным по количеству женщин и мужчин, также им установлена минимальная квота по количеству женщин – 40 % в избирательном списке³⁴. Исследователи отмечают, что в ст. 1 Конституции Испании зафиксировано, что «носителем национального суверенитета является испанский народ, источник государственной власти»³⁵. Таким образом, испанские женщины и мужчины по принципу большинства решают, кто управляет государством. Сама идея видится правильной, однако «цифровое» правило Органического закона дает возможность образования в парламенте групп по гендерному принципу, что нивелирует принципы свободных и справедливых выборов³⁶.

В связи с вопросом т. н. гендерных квот представляется очень интересной практика Конституционного совета

²⁹ Kukuruyo. Spain gender laws ...

³⁰ Onoh A. J. O. Spain gender equality...

³¹ Relative aux violences faites spécifiquement aux femmes, aux violences au sein des couples et aux incidences de ces dernières sur les enfants Loi № 2010-769 du 09.07.2010 // Journal Officiel de la République Française. 10.07.2010. T. 2. S. 141.

³² О сбалансированном представительстве женщин и мужчин в процессе принятия политических и общественных решений. Рекомендация № Rec(2003)3 Комитета министров Совета Европы (принята 12.03.2003 на 831-ом заседании Представителей министров) // СПС КонсультантПлюс.

³³ Карпов М. «Мы говорим "членесса" и улыбаемся» // Lenta.Ru. 22.01.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/01/22/feminitive/> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁴ Para la igualdad efectiva de mujeres y hombres. Ley Organica 3/2007, de 22 de marzo // Boletín Oficial del Estado. 23.03.2007. № 71. P. 12611–12645.

³⁵ Испанская Конституция...

³⁶ Onoh A. J. O. Spain gender equality...

Франции. Одно из первых решений в этой сфере было принято в 1982 г. и стало известно под названием *решение о гендерных квотах (quota par sexe)*³⁷. На предмет конституционности рассматривались положения Избирательного кодекса, которыми была установлена минимальная процентная доля женщин в органах власти муниципальных образований – 25 %. Конституционный совет признал это положение противоречащим нормам Конституции Франции (а именно ст. 3)³⁸ как устанавливающее автоматические преимущества для представителей одного пола: само «качество гражданина дает ему право участвовать в голосовании и быть избранным на равных для всех условиях»³⁹. Позднее такой подход был подтвержден Конституционным советом⁴⁰.

28 июня 1999 г. внесены поправки в ст. 1 и ст. 4 Конституции, «которые, согласно мнению ряда французских юристов, явились попыткой законодателя преодолеть ранее сформулированные Конституционным советом позиции» [4]. Новая редакция ст. 1 установила: «закон содействует равному доступу женщин и мужчин к выборным мандатам и должностям»; ст. 4: политические партии и объединения «способствуют осуществлению принципа, изложенного в последнем абзаце статьи 1, в соответствии с условиями, определенными законом»⁴¹.

В связи с поправками взгляд на благоприятствование участию женщин в политике начал меняться, в частности, был принят закон № 2000-493 от 6 июня 2000 г., направленный на обеспечение равного участия представителей обоих полов в политической жизни. 30 мая 2000 г. Конституционным советом Франции вынесено решение по вопросу конституционности положений нового закона, согласно которому нарушение конституционного принципа равноправия не обнаружено⁴². В литературе можно найти два противоположных объяснения такому изменению. С одной стороны, это «свидетельствует о том, что французский законодатель выбрал метод постепенного обеспечения равенства полов путем изменения правосознания общества», с другой – «под давлением законодателя <и определенных общественных групп> Конституционному совету не оставалось ничего иного, кроме как "смириться"» [6, с. 24].

В 2006 г. Конституционным советом проанализированы законодательство и сложившаяся практика позитивной дискриминации в пользу женщин, но уже в области частного трудоустройства⁴³. На предмет конституционности рассматривались законодательные нормы, касающиеся

равенства оплаты труда женщин и мужчин, которыми установлены «обязательные квоты распределения мест между мужчинами и женщинами в органах управления акционерных обществ, а также в предприятиях публичного сектора, в списках кандидатов в комитеты предприятия, в самих комитетах предприятий» [6, с. 24]. Конституционным советом были признаны неконституционными все положения, устанавливающие гендерные квоты как нарушающие принцип равенства всех перед законом. Был сформулирован важнейший вывод: пол лица не должен восприниматься как более важный признак, чем его способности.

Заключение

В рамках европейской модели прав человека основное внимание уделено таким конституционно-правовым мерам защиты от дискриминации, как изменение законодательства, в том числе путем введения и закрепления особых мер, практика специализированных органов конституционного контроля, единые для европейского правового пространства наднациональные акты и рекомендации.

В абсолютном большинстве европейских стран приняты т. н. гендерные законы, в практике применения которых уже проступают позитивные и негативные аспекты, заложенные в них. Подобный опыт применения должен быть подвергнут максимально объективному анализу в целях получения законодательства как аспекта защиты от дискриминации. То же самое относится и к практике специализированных органов конституционного контроля, обогащающих, развивающих и интерпретирующих принципы равноправия и недискриминации и законодательство. При этом важно, чтобы подобные органы не превращались в инструмент политического влияния или подменяли собой законодателя. Только при этом условии они смогут служить делу борьбы с дискриминацией и ее последствиями.

Под понятиями *равноправие* и *недискриминация* должны пониматься, в первую очередь, принципы, обеспечивающие равные возможности для всех в доступе к различным благам. Равноправие – это, прежде всего, свобода выбора для человека (говоря о гендерной недискриминации – вне зависимости от гендера): кто он, чем хочет заниматься, а также свобода реализации этого выбора без навязанных обществом стереотипов поведения, но с учетом культурных особенностей (если человек признает себя принадлежащим к определенной культуре и для него это значимо).

³⁷ Loi modifiant le code électoral et le code des communes et relative à l'élection des conseillers municipaux et aux conditions d'inscription des Français établis hors de France sur les listes électorales. Décision № 82-146 DC du 18 novembre 1982 // Conseil Constitutionnel; Chaltiel F. Le principe d'égalité entre les hommes et les femmes devant le Conseil constitutionnel: égalité ou équité? // Petites affiches. 11.04.2006. № 72. P. 5.

³⁸ Полный текст Конституции 1958 г. с изм., внесенными 23.07.2008 // Conseil Constitutionnel.

³⁹ Loi modifiant le code électoral et le code des communes...

⁴⁰ Loi relative au mode d'élection des conseillers régionaux et des conseillers à l'Assemblée de Corse et au fonctionnement des Conseils régionaux. Décision № 98-407 DC du 14 janvier 1999 // Conseil Constitutionnel.

⁴¹ Полный текст Конституции 1958 г. ...

⁴² Loi tendant à favoriser l'égal accès des femmes et des hommes aux mandats électoraux et fonctions électives. Décision № 2000-429 DC du 30 mai 2000 // Conseil Constitutionnel.

⁴³ Loi relative à l'égalité salariale entre les femmes et les hommes. Décision № 2006-533 DC du 16 mars 2006 // Conseil Constitutionnel.

Равноправие и демократия «требуют позитивной борьбы со ... стереотипными с точки зрения пола ролями с тем, чтобы добиться ... нового социального порядка»⁴⁴. Гендерное равенство означает «равный правовой статус женщин и мужчин и равные возможности для его реализации, позволяющие лицам обоего пола свободно развивать свои потенциальные способности»⁴⁵.

Мужчины тоже подвержены влиянию гендерных стереотипов и страдают от насилия в самых разнообразных его проявлениях⁴⁶. Во многих европейских странах проблема, помимо отсутствия действенных специальных мер, связана и с тем, что, следуя стереотипному представлению о мужчинах как о сильном и мужественном поле, сами мужчины начинают опасаться, что заявление в полицию о факте домашнего или гендерного насилия в их отношении негативно скажется на их репутации. Согласно статистике, более 22 % случаев домашнего насилия – это насилие в отношении мужчин⁴⁷. Нельзя забывать, что мужчины тоже являются жертвами насилия, преследования и даже принудительных браков, поэтому нужно отказаться от насильственного навязывания стереотипов мужественного поведения, которые влекут незащищенность (в первую очередь психологическую) мужчин перед проявлениями насилия.

Автор не призывает отказаться от защиты женщин и их прав – они нуждаются в дополнительных гарантиях и поддержке, однако любые меры, связанные с предоставлением дополнительной защиты, прав или дачей предпочтений, должны быть объективно оправданы и не вести к ущемлению прав других лиц. Такие меры и практика их применения должны подвергаться строгому анализу и корректироваться, чтобы исключить ситуации,

когда реальные проблемы маскируются громким решением чего-либо надуманного (принятие «закона о купальниках» на фоне сохраняющейся угнетающей статистики гендерного насилия с летальным исходом вызывает множество вопросов) или принятием дополнительных законов. Порой уже существующих механизмов борьбы с дискриминацией может быть достаточно при наличии возможности их разумного применения на практике и соответствующей атмосферы в обществе. Необходимо учитывать, что закон – это механизм, изменить который быстро очень сложно.

Можно принять множество дополнительных грамотно прописанных законов, но пользоваться их нормами будут в первую очередь те, кто знает, как ими манипулировать, и кто хочет получить дополнительные права, а не реальные жертвы насилия, которые чаще всего не стремятся к огласке, морально подавлены, напуганы и осторожны [13].

Особую роль в борьбе с дискриминацией должны играть создание благоприятной атмосферы в обществе, отсутствие общественного порицания, основанного на стереотипах, функционирование консультаций и центров помощи, объяснение людям обоих полов с детского возраста, что насилие, чем бы оно не прикрывалось, остается насилием, с которым необходимо бороться и которое необходимо предотвращать. Применение подобных приемов необходимо не только при борьбе с гендерной дискриминацией, но и с любыми другими нарушениями равноправия.

Явление дискриминации и ее разнообразность, гендерная дискриминация, существует во всех государствах мира и является остро стоящей проблемой (как женщин, так и мужчин), значение которой нельзя преуменьшать, но подход к ее решению должен быть комплексным, обоснованным и тщательно продуманным.

Литература

1. Авакян С. А. Конституционное право России. В 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 863 с.
2. Бусурманов Ж. Д. Евразийская концепция прав человека: новый взгляд на проблему // Евразийский юридический журнал. 2009. № 11. С. 18–27.
3. Институты конституционного права / отв. ред. А. В. Андриченко, А. Е. Постников. М.: Юриспруденция, 2011. 493 с.
4. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М.: Наука. 1986. 254 с.
5. Мустафина С. Ю. Гендерное равенство в контексте миграционной политики // Миграционное право. 2020. № 1. С. 11–15. DOI: 10.18572/2071-1182-2020-1-11-15
6. Филатова М. А. Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 19–28.
7. Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2012. 191 с.
8. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002, 443 с.
9. Яжборовская И. С. К изучению переходных процессов: национальная компонента // Форум. Переходные процессы. Проблемы СНГ. М.: Наука, 1994. С. 9–33.

⁴⁴ Декларация о равенстве между женщинами и мужчинами как главный критерий демократии (Стамбул, 13–14 ноября 1997 г.) // Женщина и общество. Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/026t.htm> (дата обращения: 19.10.2018).

⁴⁵ О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации. Проект ФЗ № 284965-3 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 16.04.2003) // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁶ HIV and AIDS and labour rights: A handbook for judges and legal professionals. Geneva: ILO, 2015. 139 p.

⁴⁷ Bowcott O. CPS to issue guidance on handling cases of abuse against men // The Guardian. 06.09.2017. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/law/2017/sep/06/cps-to-issue-guidance-on-handling-cases-of-abuse-against-men> (дата обращения: 19.10.2018).

10. Бунык Д. В. Основы понимания термина *равноправие* и идей борьбы с проявлениями дискриминации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 4. С. 365–371. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-365-371
11. Гвоздицких А. В., Лютов Н. Л. Что именно "скрывает" скрытая дискриминация в сфере труда? // Трудовое право. 2010. № 10. С. 75–88.
12. Гончаренко О. К. Анализ преамбулы Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием // Международное публичное и частное право. 2019. № 6. С. 3–6.
13. Kantola J., Agustín L. R. Gendering the representative work of the European Parliament: A political analysis of women MEP's perceptions of gender equality in party groups // Journal of Common Market Studies. 2019. Vol. 57. Iss. 4. P. 768–786. DOI: 10.1111/jcms.12885

original article

Constitutional Gender Anti-Discrimination Measures in European Model of Human Rights

Daria V. Buniak^{a, @}^a All-Russian State Center for Quality and Standardization of Medicinal Products for Animals and Feeds, Russia, Moscow[@] dariabuniak@yandex.ru

Received 18.05.2020. Accepted 06.10.2020.

Abstract: The present research featured anti-discrimination laws used in EU countries. The research objective was to describe the categories of equality, non-discrimination, and protection against discrimination within the European model of human rights, as well as to analyze their effectiveness. The article focuses on domestic violence, gender discrimination in the political sphere, and the so-called gender laws, or laws on gender-based violence. Even in the modern world, women still remain subject to discrimination. This fact justifies the development of special laws to protect their natural rights. However, the exact extent of gender discrimination remains unclear. The author raises the question of effectiveness of such laws and other legal provisions. The research featured both constitutional norms and current legislation in cases its norms develop the constitutionally significant principle of non-discrimination, as well as the practice of constitutional review bodies, special bodies, and legal awareness. The work was based on the dialectical method (logical method, analysis and synthesis, modeling), as well as on some special methods (formal legal, historical, systemic, etc.). The formal legal method was used to analyze the gender anti-discrimination norms of legislation of EU countries. The specific-historical method helped to interpret the legal events and facts that shaped the modern constitutional protection measures. The system method was used to describe the legislation of the EU states. Equality is the freedom for a person to choose their identity and occupation regardless of behavior stereotypes imposed by their community. The European model of human rights concentrates on such constitutional and legal aspects of the fight against discrimination as the legislation reform and bodies of constitutional control. However, sometimes such measures fail and might be used for manipulation.

Keywords: human and civil rights, status of the individual, gender legislation, principle of equality, equal rights, practice

For citation: Buniak D. V. Constitutional Gender Anti-Discrimination Measures in European Model of Human Rights. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 245–256. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-245-256>

References

1. Avakian S. A. *Constitutional Law of Russia*, 5th ed. Moscow: NORMA INFRA-M, 2014, vol. 1, 863. (In Russ.)
2. Busurmanov Z. D. The Euroasian concept of human rights: new sight at the problem. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2009, (11): 18–27. (In Russ.)
3. *Institutes of constitutional law*, eds. Andrichenko L. V., Postnikov A. E. Moscow: Iurisprudentsiia, 2011, 493. (In Russ.)
4. Siukiiainen L. R. *Muslim law: theory and practice*. Moscow: Nauka, 1986, 254. (In Russ.)
5. Mustafina S. Yu. Gender equality within the framework of the migration policy. *Migratsionnoe pravo*, 2020, (1): 11–15. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1182-2020-1-11-15
6. Filatova M. A. Modern issues of positive discrimination within the context of constitutional jurisprudence. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia*, 2014, (4): 19–28. (In Russ.)
7. Tomsinov V. A. *Thinker with a singing heart. Ivan Aleksandrovich Ilyin: Russian ideologist of the era of revolutions*. Moscow: Zertsalo-M, 2012, 191. (In Russ.)

8. *Human rights: results of the century, trends, and prospects*, ed. Lukashova E. A. Moscow: NORMA, 2002, 443. (In Russ.)
9. Iazhborovskaia I. S. To the study of transients: a national component. *Forum. Transients. CIS problems*. Moscow: Nauka, 1994, 9–33. (In Russ.)
10. Buniak D. V. Meaning of the term "equal rights" (equality) and ideas of tackling discrimination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(4): 365–371. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-365-371
11. Gvozditskikh A. V., Liutov N. L. What does latent discrimination hide in labor sphere? *Trudovoe pravo*, 2010, (10): 75–88. (In Russ.)
12. Goncharenko O. K. Analysis of the preamble of the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2019, (6): 3–6. (In Russ.)
13. Kantola J., Agustín L. R. Gendering the representative work of the European Parliament: A political analysis of women MEP's perceptions of gender equality in party groups. *Journal of Common Market Studies*, 2019, 57(4): 768–786. DOI: 10.1111/jcms.12885

Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве*

Нурана Х. Гурбанова^{а, @}; Семен В. Распопин^а; Николай С. Юртаев^а; Дмитрий А. Бардокин^а

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ nuranagurbanova@mail.ru

Поступила в редакцию 20.08.2020. Принята к печати 19.09.2020.

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена современными процессами регулирования рынка юридических услуг в России и суверенных государствах на постсоветском пространстве в контексте реализации права на квалифицированную юридическую помощь. В исследовании использовалась совокупность сравнительно-правовых методов (синхронное сравнение, внутрисистемное сравнение), а также проблемно-хронологический и формально-юридический методы. Проанализированы дефиниция квалифицированной юридической помощи и критерии профессиональности правовой помощи. Изучена группа субъектов, призванных оказывать квалифицированную юридическую помощь, к которым в рамках своей компетенции относятся органы публичной власти, институты гражданского общества (адвокатура, нотариат, юридические клиники, общественные объединения), коммерческие организации, созданные с целью оказания юридических услуг, физические лица, оказывающие правовую помощь на профессиональной основе. В рамках сравнительно-правового анализа исследована организация квалифицированной юридической помощи в странах Евразийского экономического союза в контексте функционирования адвокатуры. Ключевым аспектом реализации права на квалифицированную юридическую помощь является обеспечение государством существования системы оказания бесплатной юридической помощи. В этом аспекте рассмотрены российская и белорусская модели. Сделаны выводы об отсуствии законодательного закрепления дефиниции квалифицированной юридической помощи, о доминирующем положении адвокатуры в системе квалифицированной юридической помощи, представленной профессиональным сообществом юристов. Отмечается сохранение советского опыта в функционировании адвокатских образований в виде коллегий адвокатов в некоторых странах Евразийского экономического союза. Выделены особенности адвокатуры и адвокатской деятельности в странах Евразийского экономического союза: параллельная с адвокатурой практика юридических консультантов, состоящих при особых палатах и вне; признание адвокатской практики в Республике Армения предпринимательской деятельностью; правовая регламентация специализированных адвокатских образований в Республике Беларусь, которыми могут быть юридические консультации и адвокатские бюро, специализирующиеся на определенной отрасли права. При исследовании опыта оказания бесплатной юридической помощи сделан вывод о более совершенной модели правового регулирования в Российской Федерации, нежели в Республике Беларусь, в частности отмечается отсутствие в Российской Федерации нормативно установленных механизмов возложения на адвокатские образования обязанности оказывать бесплатную юридическую помощь за собственный счет. Кроме того, отечественным законодательством предусмотрен значительно более широкий круг лиц, имеющих право на получение правовой помощи бесплатно. В качестве одного из преимуществ российского правового регулирования системы бесплатной юридической помощи отмечено в достаточной степени детальное регулирование подзаконными актами статуса юридических клиник.

Ключевые слова: критерии квалифицированности юридической помощи, адвокатура, адвокатская деятельность в странах ЕАЭС, субъект оказания квалифицированной юридической помощи, бесплатная юридическая помощь

Для цитирования: Гурбанова Н. Х., Распопин С. В., Юртаев Н. С., Бардокин Д. А. Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 257–269. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-257-269>

* Публикация выполнена по материалам круглого стола «Квалифицированная юридическая помощь», состоявшегося 8 мая 2020 г. при участии представителей корпорации адвокатов Кемеровской области и магистрантов 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, профиль подготовки Правозащитная деятельность (юридический институт Кемеровского государственного университета).

Введение

Содержание термина *квалифицированная юридическая помощь*, упоминаемого в Конституции РФ¹, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (закон об адвокатуре)², ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (закон о бесплатной юридической помощи)³, не раскрывается ни в одном из этих нормативных актов. В отечественном законодательстве нет и указания на исчерпывающий перечень критериев квалифицированности такой помощи.

Зачастую в литературе отмечается, что квалифицированную юридическую помощь в России оказывают именно адвокаты, поскольку в силу ст. 1 закона об адвокатуре адвокатской деятельностью признается квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе специальными субъектами. Характеристика *квалифицированная* встречается и применительно к бесплатной юридической помощи в ст. 1 и ст. 8 закона о бесплатной юридической помощи, однако четких критериев не приводится.

Попытка дать определение квалифицированной юридической помощи была предпринята в 2009 г. в проекте ФЗ «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации», который обсуждался на протяжении нескольких лет, но так и не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ. В соответствии со ст. 2 законопроекта, под квалифицированной юридической помощью предлагалось понимать любую самостоятельную деятельность по предоставлению на постоянной профессиональной основе юридических услуг на территории РФ⁴. Но, как представляется, никакой ценности в настолько обтекаемом определении не было, поэтому сожалеть в данном случае можно лишь о плохом качестве текста самого законопроекта.

Критерии квалифицированной юридической помощи

В юридической литературе отсутствует единство в определении содержания категории *квалифицированная юридическая помощь*. А. В. Закомолдин раскрывает ее так «деятельность определенных нормами международного и внутригосударственного права субъектов – профессиональных юристов, заключающаяся в разъяснении смысла нормативно-правовых установлений и применении соответствующих правовых средств в целях защиты или восстановления прав, свобод и законных интересов каждого» [1, с. 100]. Полагаем, что наличие у субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, высшего юридического образования является объективно необходимым требованием, но далеко не единственным, поскольку под термином *квалифицированная*, как правило, понимается совокупность устойчивых

особенностей профессионала: специальные знания, умения, навыки, эффективность, надежность, качество и др. [2, с. 413; 3, с.5].

В международной практике для подтверждения квалификации специалиста может быть установлена необходимость сдачи квалификационного экзамена или прохождения испытательного срока, требование о членстве в корпорации или прохождении стажировки, могут применяться возрастные и образовательные цензы. В большинстве случаев стандарт квалифицированности юридической помощи поддерживается еще и высокими этическими качествами субъектов, оказывающих ее.

Как отмечает Г. М. Резник, квалифицированной может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву, имеющими как минимум юридическое образование, при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых профессиональным сообществом [4, с. 27].

Н. В. Полякова, В. В. Поляков, Ю. О. Баранова, рассуждая о полноте квалифицированной юридической помощи, выделяют три группы критериев оценки качества юридических услуг: 1) профессиональные (высшее юридическое образование, опыт работы, отсутствие судимости, количество выигранных дел и др.); 2) процедурные (соблюдение конфиденциальности, своевременность совершения процессуальных действий [5, с. 471], добросовестность т. е. использование всех законных средств и методов, необходимых и достаточных для скорейшего достижения желаемого результата [6, с. 251], невозможность гарантирования положительного результата и др.); 3) оценка клиентами (степень оправдания ожиданий клиента, внешний вид юриста, коммуникабельность, вежливость и приветливость юриста и др. [5, с. 474]).

Таким образом, наиболее приемлемыми чертами квалифицированности юридической помощи являются профессиональный критерий, согласно которому правовую помощь может оказывать лишь компетентное лицо, обладающее соответствующими знаниями и навыками, и качественность юридической помощи, подразумевающая оценку как самого процесса оказания юридической помощи, так и результата работы юриста. Профессионализм представителя должен определяться в связи с конкретным делом, рассматриваемым юрисдикционным органом, или с конкретным поручением, поскольку в зависимости от ситуации предпочтительными могут быть различные области и уровни квалификации. Так, в рядовом судебном споре представителю достаточно будет иметь высшее юридическое образование, позволяющее ему разобраться в специфике процессуальных и спорных материальных правоотношений. Однако, скажем, в налоговом

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс.

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации. ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Проект Федерального закона об оказании квалифицированной юридической помощи в РФ // Адвокатская палата Новосибирской области. Режим доступа: <http://www.advpalatanso.ru/novosti/366> (дата обращения: 10.07.2020).

споре объективно необходимой может оказаться квалификация аудитора. Несмотря на универсальность профессии юриста, в каждой сфере деятельности специфика правовой помощи может различаться. Данные критерии крайне сложно формализовать и, на наш взгляд, этого не нужно делать. Доверитель сам должен определить должную компетенцию своего представителя с учетом конкретных обстоятельств в условиях экономической свободы и рыночных отношений по оказанию юридических услуг.

Что касается результата юридической помощи как критерия ее качества, он в определенной степени условен. Заранее обещанный результат оказания услуги не может рассматриваться в полной мере как критерий квалифицированной юридической помощи в силу того, что исход дела зависит от множества факторов, например, от действий другой стороны в споре, субъективных убеждений судьи, поведения самого представляемого лица. Поэтому полагать, что способность представителя добиться желаемого для доверителя результата предопределена лишь знаниями и опытом представителя, ошибочно [7, с. 121]. Тем не менее залог квалифицированности оказываемой юридической помощи в том, чтобы представителем были совершены все действия, объективно необходимые для эффективной защиты прав и законных интересов доверителя в конкретной ситуации.

Субъекты оказания квалифицированной юридической помощи

Вопрос определения круга субъектов, оказывающих квалифицированную помощь, до сих пор не решен ни в отечественной юридической доктрине, ни на нормативном уровне. Традиционно исследователи отождествляют юридическую помощь и адвокатскую деятельность. Вместе с тем даже простое понимание юридической помощи как профессиональной деятельности, направленной на содействие гражданам и юридическим лицам в решении вопросов, связанных с реализацией норм права, не позволяет ограничивать круг субъектов оказания правовой помощи только адвокатской корпорацией. В данном контексте можно выделить два подхода к рассмотрению субъектного состава оказания юридической помощи.

Представители узкого подхода, как правило, относят к субъектам оказания юридической помощи правозащитные институты гражданского общества: адвокатуру, нотариат, общественные правозащитные организации и иные общественные объединения [8].

В то же время актуализация проблемы квалифицированной юридической помощи на данный момент детерминирует расширение перечня лиц и организаций, способствующих оказанию правовой помощи. В свете этого в последнее время более популярен широкий подход к определению указанного субъектного состава, в соответствии с которым юридическую помощь оказывают органы публичной власти, учреждения и организации коммерческого

(патентные поверенные, частные юридические фирмы и частнопрактикующие юристы и др.) и некоммерческого (правозащитные центры и организации [9], общественные приемные, информационно-правовые центры, юридические клиники вузов и т. п.) сектора. К органам публичной власти в данном аспекте традиционно относят прокуратуру, суды, уполномоченных по правам [10], исполнительные органы власти в пределах своей компетенции. Данный перечень дополняется муниципальными службами, юридическими службами и юрисконсультами в учреждениях и организациях [11–13].

Между тем оказание правовой помощи органами публичной власти обладает существенными специфическими чертами. В. Ю. Панченко справедливо отмечает, что юридическая помощь, оказываемая органами публичной власти, не является их основной функцией и входит в перечень их компетенции в строго определенных нормативными актами формах. Зачастую юридическое информирование и консультирование осуществляется должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления *de-facto* [14]. Поэтому рассматривать должностных лиц и публичные органы власти как субъекты оказания квалифицированной юридической помощи необходимо от иных лиц.

Проблематика отнесения органов публичной власти к субъектам оказания юридической помощи заключается в наличии публично-властных полномочий. В этой связи юридической помощью, оказываемой органами публичной власти, будут считаться действия невластного характера, поскольку властная функция органа или должностного лица не может быть признана правовой помощью. Так, применительно к деятельности судов отправление правосудия как публичная функция не может быть признано оказанием правовой помощи населению, но информирование о деятельности судов, разъяснение по вопросам правоприменения и порядка обращения в компетентные органы является фактическим оказанием правовой помощи.

Также правовой помощью следует считать предусмотренное ч. 1 ст. 27 закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁵ разъяснение гражданам порядка защиты их прав и свобод, представляющее собой информирование, консультирование или обращение прокурора в суд с заявлением в защиту прав, свобод, законных интересов в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Средства прокурорского реагирования (постановление о возбуждении уголовного дела, производство об административном правонарушении, внесение протестов, представлений, предостережений и др.), являющиеся юридически обязательными властными актами, юридической помощью не считаются [14, с. 78].

Коммерческий сектор в системе субъектов оказания юридической помощи представлен организациями различных организационно-правовых форм, индивидуальными

⁵ О прокуратуре Российской Федерации. ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС КонсультантПлюс.

предпринимателями, оказывающими юридическую помощь как вид предпринимательской деятельности. Отличительной особенностью такой юридической помощи является коммерческий характер, поскольку она имеет целью систематическое извлечение прибыли, что принципиально отличается от правовой помощи, предоставляемой адвокатами, чья деятельность в силу прямого указания закона не может быть предпринимательской⁶. В то же время, исходя из функциональной векторальности, извлечение прибыли от оказания правовой помощи не влияет на сохранение некоммерческого характера в контексте ее направленности на удовлетворение интересов клиента, реализацию их прав, свобод, законных интересов [15, с. 260].

Обращая внимание на институты гражданского общества в системе оказания юридической помощи, отметим, что адвокатура в ней занимает доминирующее положение, предопределенное нормой ст. 3 закона об адвокатуре, согласно которой адвокатура «является профессиональным сообществом адвокатов», оказывающих квалифицированную юридическую помощь в целях защиты прав, свобод и интересов доверителей, обеспечения доступа к правосудию, «не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления» и «действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов»⁷.

Особенность данного закона – раскрытие понятия *квалифицированная юридическая помощь* посредством форм адвокатской деятельности, к которым отнесены правовые консультации, подготовка и сопровождение юридических документов, представительство интересов доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, в разбирательстве дел в третейском суде, международном коммерческом арбитраже (суде) и иных органах разрешения конфликтов; защита доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях и др.

Нотариат, подобно адвокатуре, рассматривается как институт обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, чья деятельность направлена на защиту имущественных прав человека и носит превентивный характер. Оказываемая нотариусами квалифицированная юридическая помощь не ограничена разъяснением действующего законодательства лицам, обратившимся в процессе совершения нотариальных действий, а включает в себя, кроме того, обязательное проведение правовой экспертизы всех представленных документов, выяснение обстоятельств правоотношений, разъяснение участникам смысла, значения и правовых последствий сделки, проверку соответствия содержания сделки действительным намерениям сторон и требованиям законодательства, правоспособности юридического лица,

полномочий сторон и их представителей, установление личностей обратившихся за совершением нотариального действия, проверку дееспособности физических лиц и пр.

В соответствии со ст. 2 закона «О некоммерческих организациях», одной из целей создания некоммерческой организации может быть защита прав, законных интересов граждан, оказание юридической помощи⁸, что предполагает возможность отнесения таких юридических лиц к субъектам оказания юридической помощи. Более того, оказание юридической помощи на безвозмездной или льготной основе гражданам и некоммерческим организациям, правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина являются основанием для отнесения некоммерческой организации к социально-ориентированным и возможностью получения материальной поддержки за счет бюджетных средств [16].

По сфере деятельности общественные правозащитные организации могут быть классифицированы на общепрофильные объединения, занимающиеся всем спектром прав человека, и профильные, ориентированные на конкретную область юридической защиты прав и свобод человека и гражданина (защита прав инвалидов, женщин, детей-сирот, беженцев, экологических прав и т. п.).

Для целей правового регулирования и регламентации деятельности субъектов, оказывающих юридические услуги, целесообразно учитывать широкий подход к определению субъектного состава. При этом, принимая во внимание специфику правового статуса частных представителей, адвокатов, нотариусов, должностных лиц органов власти и т. д., у каждого института должна быть специфическая регламентация деятельности. Изучение вопроса квалифицированной юридической помощи должно базироваться на анализе деятельности, а не правового статуса разрозненной группы субъектов.

Организация квалифицированной юридической помощи в странах ЕАЭС в контексте функционирования адвокатуры

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, созданная в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения уровня жизни населения государств-членов. В настоящий момент в ЕАЭС входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

ЕАЭС объединяет большую часть населения и экономик стран СНГ и стремится обеспечить граждан и юридических лиц государств-членов высоким, отвечающим современным стандартам, уровнем правовой защиты. В связи с этим

⁶ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации... Ст. 1.

⁷ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации...

⁸ О некоммерческих организациях. ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС КонсультантПлюс.

представляется интересным вопрос организации квалифицированной юридической помощи и ее регулирование национальным правом государств-членов ЕАЭС. Как известно, все государства-члены ЕАЭС, являясь бывшими республиками СССР, относятся к одной и той же правовой семье (романо-германской), но национальное право каждой республики, несмотря на общее историческое прошлое, за почти тридцатилетнюю историю независимости обрело некоторые особенности. Данный процесс не обошел стороной и юридическую помощь.

Одной из особенностей регулирования оказания квалифицированной помощи на территории ЕАЭС является то, что два государства, Республика Беларусь и Республика Армения, вообще не регламентируют в конституциях право на квалифицированную юридическую помощь, оперируя правом на судебную защиту и юридическую помощь соответственно. Тем не менее, не уделяя внимания этому понятию, законодатели указанных республик в национальных законах об адвокатуре выделяют виды юридической помощи, которую не могут оказывать лица, не имеющие статуса адвоката, что, в свою очередь, позволяет в большинстве случаев, используя метод аналогии, выделить квалифицированную юридическую помощь из всего массива юридической помощи, оказываемой в данных государствах. Например, закон Республики Армения «Об адвокатуре» дает возможность лицам, не имеющим статуса адвоката, в установленных гражданским процессуальным законодательством случаях заниматься представительством в гражданском судопроизводстве⁹. Аналогично Армении допущение как профессионального, так и непрофессионального представительства наблюдается в Беларуси и Кыргызстане [2, с. 422].

Развитие законодательства о юридической помощи в Республике Казахстан происходит несколько иначе, чем в указанных государствах. Закон «Об адвокатской деятельности»¹⁰ в данной стране был принят одним из первых на постсоветском пространстве и более 20 лет регулировал вопросы адвокатской деятельности. Данный закон отождествлял понятие квалифицированной юридической помощи с адвокатской деятельностью, отражал механизм ее организации, с чем неплохо справлялся, однако тяга казахского законодателя к инновациям и необходимость реформирования некоторых институтов адвокатуры предопределили принятие нового закона в данной сфере. Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», как видно из названия, уделил внимание не только адвокатуре, но и другим видам юридических услуг,

оказываемых юридическими консультантами¹¹. Применение нового закона Казахстана направлено на обеспечение реализации закрепленного п. 3 ст. 13 Конституции Республики Казахстан права каждого на получение квалифицированной юридической помощи¹². В ст. 20 закона отражено, что квалифицированную помощь в Казахстане оказывают:

- 1) государственные органы;
- 2) адвокаты, нотариусы, частные судебные исполнители, юридические консультанты;
- 3) частные физические лица, не состоящие в корпорации юридических консультантов.

В данном случае вызывает интерес третья группа субъектов. Исходя из анализа закона, такие субъекты тоже считаются юридическими консультантами, но сфера их деятельности несколько ограничена по сравнению с лицами, состоящими в палатах юридических консультантов. Как представляется, тут налицо недостаток юридической техники. Квалифицированность юридической помощи, оказываемой данной группой субъектов должна каким-либо способом подтверждаться.

Тем не менее наличие юридических консультантов является главной отличительной особенностью законодательства Республики Казахстан от права других государств-членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере. Согласно ст. 75 закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», юридический консультант должен иметь высшее юридическое образование, как минимум двухлетний стаж работы по юридической специальности, пройти аттестацию и состоять членом палаты юридических консультантов. Деятельность юридического консультанта может быть предпринимательской или трудовой, осуществляемой на основании трудового договора, заключенного с юридическим лицом, что существенным образом отличает ее от частной, не являющейся предпринимательской, деятельности адвокатов.

В целом экспертами, в том числе международных организаций, внедрение в право Республики Казахстан нового субъекта оказания юридической помощи было встречено негативно. Например, в заключении Международного Союза (Содружества) адвокатов отмечено, что введение параллельной коммерческой «квазиадвокатуры» противоречит международным стандартам и практике [17, с. 44], не отвечает традициям и истории развития адвокатского сообщества на постсоветском пространстве и может привести к разрушению сложившегося института адвокатуры¹³.

Отличительными особенностями юридических консультантов, состоящих и не состоящих в палате юридических

⁹ ГПК Республики Армения от 27.02.2018 № ЗР-110 (в ред. от 09.02.2018) // ИС Континент.

¹⁰ Об адвокатской деятельности. Закон Республики Казахстан от 05.12.1997 № 195-І // Юрист. Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008408#pos=3;-116 (дата обращения: 10.07.2020).

¹¹ Об адвокатской деятельности и юридической помощи. Закон Республики Казахстан от 05.07.2018 № 176-VI // Юрист. Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33024087 (дата обращения: 10.07.2020).

¹² Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30.08.1995). Ст. 13. П. 3 // Юрист. Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 10.07.2020).

¹³ Независимость казахстанской адвокатуры ограничена новым законом // Адвокатская газета. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/nezavisimost-kazakhstanskoy-advokatury-ogranichena-novym-zakonom/> (дата обращения: 10.07.2020).

консультантов, является то, что первые, помимо юридического консультирования, составления правовых документов и сопровождения сделок, наделены правом представительства в суде. Палатой юридических консультантов признается саморегулируемая, основанная на обязательном членстве не менее чем 50 членов организация, созданная в целях регулирования и контроля за деятельностью по оказанию юридической помощи своих членов. Палата разрабатывает этические стандарты оказания правовой помощи и при нарушении членами корпорации законодательства и локальных актов палаты осуществляет дисциплинарное производство в отношении нарушителей. По сути, палаты юридических консультантов являются аналогом коллегий адвокатов, но, в отличие от последних, их число в Республике Казахстан не ограничено.

Формы адвокатских образований в странах ЕАЭС и России

Адвокат в Республике Казахстан вправе осуществлять свою деятельность в юридической консультации, создаваемой в структуре коллегий адвокатов, либо индивидуально без регистрации юридического лица, а также учредить самостоятельную или совместно с другими адвокатами адвокатскую контору. Коллегия адвокатов в Казахстане является некоммерческой независимой профессиональной самоуправляемой и самофинансируемой организацией адвокатов, создаваемой адвокатами для оказания юридической помощи физическим и юридическим лицам, выражения и защиты прав и законных интересов адвокатов, выполнения иных функций, установленных законодательством об адвокатуре. На региональном уровне может быть создана только одна коллегия адвокатов, и она не может иметь представительства в других регионах. Для создания коллегии требуется решение не менее чем 10 адвокатов, никакого разрешения от органов публичной власти не требуется.

Юридическая консультация является структурным подразделением (филиалом) коллегии адвокатов, создается для обеспечения доступа граждан к юридической помощи президиумом коллегии адвокатов. Подобная практика открытия юридических консультаций существовала и в советский период [18, с. 12]. Однако в отличие от Казахстана, отчасти копирующего советский опыт, в России юридическая консультация не является структурным подразделением коллегии адвокатов, это самостоятельная организационно-правовая форма адвокатского образования, учреждаемая адвокатской палатой субъекта РФ по представлению регионального органа исполнительной власти в случае, если на территории одного судебного района общее число адвокатов во всех адвокатских образованиях составляет менее двух на одного федерального судью.

В РФ сформировался несколько иной подход к учреждению и территориальной сфере деятельности коллегии адвокатов. Здесь, как и в Республике Казахстан, коллегия адвокатов является некоммерческой организацией, но может быть учреждена как минимум 2 адвокатами со стажем адвокатской деятельности не менее 3 лет. Учредители

коллегий адвокатов направляют заказным письмом в совет адвокатской палаты уведомление об ее учреждении, после чего необходимо пройти процедуру ее государственной регистрации в качестве юридического лица. Количество коллегий адвокатов в субъекте РФ законом не ограничивается. Коллегии адвокатов могут создавать свои филиалы на всей территории РФ и на территории иностранных государств.

Адвокатскими конторами в Республике Казахстан являются некоммерческие организации, созданные в целях обеспечения материальных, организационно-правовых и иных условий оказания адвокатами юридической помощи. Адвокатская контора может быть создана 1 адвокатом-членом коллегии адвокатов, и тогда она действует на основании устава, либо несколькими адвокатами-членами коллегии адвокатов, в этом случае между ними заключается партнерский договор. По партнерскому договору адвокаты обязуются объединить свои усилия для оказания юридической помощи от имени всех партнеров. Ведение общих дел адвокатской конторы осуществляется управляющим партнером. Адвокаты-партнеры (как учредители адвокатской конторы, так и принятые в нее) передают сведения о вступлении в адвокатскую контору в соответствующую коллегия адвокатов. Специального разрешения государственных органов для создания данного адвокатского формирования не требуется, но необходима государственная регистрация.

В РФ аналогом казахстанских контор является адвокатское бюро. Порядок учреждения и деятельности адвокатских бюро схож с процедурой создания адвокатских контор, однако адвокатские бюро – это организации, всегда основанные на партнерском договоре нескольких адвокатов, а у казахстанских адвокатских контор может быть и один учредитель.

В Республике Казахстан предусматривается осуществление адвокатской деятельности индивидуально без образования юридического лица. Для этого адвокату необходимо лишь сообщить в коллегия адвокатов свои фамилию, имя, отчество и место постоянного нахождения. В РФ соответствующим видом адвокатского образования является адвокатский кабинет, который может быть учрежден адвокатом, имеющим стаж адвокатской деятельности не менее трех лет. Об учреждении адвокатского кабинета в совет адвокатской палаты заказным письмом направляется уведомление, в котором указываются сведения об адвокате, место нахождения адвокатского кабинета, порядок осуществления телефонной, телеграфной, почтовой и иной связи между советом адвокатской палаты и адвокатом.

В целях представительства и защиты интересов коллегий адвокатов и адвокатов в государственных и иных организациях в Республике Казахстан и за ее пределами, координации деятельности коллегий адвокатов, обеспечения высокого уровня оказываемой адвокатами юридической помощи в Республике Казахстан существует Республиканская коллегия адвокатов. В РФ в силу ее более сложного административно-территориального устройства указанные функции в пределах своей компетенции выполняют Адвокатские палаты субъектов РФ и Федеральная палата адвокатов РФ.

Говоря об особенностях организации юридической помощи в Республике Армения, отметим, что таковая оказывается в основном адвокатами и имеет ряд существенных отличий в регулировании адвокатской деятельности от других государств ЕАЭС. Во-первых, адвокатская деятельность в Республике Армения признается предпринимательской¹⁴. Она включает юридическое консультирование и документационное сопровождение, представительство в судах и иных органах и организациях, защиту по уголовным делам. Судебное представительство и защита по уголовным делам в республике могут осуществляться в качестве предпринимательской деятельности только адвокатами, иные лица могут быть защитниками и судебными представителями без цели извлечения прибыли от оказываемых услуг. Во-вторых, отмечается отсутствие строго установленных организационно-правовых форм адвокатских образований. Закон Республики Армения «Об адвокатуре», в отличие от соответствующих законов других государств-членов ЕАЭС, не перечисляет формы адвокатских образований, которые могут быть образованы на ее территории, но в ст. 26 отсылает к ГК, закрепляя право адвокатов избирать любую организационно-правовую форму, предусмотренную законодательством Республики Армения.

Координирует деятельность адвокатов, обеспечивает принятие и соблюдение этических норм и правил, организацию профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации адвокатов Палата адвокатов Республики Армения, которая совмещает в себе функции Адвокатских палат субъектов РФ и Федеральной палаты адвокатов РФ применительно к Республике Армения, что в силу небольшого размера территории данного государства делает подобную организацию единственной в своем роде.

Применительно к организационно-правовым формам осуществления адвокатской деятельности законодательство Кыргызской Республики наиболее приближено к правовой системе РФ. Как и в России, в Кыргызской Республике для осуществления адвокатской деятельности могут быть созданы коллегии адвокатов, адвокатские бюро и адвокатские кабинеты. Последние, как и в РФ, не могут иметь статус юридического лица. Отличием системы адвокатских образований Киргизии является отсутствие формы юридической консультации.

Согласно закону «Об адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», адвокатура – «это самоуправляемое профессиональное сообщество адвокатов, основанное на обязательном членстве в нем адвокатов Кыргызской Республики, создаваемое на основе общности профессиональных интересов, призванное

выражать и защищать их интересы, содействовать повышению квалификации адвокатов и развитию адвокатской деятельности»¹⁵.

В то же время особенность адвокатуры Кыргызской Республики заключается в том, что она является единственным некоммерческим юридическим лицом с самостоятельной организационно-правовой формой – Адвокатура. Также в Киргизии предусматривается такая организационно-правовая форма, как филиал. В форме филиалов действуют т. н. территориальные адвокатуры (по одной на область и города Бишкек и Ош). Стоит отметить различие в российской и кыргызской юридической терминологии, в частности в ГК РФ филиал рассматривается не как организационно-правовая форма юридического лица, а как его обособленное подразделение, расположенное вне места его нахождения и осуществляющее все его функции или их часть, в том числе функции представительства. Территориальные адвокатуры Кыргызской Республики функционально приравниваются к адвокатским палатам субъектов РФ.

В Кыргызской Республике принят закон «О гарантированной государством юридической помощи», согласно которому дифференцируются понятия *консультативно-правовая помощь* и *квалифицированная юридическая помощь*: первую могут оказывать должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, помощники адвокатов, коммерческие и некоммерческие организации, юридические клиники и физические лица, а вторую – адвокаты, включенные в Государственный реестр адвокатов по оказанию квалифицированной юридической помощи¹⁶. Данный закон перечисляет виды и формы юридической помощи, гарантированной государством, и устанавливает категории лиц, которые могут претендовать на ее получение.

Участие адвокатов в оказании гарантированной государством юридической помощи обеспечивается территориальными адвокатурами областей, городов Бишкек и Ош, взаимодействующими с Центром по координации гарантированной государством юридической помощи. Уполномоченный орган Кыргызской Республики ежегодно заключает с адвокатами договоры об оказании квалифицированной юридической помощи, оплачивая оказанные услуги за счет средств государственного бюджета.

Особенность закона об адвокатуре в Республике Беларусь заключается в том, что в нем законодатель оперирует термином *юридическая помощь*, игнорируя понятие *квалифицированная*. Квалификация адвоката подтверждается сдачей квалификационного экзамена. Адвокаты вправе осуществлять адвокатскую деятельность в адвокатском

¹⁴ Об адвокатуре. Закон Республики Армения от 13.01.2005 № ЗР-29 (в ред. от 17.09.2020). Ст. 5 // Национальное Собрание РА. Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2255&lang=rus> (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁵ Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности. Закон Кыргызской Республики от 14.07.2014 № 135 (с изм. по сост. на 19.04.2017) // ИС Континент.

¹⁶ О гарантированной государством юридической помощи. Закон Кыргызской Республики от 16.12.2016 № 201. Ст. 11 // ИС Континент.

образовании, учреждаемом в организационно-правовой форме юридической консультации или адвокатского бюро¹⁷. При этом юридические консультации, следуя советскому опыту, образуются территориальными коллегиями адвокатов в районах, городах, административных районах внутри муниципалитета для оказания юридической помощи физическим и юридическим лицам и обеспечения ее доступности. Юридические консультации не являются юридическими лицами. Не используя термин *адвокатский кабинет*, закон Республики Беларусь допускает индивидуальную адвокатскую деятельность.

Уникальной чертой данного закона является регламентация специализированных адвокатских образований, которыми могут быть юридические консультации и адвокатские бюро, специализирующиеся на определенной отрасли права¹⁸. Органами адвокатского самоуправления в Республике Беларусь являются съезд адвокатов и коллегии адвокатов, которые и осуществляют дисциплинарный контроль за деятельностью адвокатов на предмет качества оказываемой юридической помощи.

Нам удалось исследовать основные различия в организации квалифицированной юридической помощи в государствах-членах ЕАЭС. Некоторые моменты, например признание адвокатской деятельности в Армении предпринимательской и соответствующее построение системы оказания юридической помощи или существование в Казахстане юридических консультантов как структуры, параллельной адвокатуре, довольно интересны и в перспективе могли бы быть объектом самостоятельного исследования, а соответствующий зарубежный опыт учтен при реформировании институтов адвокатуры и профессионального представительства в РФ.

Бесплатная юридическая помощь в системе квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации и Республике Беларусь

Дипломатические отношения между Белоруссией и Россией сложились еще в 1992 г., с тех пор эти страны тесно взаимодействуют в сфере культуры, образования, экономики и т. д. В этой связи представляется интересным провести правовой анализ в области конституционного права на квалифицированную юридическую помощь и доступ к правосудию в разрезе системы оказания бесплатной юридической помощи на территории этих стран.

В Конституциях указанных стран имеется закрепленная норма о праве на юридическую помощь. Согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи»¹⁹.

В ст. 62 Конституции Республики Беларусь гарантируется «право на юридическую помощь для осуществления защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами»²⁰. Отдельно отметим, что данная конституционная норма включает предоставление такой помощи за счет государственных средств или бесплатно в случаях, предусмотренных законом.

Приведенные конституционные положения свидетельствуют о том, что бесплатная юридическая помощь оказывается субъектами на профессиональной основе, т. е. презюмируется как квалифицированная. Данный тезис подтверждается, кроме того, определением конкретных категорий дел, правовая помощь по которым оказывается безвозмездно, в самом законе «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь». Так, в п. 2 и п. 3 ст. 28 указаны случаи, когда юридическая помощь, оказываемая адвокатами, оплачивается из бюджета республики: «юридическая помощь по вопросам социальной защиты и реабилитации жертвам торговли людьми, а в случае недостижения ими четырнадцатилетнего возраста – их законным представителям, лицам, пострадавшим в результате акта терроризма»; «юридическая помощь подозреваемому или обвиняемому... в случае участия адвоката в дознании, предварительном следствии и судебном разбирательстве по назначению»²¹.

В п. 1 ст. 28 закона говорится об оказании бесплатной помощи, оплачиваемой за счет средств коллегии адвокатов: по представлению интересов истцов по трудовым спорам и делам о взыскании алиментов при производстве в суде первой инстанции; по консультированию в устной форме ветеранов Великой Отечественной войны, инвалидов I и II групп; по составлению заявлений по вопросам назначения пенсий и пособий по просьбам граждан; по представлению интересов несовершеннолетних и их законных представителей в делах о защите прав и законных интересов несовершеннолетних²². В данном аспекте белорусский законодатель взял за основу норму ст. 11 закона СССР «Об адвокатуре» от 30.11.1979 г., в соответствии с которой коллегии адвокатов оказывали бесплатно юридическую помощь истцам в судах первой инстанции при ведении дел о взыскании алиментов и трудовых дел, а также гражданам при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий [2, с. 419]. Бесплатная юридическая помощь может быть оказана и иным категориям граждан по решению

¹⁷ Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 № 334-З по сост. на 11.07.2017 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2012. № 2. 2/1884.

¹⁸ Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь... Ст. 32.

¹⁹ Конституция РФ...

²⁰ Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994. № 2875-ХП // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 1. 1/10.

²¹ Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь... Ст. 28. П. 2, 3.

²² Там же. Ст. 28. П. 1.

коллегии адвокатов и за ее счет, какое-либо бюджетное финансирование или компенсация понесенных адвокатским образованием затрат на нормативном уровне в Белоруссии не предусмотрена. Позиция белорусского законодателя в этом вопросе направлена на финансовое обременение лиц, оказывающих правовую помощь. Представляется, соответствующее вменение в условиях рыночной экономики должно отрицательно сказываться на качестве работы.

Российский законодатель освободил адвокатские образования от оказания бесплатной юридической помощи за счет их собственных средств: «оплата труда адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсация их расходов являются расходным обязательством субъекта Российской Федерации»²³. Российским законом о бесплатной юридической помощи обязанность по оплате мероприятий, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи, возложена на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и подведомственные им учреждения.

В Республике Беларусь к субъектам, оказывающим различные виды юридической помощи, в том числе правовое просвещение, отнесены как органы власти и местного самоуправления в лице работников юридических служб, включая органы правосудия в лице судей и работников общих судов, так и институты гражданского общества (нотариусы, адвокаты, общественные объединения, юридические клиники при вузах), индивидуальные предприниматели, имеющие лицензии на оказание юридических услуг и иные лица в пределах, установленных законами и их функциональной направленностью. Один из наиболее значимых субъектов оказания бесплатной юридической помощи – юридические клиники. Создавая в своей структуре клиники, юридические факультеты и вузы стремятся решить две фундаментальные задачи. Первая – обучить студентов практическим навыкам. Вторая – оказать бесплатную юридическую помощь социально уязвимой категории граждан (малоимущим, пенсионерам и т. п.) [19, с. 8].

Вместе с тем можно сделать вывод, что в Республике Беларусь довольно скудная правовая база по оказанию бесплатной юридической помощи и должным образом не предусмотрены механизмы по ее оказанию в контексте конституционного права на судебную защиту. Как следствие, колоссальная нагрузка по оказанию бесплатной юридической помощи ложится на плечи адвокатов.

В России субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь населению, образуют две системы: государственную и негосударственную. Государственная система охватывает «федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы

исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов, государственные юридические бюро»²⁴. Адвокаты, нотариусы и другие субъекты, осуществляющие бесплатную юридическую помощь, имеют возможность наделяться правом участия в государственной системе бесплатной юридической помощи. «Участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи»²⁵.

Закон о бесплатной юридической помощи впервые установил само понятие юридической клиники, определил ее цели, назначение, легализовал оказание бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера [20, с. 222]. В настоящее время правовой статус студенческих юридических клиник определен Приказом Министерства образования и науки от 28 ноября 2012 г. № 994 «Об утверждении порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи»²⁶, принятым в развитие закона о бесплатной юридической помощи [20, с. 223].

Помимо дифференциации субъектов оказания бесплатной юридической помощи в законе о бесплатной юридической помощи конкретизируются категории лиц, нуждающихся в безвозмездной правовой помощи²⁶. К таковым, в частности, относятся:

1. Социально уязвимые группы лиц:

- малоимущие, чей доход определяется величиной прожиточного минимума;
- граждане пожилого возраста, проживающие в организациях социального обслуживания;
- ветераны Великой Отечественной войны;
- дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей;
- граждане, признанные судом недееспособными, или их законные представители;
- несовершеннолетние, содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, и их законные представители;
- граждане, пострадавшие в результате чрезвычайной ситуации.

2. Лица с ограниченными возможностями здоровья (инвалиды I, II группы, инвалиды, проживающие

²³ Там же. Ст. 26.

²⁴ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации... Ст. 16.

²⁵ Там же. Ст. 22.

²⁶ Там же. Ст. 20.

в организациях социального обслуживания, граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»).

3. Лица, желающие принять на воспитание в свою семью ребенка, или усыновители по вопросам устройства ребенка или обеспечения и защиты прав и законных интересов усыновленных детей.

4. Граждане, которым право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи предоставлено в соответствии с иными федеральными законами и законами субъектов РФ.

В свете этого можно говорить, что перечень лиц, которые могут обратиться за бесплатной юридической помощью в РФ шире, нежели в Республике Беларусь. Однако российское регулирование системы оказания бесплатной юридической помощи не безукоризненно. Обращая внимание на закон о бесплатной юридической помощи, стоит отметить положения, требующие дальнейшего усовершенствования.

Право на бесплатную юридическую помощь имеют малоимущие граждане, чей правовой статус определяется величиной прожиточного минимума. Величина прожиточного минимума, несмотря на периодические изменения, варьируется от 10 тыс. руб. до 11,5 тыс. руб. Трудно представить одиноко проживающего гражданина, чей доход будет составлять, к примеру, 15 тыс. руб. в месяц (т. е. незначительно выше суммы прожиточного минимума), способного оплатить юридические услуги по их рыночной цене. Поэтому объективно необходимо установление адекватного имущественного порога, при недостижении которого юридическая помощь будет оказываться лицу бесплатно [21, с. 46; 22, с. 65].

Рассматривая бесплатную юридическую помощь, которая должна соответствовать конституционному критерию квалифицированной юридической помощи, необходимо отметить диссонирующие положения. С одной стороны, указанный федеральный закон регламентирует оказание бесплатной правовой помощи только лицами, имеющими высшее юридическое образование (ст. 8). С другой стороны, этим же законом в качестве участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи выделяются юридические клиники в лице обучающихся по юридической специальности в образовательных организациях высшего образования (ст. 23). Учитывая, что основными критериями квалифицированной юридической помощи являются квалификация и качество, в данном случае оказание такой юридической услуги под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование и ответственных за обучение указанных лиц, деятельность юридической клиники и усеченный вариант помощи в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, усугубленной проводимой государственной политики

по урегулированию рынка юридических услуг [23], подпадает под квазиквалифицированную юридическую помощь.

Заявленные в качестве субъектов оказания бесплатной юридической помощи государственные юридические бюро, по сути, функционируют лишь в нескольких субъектах РФ, где создавались изначально экспериментально. Вместе с тем, исходя из начал Основного закона РФ («Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» и «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»²⁷), именно государственные юридические бюро должны стать основными субъектами оказания квалифицированной бесплатной юридической помощи.

Заключение

Юридической помощью необходимо признавать помощь, осуществляемую правовыми средствами, направленную на разрешение проблемной правовой ситуации, а субъектами оказания таковой могут быть как юристы, так и непрофессиональные представители. Следуя толкованию конституционной гарантии права на квалифицированную юридическую помощь, под квалификацией следует понимать уровень и вид профессиональной подготовки, обусловленной образованием и опытом (совокупностью приобретенных и реализуемых знаний, умений и навыков).

В законодательстве РФ отсутствует четкое определение квалифицированной юридической помощи, субъектов оказания профессиональной правовой помощи. Традиционно квалифицированной юридической помощью считают оказание таковой адвокатами и нотариусами в силу законодательного предъявления к ним требований об уровне образования, сдаче квалификационного экзамена, дисциплинарного контроля, видах юридических услуг. К субъектам оказания квалифицированной юридической помощи стоит относить и органы публичной власти, которые *de facto* в рамках своей компетенции призваны оказывать юридическую помощь как невластное профессиональное и организованное содействие реализации правовых возможностей. Не стоит исключать из круга субъектов и коммерческие организации, созданные в целях оказания юридических услуг, общественные объединения, прямо или косвенно задействованные в оказании юридической помощи.

Говоря об адвокатуре как основном, но далеко не единственном институте, призванном осуществлять квалифицированную юридическую помощь, отметим, что, несмотря на историческое единство и развитие в советский период, законодательство об адвокатской деятельности в бывших советских республиках характеризуется и сходными чертами, и особенностями, получившими свое развитие в период суверенности формирования правовых систем. В ряде случаев прослеживается советское наследие в части функционирования адвокатских образований или оказания бесплатной юридической помощи.

²⁷ Конституция РФ... Ст. 2, 7.

Литература

1. Закомолдин А. В. О проекте Федерального закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2009. № 2. С. 99–102.
2. Гаврилова А. В. Развитие института квалифицированной юридической помощи в России и на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 410–437. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437
3. Панченко В. Ю. О понятии юридической помощи // Государство и право. 2012. № 12. С. 5–12.
4. Резник Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25–27.
5. Полякова Н. В., Поляков В. В., Баранова Ю. О. Критерии качества юридических услуг, предоставляемых гражданам // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 4. С. 468–477. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).468-477
6. Кучерена А. Г. Адвокатура. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2009. 751 с.
7. Кратенко М. В. Доступность юридической помощи и некоторые виды договоров о ее оказании // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 30 октября 2013 г.) Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 117–121.
8. Стремоухов А. В. Человек и его правовая защита: Теорет. пробл. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т МВД России, 1996. 375 с.
9. Гаврилова А. В. Трансформация диссидентско-правозащитного движения в неправительственные правозащитные организации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 4. С. 152–154.
10. Тарло Е. Г. Роль адвокатуры в системе обеспечения конституционного права на юридическую помощь. М.: ИМПЭ, 2001. 222 с.
11. Куричев Ю. А. Доступность юридической помощи – общий принцип правосудия // Известия вузов. Правоведение. 1990. № 5. С. 68–72.
12. Качалов В. И., Качалова О. В. Юридическая помощь в Российской Федерации. М.: ЭКСМОС, 2002. 205 с.
13. Манафов А. Г. Конституционное право граждан на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 185 с.
14. Панченко В. Ю. Органы публичной власти как субъекты оказания юридической помощи в современной России // Современное право. 2012. № 5. С. 76–80.
15. Панченко В. Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории). М.: Директ-Медиа, 2014. 279 с.
16. Гаврилова А. В. Общественные объединения в правозащитной деятельности. Кемерово: КемГУ, 2016. 233 с.
17. Сизинцев С. В. Независимость казахстанской адвокатуры ограничена новым законом // Московский адвокат. 2019. № 3. С. 41–46.
18. Гаврилов С. О. Завершение формирования организационной модели советской адвокатуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3. С. 10–15.
19. Казарян С. А. Сравнительный анализ законодательства, регулирующего оказание бесплатной юридической помощи на территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Новый юридический вестник. 2018. № 1. С. 6–10.
20. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. М.: Проспект, 2019. 432 с. DOI: 10.31085/9785392296811-2019-432
21. Резник Е. С. Актуальные вопросы оказания бесплатной юридической помощи и направления совершенствования законодательства // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 1. С. 43–54.
22. Пресняков М. В., Васильев А. А. Получатели бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Закон. 2012. № 11. С. 63–72.
23. Дружинина Ю. Ф., Трезубов Е. С. Профессиональное представительство в цивилистическом процессе в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 165–172. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172

Current Issues of Qualified Legal Assistance in the Post-Soviet Space*

Nurana H. Gurbanova^a@; Semen V. Raspopin^a; Nikolai S. Iurtaev^a; Dmitrii A. Bardokin^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@nuranagurbanova@mail.ru

Received 20.08.2020. Accepted 19.09.2020.

Abstract: Modern processes of regulation of the legal market in Russia and other post-Soviet countries take place in the context of the right to qualified legal assistance. The authors used a set of such comparative legal methods as synchronous and intra-system comparison, as well as problem-chronological and formal legal methods. The paper focuses on the definition of qualified legal assistance and its criteria. The research involved a group of entities that provide qualified legal assistance: public authorities, civil society institutions, i.e. bar, notary, legal clinics, public associations, etc., commercial organizations, and individual lawyers. The comparative legal analysis featured qualified legal assistance in the countries of the Eurasian Economic Union. A key aspect of the right to qualified legal assistance is the state system of legal aid. The article describes Russian and Belarusian models. The authors believe that there is no appropriate definition of qualified legal aid and that the bar holds the dominant position in the professional lawyers' community. Some countries of the Eurasian Economic Union preserved Soviet experience of bar associations. These countries demonstrate some specific traits of advocacy activities. For instance, institutions of legal consultants function as an alternative to the bar. The Republic of Armenia declared legal practice a business activity. The Republic of Belarus legally regulates specialized bar associations, e.g. legal counseling and law firms that specialize in a particular branch of law. As for free legal assistance, Russian model proved to be more advanced than that of Belarus, as Russia has no statutory mechanisms for obliging legal firms to provide free legal assistance at their own expense. In addition, Russia has a wider range of population categories entitled to receive free legal aid. Another advantage of the Russian free legal aid system is a detailed regulation of the status of legal clinics.

Keywords: criteria for qualification of legal assistance, advocacy, advocacy in the Eurasian Economic Union, subject of providing qualified legal assistance, free legal assistance

For citation: Gurbanova N. H., Raspopin S. V., Iurtaev N. S., Bardokin D. A. Current Issues of Qualified Legal Assistance in the Post-Soviet Space. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 257–269. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-257-269>

References

1. Zakomoldin A. V. On the draft Federal law "On providing qualified legal assistance in the Russian Federation". *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya "Pravo"*, 2009, (2): 99–102. (In Russ.)
2. Gavrilova A. V. Development of the institute of qualified legal assistance in Russia and the former Soviet Union. *RUDN Journal of Law*, 2020, 24(2): 410–437. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437
3. Panchenko V. Yu. On the concept of legal aid. *State and Law*, 2012, (12): 5–12. (In Russ.)
4. Reznik G. M. On the question of the constitutional content of the concept "qualified legal assistance". *Advokat*, 2007, (4): 25–27. (In Russ.)
5. Polyakova N. V., Polyakov V. V., Baranova Ju. O. Criteria for the quality of legal services provided to citizens. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, 27(4): 468–477. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).468-477
6. Kucherena A. G. *Advocacy*, 2nd ed. Moscow: Iurist, 2009, 751. (In Russ.)
7. Kratenko M. V. Availability of legal aid and some types of contracts for its provision. *Problems of the formation of a legal social state in modern Russia: Proc. IX All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Novosibirsk, October 30, 2013. Novosibirsk, 2013, vol. 2, 117–121. (In Russ.)
8. Stremoukhov A. V. *Man and their legal protection: Theoretical issues*. St. Petersburg: S.-Peterb. iurid. in-t MVD Rossii, 1996, 375. (In Russ.)
9. Gavrilova A. V. Transformation of the dissident human rights movement into non-governmental human rights organizations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (4): 152–154. (In Russ.)
10. Tarlo E. G. *The role of the bar in the system of ensuring the constitutional right to legal aid*. Moscow: IMPE, 2001, 222. (In Russ.)

* The publication is based on the materials of the round table "Qualified Legal Aid" (May 8, 2020) for the corporation of lawyers of the Kemerovo region and first-year Master students of the Law Institute of Kemerovo State University.

11. Kurichev Yu. A. Availability of legal advice – A general principle of justice. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 1990, (5): 68–72. (In Russ.)
12. Kachalov V. I., Kachalova O. V. *Legal aid in the Russian Federation*. Moscow: EKSMOS, 2002, 205. (In Russ.)
13. Manafov A. G. *The constitutional right of citizens to qualified legal assistance in the Russian Federation*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2002, 185. (In Russ.)
14. Panchenko V. Yu. Public authorities as the parties of legal aid in contemporary Russia. *Sovremennoe pravo*, 2012, (5): 76–80. (In Russ.)
15. Panchenko V. Yu. *Legal aid (questions of general theory)*. Moscow: Direkt-Media, 2014, 279. (In Russ.)
16. Gavrilo A. V. *Public associations in human rights activities*. Kemerovo: KemGU, 2016, 233. (In Russ.)
17. Sizintsev S. V. Independence of the Kazakh bar is limited by the new law. *Moskovskii advokat*, 2019, (3): 41–46. (In Russ.)
18. Gavrilov S. O. Completion of forming the organizational model of Soviet bar. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2016, (3): 10–15. (In Russ.)
19. Kazarian S. A. Comparative analysis of legislation regulating the provision of free legal aid in the territory of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, and the Russian Federation. *Novyi iuridicheskii vestnik*, 2018, (1): 6–10. (In Russ.)
20. *The history and modern trends in the development of the civil society and the state: the human rights aspect*, eds. Gavrilov S. O., Gavrilo A. V. Moscow: Prospekt, 2019, 432. (In Russ.) DOI: 10.31085/9785392296811-2019-432
21. Reznik E. S. Topical issues of free legal aid and ways of improving legislation. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2017, (1): 43–54. (In Russ.)
22. Presnyakov M. V., Vasilev A. A. Recipients of free legal aid in the Russian Federation. *Zakon*, 2012, (11): 63–72. (In Russ.)
23. Druzhinina Yu. F., Trezubov E. S. Professional representation in the civil court under the judicial reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 165–172. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172

Проблемы аннулирования служебного контракта

Сергей В. Кичигин^{a, @, ID}

^a Спортивная школа олимпийского резерва по боксу имени заслуженного тренера СССР В. П. Курегешева, Россия, г. Кемерово

@ 76-42-50@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-0187-145X>

Поступила в редакцию 15.06.2020. Принята к печати 20.07.2020.

Аннотация: Вопрос возможности аннулирования служебного контракта в силу специфики регулирования трудовых отношений с государственными и муниципальными служащими является дискуссионным и до настоящего времени неразрешенным в науке отечественного трудового права, что создает ситуацию неопределенности в работе кадровых подразделений органов власти и местного самоуправления. Сложность субсидиарного применения общих норм трудового законодательства и норм специальных законов, регулирующих деятельность отдельных категорий работников, существует вследствие неясности пределов разграничения сфер действия общих и специальных норм трудового законодательства в отношении государственных и муниципальных служащих, а также пределов правового регулирования трудовых отношений с названными категориями работников с применением общих норм действующего трудового законодательства. В настоящей статье приведены и проанализированы имеющие место в практике кадровых подразделений органов власти подходы к разрешению вопроса о возможности и правомерности аннулирования служебного контракта, сделан вывод об отсутствии адекватного правового механизма реагирования на неявку работника на работу в день ее начала.

Ключевые слова: процедура аннулирования, трудовое право, государственная служба, муниципальная служба, трудовой кодекс, субсидиарное применение

Для цитирования: Кичигин С. В. Проблемы аннулирования служебного контракта // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 270–277. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-270-277>

Введение

Процедура аннулирования трудового договора появилась в отечественном трудовом праве с принятием Трудового кодекса РФ (ТК РФ) как закономерное следствие развития идей об особом порядке прекращения отношений между сторонами в случае, когда заключенный трудовой договор не привел к возникновению трудовых отношений. Данная процедура представляет собой механизм правового реагирования работодателя на факт неявки работника на работу в день ее начала. В ситуации, когда работник, с которым был заключен трудовой договор, не приступил к выполнению своих трудовых обязанностей в первый рабочий день, работодатель вправе в одностороннем порядке аннулировать заключенный ранее трудовой договор. Данный институт трудового права существенно отличается от расторжения трудового договора, которое возможно только в ситуации вступившего в силу трудового договора и возникших трудовых отношений. При аннулировании трудовой договор не прекращается по тем или иным основаниям, а признается незаключенным, т. е. имеет место применение технико-юридического приема фикции. Аннулирование имеет ряд иных существенных отличий от прекращения трудового договора, среди которых можно назвать упрощенность процедуры аннулирования трудового договора; отсутствие

правового значения наличия вины работника в том, что он не приступил к работе в определенный сторонами день ее начала; наличие ограничений на применение данной процедуры к части трудовых договоров, выделяемых законодателем по тем или иным основаниям.

В общем массиве трудовых договоров действующим трудовым законодательством РФ выделен специальный вид трудового договора – служебный контракт, заключаемый с государственными и муниципальными служащими (в этом последнем случае контракт не имеет приставки «служебный»).

Трудовые отношения с названными выше категориями работников регулируются нормами отдельных федеральных законов, а в случае с государственными гражданскими служащими субъекта РФ и муниципальными служащими – еще и законодательством субъектов РФ¹. Согласно ч. 7 ст. 11 ТК РФ на государственных и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ о государственной и муниципальной службе.

¹ Правовое регулирование отношений, связанных с государственной гражданской и муниципальной службой, осуществляется также и иными видами нормативных правовых актов. Здесь мы, однако, идем на намеренное упрощение с целью концентрации внимания на ключевых моментах.

Тексты самих федеральных законов, регулирующих труд названных выше отдельных категорий работников, содержат указание на субсидиарное применение к отношениям, связанным с государственной и муниципальной службой, общих норм трудового законодательства². В качестве примеров нормативного установления правила субсидиарного применения к трудовым отношениям с названными категориями работников норм ТК РФ можно привести положения следующих федеральных законов:

- ч. 2 ст. 2 ФЗ от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»³;
- ст. 73 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴;
- ч. 2 ст. 3 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵;
- ч. 2 ст. 2 ФЗ от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"»⁶;
- ч. 2 ст. 2 ФЗ от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷.

Такого рода субсидиарное применение норм ТК РФ к трудовым отношениям названных категорий работников «охватывает не только отдельные нормы ТК РФ, но и целые его институты» [1, с. 69], дополняя нормы специального законодательства и восполняя имеющиеся в нем пробелы. При всех объективно существующих особенностях статуса государственных и муниципальных служащих и самих трудовых отношений в процессе прохождения государственной или муниципальной службы правовое регулирование трудовых отношений этих категорий работников осуществляется в тесной взаимосвязи норм специальных федеральных законов с нормами ТК РФ [2].

Нужно заметить, что в действующей системе трудового законодательства отсутствует нормативно определенное

или устоявшееся в практике четкое правило, определяющее порядок применения общих норм ТК РФ к трудовым отношениям с интересующими нас категориями работников [3]. Имеющееся в законе указание на необходимое условие, при котором возможно применение общих норм ТК РФ к трудовым отношениям названных специальных категорий работников – отсутствие специальной правовой нормы, регулирующей тот или иной вопрос, нельзя признать достаточным для уверенного и непротиворечивого разрешения спорных ситуаций.

Объективная реальность и сама природа человеческого поведения говорят нам, что было бы неправильным исключать возможность возникновения ситуации невыхода служащего на работу в день ее начала (безотносительно причин неявки) после заключения служебного контракта и назначения гражданина на должность государственной или муниципальной службы. Если предположить отсутствие у нанимателя (представителя нанимателя) возможности аннулировать служебный контракт, то какие можно предложить правовые механизмы разрешения сложившейся ситуации?

В практике работы кадровых подразделений федеральных органов власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления зачастую имеет место сложившаяся традиция искать ответы на вопросы из сферы трудовых отношений только в нормах специальных законов, стараясь не вступать на территорию субсидиарного применения общих норм ТК РФ. Можно предположить, что такое поведение служащих кадровых подразделений органов государственной и муниципальной власти является следствием восприятия себя как некой исключительной категории работников в русле общей тенденции отчуждения себя от общества, о которой писал еще Ф. Энгельс [4]. Для уверенного применения кадровыми службами органов власти к государственным и муниципальным служащим норм ТК РФ зачастую требуется прямое на то указание, например в ведомственной инструкции или ином правовом акте [5].

Следствием такого подхода стало то, что при рассмотрении вопроса о возможности или невозможности аннулирования служебного контракта нормы ст. 61 ТК РФ не принимаются во внимание⁸.

² Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ (ВС РФ) 22.06.2016 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 10; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета РФ, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба). Утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 10.

³ О муниципальной службе в РФ. ФЗ от 02.03.2007 № 25-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

⁴ О государственной гражданской службе РФ. ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

⁵ О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

⁶ О службе в уголовно-исполнительной системе РФ и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». ФЗ от 19.07.2018 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4532.

⁷ О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 23.05.2016 № 141-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3089.

⁸ Письмо Управления кадров, государственной, муниципальной службы и наград Аппарата Правительства Ставропольского края от 21.05.2019 № 31-19/8088; Письмо департамента государственной, муниципальной службы, противодействия коррупции Аппарата Главы администрации Тамбовской области от 23.04.2019 № ПО-2572-Р/2019; Письмо комитета государственной службы и кадров администрации Курской области от 26.04.2019 № 02.3-09/879 (документы получены лично автором в ответ на обращения в органы власти).

В научной литературе вопрос о возможности аннулирования служебного контракта не получил должного освещения. Как правило, данная проблематика затрагивается при исследовании других, смежных вопросов [6].

Аргументы в пользу невозможности аннулирования служебного контракта и их критика

В ряде случаев субъектами трудовых правоотношений делается вывод об отсутствии правовых оснований для применения к служебным контрактам процедуры аннулирования на основе того, что ч. 7 ст. 11 ТК РФ в отношении регулирования трудовых отношений с государственными и муниципальными служащими установлено главенство норм специальных федеральных законов, а нормами этих законов процедура аннулирования служебных контрактов не предусмотрена, как отсутствует в них и прямое указание на возможность ее применения к служебным контрактам.

Данная позиция представляет собой пример предельно поверхностной интерпретации правовых норм. Тем не менее такое понимание проблемы приводит к достаточно интересным практическим выводам: поскольку в рамках данного подхода аннулирование служебного контракта представляется невозможным, а потребность в механизме действий в ситуации неявки работника на работу в день ее начала является объективной и осознанной, то кадровые подразделения нанимателя (представителя нанимателя) вернулись к практике полувековой давности – отмене распоряжения о назначении на должность. Поскольку служебный контракт вступает в силу либо а) со дня его заключения (ч. 5 ст. 13 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также, вероятно, в случае с контрактами муниципальных служащих и служащих уголовно-исполнительной системы, поскольку ФЗ от 19.07.2018 № 197-ФЗ и ФЗ от 02.03.2007 № 25-ФЗ не определяют момент вступления в силу служебного контракта), либо б) со дня, определенного приказом руководителя (ч. 1 ст. 20 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел...», ч. 1 ст. 20 ФЗ от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе...»), нет необходимости заключения служебного контракта до дня фактического начала работы служащим. А приказ (распоряжение) о назначении на должность, изданный до заключения служебного контракта и начала служащим работы, сам по себе не ведет к возникновению трудовых отношений и в случае неявки служащего на работу в день ее начала может быть отменен, минуя процедуру аннулирования. Кроме того, распорядительный акт о назначении на должность

может быть издан в день начала работы, когда работник уже приступил к исполнению своих служебных обязанностей⁹.

При этом не все сторонники данного подхода приходят к описанным выше практическим рекомендациям. Гораздо чаще, рассуждая в рамках представления об исключительности данных категорий работников и неприменимости к ним общих норм трудового законодательства, делают вывод, что в случае неявки работника на работу в день ее начала служебный контракт с ним должен быть расторгнут в связи с фактом прогула¹⁰. Данный подход, предполагающий расторжение служебного контракта, не перешедшего в стадию исполнения, был подвергнут обоснованной критике и признан неверным еще в 1970-х гг. [7; 8]. Однако, как мы видим, этот подход и сегодня находит свое отражение в научной литературе и в применении на практике. Например, немногим более десяти лет назад Е. А. Ершова в рассматриваемой ситуации предлагала не аннулировать, а именно расторгать служебный контракт по пп. «а» п. 3 ст. 37 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ (прогул) [9]. С этим подходом нельзя согласиться в силу обозначенного выше существенного различия процедур расторжения и аннулирования трудового договора.

Позицию невозможности аннулирования служебных контрактов занимает в частности профессор С. Е. Чаннов, полагающий, что отмена акта о назначении на должность «возможна только по основаниям, предусмотренным гл. 6 ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации"» [10, с. 10]. По нашему мнению, такая позиция, хотя она, безусловно, имеет определенное нормативное обоснование, является не вполне правильной и не отражающей в полной мере смысла, который вкладывал законодатель в формулируемый им текст правовой нормы. Нельзя не отметить, что в процитированной работе происходит наложение друг на друга понятий отмены распорядительного акта о назначении на должность и расторжения служебного контракта. Издаваемый распорядительный акт представляет собой в данном случае один из этапов процесса приема на работу, являясь одним из необходимых условий для возникновения трудовых отношений (наряду с заключением служебного контракта и фактическим началом работы, имеющими самостоятельное значение).

Факт издания представителем нанимателя приказа (распоряжения) о назначении на должность, в котором установлен день вступления служебного контракта в силу, не связывает вступление контракта в силу с началом выполнения служащим своих должностных обязанностей. Распорядительный акт (приказ) о назначении на должность основывается на заключенном сторонами служебном

⁹ Письмо Департамента государственной гражданской и муниципальной службы Управления делами Правительства и развития кадрового потенциала Нижегородской области от 30.04.2019 № Иск-001-011153/19; Письмо Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области от 13.05.2019 № 3-2-06-3-1-82/2462ог91 (документы получены лично автором в ответ на обращения в органы власти).

¹⁰ Письмо государственно-правовому управлению Главы Республики Марий Эл от 17.05.2019 № К-993; Письмо департамента государственной, муниципальной службы, противодействия коррупции Аппарата Главы администрации Тамбовской области от 17.04.2019 № 4.106/557; Письмо управления государственной службы и кадров Аппарата Губернатора Курганской области от 07.05.2019 № 2096/19-1-0-1; Письмо департамента кадровой политики МЧС России от 08.05.2019 № 4-37-535; Письмо департамента государственного управления и кадровой политики Вологодской области от 24.04.2019 № ОГ.25-0045/19 (документы получены лично автором в ответ на обращения в органы власти).

контракте, и в случае отмены акта не происходит неизбежного расторжения служебного контракта, который представляет собой двухстороннюю сделку [11] и в отсутствие возникших между сторонами трудовых отношений не может быть расторгнут в одностороннем порядке.

Кроме того, в случае отмены приказа (распоряжения) о назначении на должность, если предположить на основании этого действия расторжение служебного контракта, предполагается наличие вины работника в неявке на работу в день ее начала (а даже длительная неявка может быть вызвана уважительными причинами, объективно препятствовавшими работнику приступить к работе). Учет характеристик причин неявки работника в этой ситуации представляется ничем не обоснованным ущемлением прав работодателя (представителя нанимателя) относительно процедуры аннулирования договора, где уважительность или неуважительность причин неявки не имеет правового значения [12–14]. А без учета фактора вины несостоявшийся государственный или муниципальный служащий оказывается в худшем положении, чем если бы служебный контракт с ним был аннулирован, т. к. он лишается права на выплаты по нетрудоспособности в период с момента заключения до момента аннулирования договора [15–18]. А в случае увольнения за прогул в трудовой книжке служащего делается соответствующая запись, что объективно снижает его ценность как работника в глазах будущего работодателя.

Сторонникам этого подхода следует обратить внимание на то, что в отсутствие трудовых отношений между сторонами служебный контракт расторгнут быть не может по определению, поскольку одним из условий вступления его в силу является факт начала исполнения его сторонами (при условии надлежащего оформления служебных отношений). В отрыве же от факта начала работы ни принятие распорядительного акта о назначении на должность, ни заключение сторонами служебного контракта не детерминируют с неизбежностью возникновение между сторонами трудовых отношений. Аннулирование в отличие от расторжения имеет иную правовую природу и применяется только к нереализованному трудовому договору, не породившему трудовых отношений.

Однако, критикуя данный подход, следует иметь в виду тот факт, что законодатель, формулируя текст ч. 4 ст. 61 ТК РФ вольно или невольно ограничил пределы применения процедуры аннулирования. Аннулирование возможно только в отношении трудовых договоров, вступивших в силу в порядке, предусмотренном ч. 2 и ч. 3 ст. 61 ТК РФ. Ввиду особого порядка вступления в силу служебного контракта он, при формальном подходе

к толкованию нормы, оказывается выведен из-под действия норм об аннулировании.

Аргументы в пользу возможности аннулирования служебного контракта и их критика

Утверждения о возможности аннулирования служебного контракта можно встретить в некоторых справочных изданиях¹¹. На наш взгляд, имеет место не вполне обоснованная механическая экстраполяция норм ТК РФ на трудовые отношения специальных категорий работников в целях восполнения пробелов специального законодательства без должного осмысления правовой стороны проблемы и, следовательно, без должной аргументации.

Следует сказать, что, несмотря на то, что служебные контракты действительно оказались выведены из-под действия норм ТК РФ об аннулировании, начало исполнения работником (государственным служащим) заключенного с ним служебного контракта является необходимым условием для возникновения между сторонами трудовых отношений. При этом названное условие является необходимым, но недостаточным в отрыве от иных составляющих компонентов. Для вступления служебного контракта в силу, наряду с фактом начала работы, необходимо наличие заключенного между гражданином и представителем нанимателя контракта (как документа) и издания представителем нанимателя распорядительного акта о назначении на должность государственной службы.

Нужно отметить, что данный подход находит свое отражение в региональном законодательстве, регулирующем прохождение гражданами государственной гражданской службы субъектов РФ. В действующих на настоящий момент редакциях двух региональных законов установлена возможность аннулирования служебного контракта – это ч. 5 ст. 34 Закона Кемеровской области от 01.08.2005 № 103-ОЗ «О государственных должностях Кемеровской области и государственной гражданской службе Кемеровской области»¹² и ч. 5 ст. 34 Закона Республики Хакасия от 28.02.2006 № 9-ЗРХ «О государственных должностях Республики Хакасия и государственной гражданской службе Республики Хакасия»¹³. Обращает на себя внимание то, что помимо совпадения номеров статей и их пунктов еще и сама норма в них выражена абсолютно идентично: «если гражданский служащий не приступил к исполнению должностных обязанностей в установленный срок без уважительных причин в течение недели, то служебный контракт считается незаключенным, а правовой акт о назначении считается недействующим». Приведенная формулировка почти дословно воспроизводит текст ч. 4 ст. 61 ТК РФ в редакции, действовавшей до 06.10.2006 (т. е. на момент принятия обоих законов)

¹¹ Бельянская А. Б., Воробьев Н. И., Галкин В. А., Мокеев М. М., Осипова И. Н. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // ГАРАНТ. 2017. Режим доступа: <http://base.garant.ru/57205016/> (дата обращения: 04.08.2019).

¹² О государственных должностях Кемеровской области и государственной гражданской службе Кемеровской области. Закон Кемеровской области от 01.08.2005 № 103-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2005. № 39.

¹³ О государственных должностях Республики Хакасия и государственной гражданской службе Республики Хакасия. Закон Республики Хакасия от 28.02.2006 № 9-ЗРХ // Бюллетень «Вестник Хакассии». 2006. № 12.

и звучавшей следующим образом: «Если работник не приступил к работе в установленный срок без уважительных причин в течение недели, то трудовой договор аннулируется». Как видим, в тексте только работник был заменен на гражданского служащего, появилось упоминание правового акта о назначении на должность, а также процедура аннулирования не названа своим именем, однако прямо назван ее результат – признание договора незаключенным.

В документах, находящихся в открытом доступе, нам удалось найти действующие Правила внутреннего трудового распорядка управления ЗАГС Воронежской области п. 4.13. которых гласит: «Если Работник не приступил к работе в день начала работы, то Работодатель имеет право аннулировать служебный контракт, трудовой договор. Аннулированный служебный контракт, трудовой договор считается незаключенным. Аннулирование служебного контракта, трудового договора не лишает Работника права на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию при наступлении страхового случая в период со дня заключения трудового договора (служебного контракта) до дня его аннулирования»¹⁴. В тексте процитированного локального нормативного акта регионального органа власти мы снова видим почти дословное воспроизведение нормы ТК РФ об аннулировании. Однако особенно интересно в этом случае то, что составители документа при включении в него нормы ТК РФ об аннулировании не только дополнили текст ч. 4 ст. 61 ТК РФ упоминанием служебного контракта, ими было изъято упоминание о том, что норма об аннулировании применяется только к тем трудовым договорам, порядок вступления в силу которых определен частями 2 и 3 ст. 61 ТК РФ. То есть составители приведенных выше Правил внутреннего трудового распорядка, намеренно или по недоразумению, изменили цитируемую норму закона, упразднив установленные ограничения на применение процедуры аннулирования.

Как показывает практика, рядом органов власти и местного самоуправления со ссылкой на положения ст. 11 ТК РФ, вышеуказанных специальных федеральных законов, а также обзоров практики ВС РФ делается вывод о возможности применения к служебным контрактам процедуры аннулирования (при наличии соответствующего фактического основания)¹⁵. Обосновывается это следующим образом:

1) ТК РФ устанавливает в отношении государственных и муниципальных служащих приоритет специальных норм, регулирующих трудовые отношения с данными категориями работников;

2) соответствующие статьи федеральных законов, регулирующих отношения, связанные с государственной и муниципальной службой, устанавливают правило, согласно которому общие нормы трудового законодательства применяются к соответствующей специальной категории работников в части, не урегулированной специальным законодательством;

3) нормы специального законодательства не содержат положений об аннулировании и при этом не содержат запрета на применение к служебному контракту норм об аннулировании, имеющих в ч. 4 ст. 61 ТК РФ;

4) следовательно, в случае неявки служащего на работу в день ее начала служебный контракт с ним может быть аннулирован.

Логическая последовательность достаточно стройная и убедительная, если не углубляться в толкование норм материального права, содержащихся в тексте ст. 61 ТК РФ, указывающих на связь порядка вступления трудового договора в силу с возможностью его аннулирования¹⁶. Положение текста ч. 4 ст. 61 ТК РФ недвусмысленно отграничивают сферу применения норм об аннулировании ситуацией, «когда работник не приступил к работе в день начала работы, установленный в соответствии с частью второй или третьей настоящей статьи». Трудовой договор (служебный контракт) с государственными и муниципальными служащими вступает в силу в порядке, предусмотренном специальными федеральными законами, к которым отсылает ч. 1 ст. 61 ТК РФ. «Вступление трудового договора в силу в этом случае предполагает необходимость наличия, кроме трудового договора (в данном случае именуемого служебным контрактом) и начала выполнения работы, еще и распорядительного акта работодателя» [19, с. 176]. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что законодателем данный вид трудового договора выведен из-под действия ч. 4 ст. 61 ТК РФ, и следовательно работодатель не имеет возможности (права) его аннулировать.

По нашему мнению, именно приведенное выше понимание субсидиарного применения норм общего и специального

¹⁴ Правила внутреннего трудового распорядка управления ЗАГС Воронежской области. Утв. приказом управления ЗАГС Воронежской области от 19.05.2014 № 34. П. 4.13. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/?q=node/1925> (дата обращения: 04.08.2019).

¹⁵ Письмо администрации Главы Республики Коми от 16.05.2019 № 06-02-644991; Письмо главного управления государственной гражданской службы и кадров Администрации Губернатора и Правительства Орловской области от 07.05.2019 № К-1; Письмо управления государственной службы и кадров Правительства Ивановской области от 26.04.2019 № 1794-1-162; Письмо департамента кадровой политики Администрации г. Екатеринбурга от 08.05.2019 № 04-05/35; Письмо управления государственной службы и кадров Правительства Ивановской области от 24.06.2019 № 1794-1-162; Письмо управления государственной службы и кадров Аппарата Правительства Мурманской области от 30.04.2019 № 03-03/1921-СБ; Письмо комитета государственной службы и кадровой политики Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия от 18.05.2019 № П-01/1077/19; Письмо министерства иностранных дел РФ от 07.05.2019 № 2149/ДП(юрс); Письмо правового управления Аппарата Главы г. Волгограда № б/н, без даты (документы получены лично автором в ответ на обращение в органы власти).

¹⁶ Косвенным доказательством того, что законодатель не считал нужным вносить норму об аннулировании в специальные федеральные законы по причине того, что эта норма ТК РФ распространялась и на отдельные категории работников, может служить то, что редакция ч. 4 ст. 61 ТК РФ, действовавшая на момент принятия закона о государственной службе, не устанавливала ограничений на применение ее положений к служебным контрактам. Произошедшие же в октябре 2006 г. изменения в регулировании процедуры аннулирования, создав ситуацию неопределенности в отношении аннулирования служебных контрактов, не повлекли внесения соответствующих изменений в нормах специальных федеральных законов, как действовавших на тот момент, так и в принятых позже.

трудового законодательства – с возможностью аннулирования служебных контрактов – предполагалось законодателем изначально и отражает действительную волю законодателя и смысл, заложенный им в данную норму права. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, первоначальная редакция ч. 4 ст. 61 ТК РФ не содержала ограничения применения процедуры аннулирования трудового договора только случаями вступления его в силу в порядке ч. 2 и ч. 3 ст. 61 ТК РФ. Внося в октябре 2006 г. в ч. 4 ст. 61 ТК РФ изменения, законодатель, помимо включения в текст статьи коррективы, создал путаницу с вопросом применимости норм об аннулировании к отдельным категориям работников, чья трудовая деятельность по преимуществу регулируется нормами специальных федеральных законов, в т. ч. к государственным и муниципальным служащим.

Заключение

Исследовав существующие подходы к решению вопроса о возможности или невозможности применения норм ч. 4 ст. 61 ТК РФ к служебным контрактам, рассмотрев аргументы сторонников различных подходов и оценив весомость и обоснованность имеющейся аргументации, можно сделать следующие выводы:

1. Первоначальная редакция ч. 4 ст. 61 ТК РФ предполагала возможность применения процедуры аннулирования ко всем без исключения трудовым договорам, включая служебные контракты. Именно такое понимание смысла названной нормы послужило причиной включения положения об аннулировании в тексты приведенных в статье региональных законов о государственной гражданской службе и – по инерции – в Правила внутреннего трудового распорядка органа исполнительной власти Воронежской области.

2. При внесении в октябре 2006 г. изменений в текст ч. 4 ст. 61 ТК РФ законодателем не было учтено, что новая редакция статьи исключает применение норм об аннулировании к служебным контрактам в силу особого порядка вступления их в силу. При этом аналогичная норма об аннулировании не была внесена в текст федеральных законов, регулирующих трудовые отношения государственных и муниципальных служащих. Нет ни одной объективной

причины, почему служебные контракты должны быть выведены из-под действия норм ТК РФ об аннулировании. Существенным представляется то обстоятельство, что у кадровых подразделений органов государственной власти и местного самоуправления есть насущная потребность в отсутствующем у них на настоящий момент правовом механизме реагирования на неявку работника на работу в первый рабочий день.

3. Сложившаяся ситуация привела к тому, что кадровые подразделения органов власти и местного самоуправления не имеют единого подхода относительно возможности или невозможности аннулирования служебных контрактов. Это в свою очередь приводит к отказу от предварительного заключения служебных контрактов и издания распорядительных актов о назначении на должность. Фактически все эти действия совершаются после того, как служащий приступил к работе. Данное положение дел, на наш взгляд, снижает уровень гарантий работника (служащего) при приеме на работу и требует, чтобы работник приступал к исполнению должностных обязанностей в условиях, когда его прием на работу еще не был оформлен надлежащим образом (в особенности это относится к ситуации приема на государственную или муниципальную службу без проведения конкурса). Думается, что практика заключения трудовых договоров до дня начала работы и даже до момента увольнения с предыдущего места работы должна стать преобладающей, т. е. это создает для работника максимальный уровень гарантий трудоустройства и определенности условий предстоящей трудовой деятельности на новом месте.

4. В имеющихся условиях у работодателя (нанимателя, представителя нанимателя) отсутствует иной механизм реагирования на невыход нового работника на работу в день ее начала, кроме совершенно архаичной в сегодняшних условиях отмены правового акта о назначении на должность.

5. Разрешение этой ситуации лежит в плоскости изменений положений ТК РФ. Необходимо изменить текст ст. 61 ТК РФ таким образом, чтобы исключить в дальнейшем возможность его неоднозначной трактовки, в том числе в части применения норм об аннулировании к служебным контрактам.

Литература

1. Чиканова Л. А. Правовое регулирование служебных отношений на государственной гражданской службе: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 61–73.
2. Муравченко В. Б. Правовое регулирование труда муниципальных служащих // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 2. С. 51–54.
3. Сагандыков М. С. Применение трудового законодательства к служебным отношениям сотрудников органов внутренних дел (на примере института рабочего времени) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2010. № 38. С. 78–79.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Политиздат, 1955. Т. 21. С. 23–178.
5. Ключников А. М. Проблемы применения трудового законодательства при прохождении правоохранительной службы в органах наркоконтроля // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 5. С. 43–48.
6. Иванкина Т. В. Особенности источников, регулирующих служебные отношения гражданских служащих // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 151–164.
7. Безина А. К. Вопросы теории трудового права и судебная практика. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 176 с.

8. Лившиц Р. З. Правовые средства формирования производственных коллективов // Трудовое право и повышение эффективности общественного производства / под ред. С. А. Иванова. М.: Наука, 1972. С. 20–98.
9. Ершова Е. А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России. М.: Статут, 2008. 666 с.
10. Чаннов С. Е. Акт о назначении на должность как основание возникновения служебного правоотношения на государственной гражданской службе // Государство и право. 2011. № 7. С. 5–13.
11. Лебедев В. М. Субсидиарное применение норм гражданского права // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 117–121.
12. Анисимов Л. Н. Трудовой договор как основание возникновения трудовых отношений // Право и экономика. 2008. № 3. С. 69–77.
13. Архипов В. В. Место и значение трудового договора в регулировании и организации трудовых отношений: теория и практика // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 59–73.
14. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Процедурные нормы в механизме правового регулирования трудовых отношений // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 80–99. DOI: 10.12737/jrl.2019.9.7
15. Завгородний А. В. Отдельные вопросы заключения трудового договора: теория и практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 3. С. 49–64.
16. Завгородний А. В. Фактические составы как основания прекращения трудовых правоотношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. № 3. С. 54–71.
17. Щур-Труханович Л. В. Трудовой договор о дистанционной работе: содержание, особенности и реализация на практике // Кадры предприятия. 2014. № 3. С. 3–10.
18. Анисимов Л. Н. Трудовой договор: права и обязанности сторон. М.: Деловой двор, 2009. 288 с.
19. Кичигин С. В. Момент вступления трудового договора в силу // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 173–180. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180

original article

Cancellation of Service Contract

Sergey V. Kichigin ^{a, @, ID}

^a V. P. Kuregeshev Boxing School of Olympic Reserve, Russia, Kemerovo

@ 76-42-50@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-0187-145X>

Received 15.06.2020. Accepted 20.07.2020.

Abstract: The matter of canceling a service contract often hinders the work of personnel offices of government and local self-government. Due to the specifics of labor relations between state and municipal employees, it remains unresolved in the domestic labor law. There is a controversy between the subsidiary application of general labor legislation norms and special laws that control the activity of certain categories of workers. It comes from the vague border between the scope of general and special norms of labor legislation in relation to state and municipal employees. Another reason is the limited legal regulation of labor relations with these categories of workers with application of the general norms of the current labor legislation. The article features approaches to resolving the issue of the possibility and legality of canceling a service contract in personnel offices of government bodies. The research was based on a critical review of the two existing opinions on the place of the cancellation procedure in relations with state and municipal employees. The author describes the legal nature of the cancellation and termination of the employment contract based on scientific literature. The article contains some recommendations on how to avoid the situation in which the representative of the employer does not have adequate legal mechanism for responding to an employee's failure to appear at work on the first day of the contract.

Keywords: cancellation procedure, labor law, public service, municipal service, labor code, subsidiary application

For citation: Kichigin S. V. Cancellation of Service Contract. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 270–277. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-270-277>

References

1. Chikanova L. A. Legal regulation of official relations in the state civil service: theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, (4): 61–73. (In Russ.)
2. Muravchenko V. B. Legal regulation of work of the municipal employees. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii*, 2015, (2): 51–54. (In Russ.)
3. Sagandykov M. S. Application of labour code to work relations of internal affairs body officers (labour hours institution taken as an example). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2010, (38): 78–79. (In Russ.)
4. Engels F. The origin of the family, private property, and the state. Marx K., Engels F. *Works. Second edition*. Moscow: Politizdat, 1955, vol. 21, 23–178. (In Russ.)
5. Klyuchnikov A. M. Problems of application of labor legislation with the passage of the law enforcement service in the bodies of drug control. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*, 2013, (5): 43–48. (In Russ.)
6. Ivankina T. V. Notable features of sources governing the service relations of civil servants. *Russian Juridical Journal*, 2016, (2): 151–164. (In Russ.)
7. Bezina A. K. *Issues of labor law theory and judicial practice*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1976, 176. (In Russ.)
8. Livshits R. Z. Legal means of forming production teams. *Labor law and increasing the efficiency of social production*, ed. Ivanov S. A. Moscow: Nauka, 1972, 20–98. (In Russ.)
9. Ershova E. A. *Labor relations of state civil and municipal employees in Russia*. Moscow: Statut, 2008, 666. (In Russ.)
10. Channov S. E. The act of designation on a position as basement of appearance of service law relation on the state civil service. *Gosudarstvo i pravo*, 2011, (7): 5–13. (In Russ.)
11. Lebedev V. M. Subsidiary application of norms of civil law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (345): 117–121. (In Russ.)
12. Anisimov L. N. An employment contract as the basis for the emergence of an employment relationship. *Pravo i ekonomika*, 2008, (3): 69–77. (In Russ.)
13. Arkhipov V. V. Place and significance of an employment contract in the regulation and organization of labor relations: theory and practice. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2009, (7): 59–73. (In Russ.)
14. Nurtdinova A. F., Chikanova L. A. Procedural rules in the mechanism of legal regulation of labor relations. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, (9): 80–99. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.9.7
15. Zavgorodny A. V. Single issues of the employment contract conclusion: theory and practice. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2013, (3): 49–64. (In Russ.)
16. Zavgorodny A. V. Factual compositions as grounds for termination of labor relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2011, (3): 54–71. (In Russ.)
17. Shchur-Trukhanovich L. V. Remote work employment contract: content, features, and implementation in practice. *Kadry predpriiatiia*, 2014, (3): 3–10. (In Russ.)
18. Anisimov L. N. *Employment contract: rights and obligations of the parties*. Moscow: Delovoi Dvor, 2009, 288. (In Russ.)
19. Kichigin S. V. Start of employment contract. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 173–180. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180

Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица

Владислав В. Радов^{а, @}

^а Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

[@] vv-radov@mail.ru

Поступила в редакцию 18.08.2020. Принята к печати 08.09.2020.

Аннотация: Рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы содержания и возможности установления причинно-следственной связи в неосторожных преступлениях при бездействии обязанного лица. В доктрине уголовного права, несмотря на единое философское понимание причинности в рамках диалектического материализма, ученые приходят к полярным позициям об отсутствии и о наличии причинной связи при бездействии. Сегодня противоположные подходы отстаивают профессор В. Б. Малинин и профессор З. Б. Соктоев. Автор статьи подвергается критике теоретические разработки ученых в отношении «золотого правила причинности» для случаев бездействия, системного характера причины при бездействии, а также непризнания бездействия условием общественно опасного результата. Впервые предпринимаются попытки экстраполяции достижений релятивистской философии о причинной связи к пониманию связи между невыполнением профессиональной или должностной обязанности лица и наступившим общественно опасным последствием. Обосновывается наличие в таких ситуациях обуславливающей связи, рассматриваются варианты ее соотношения с причинной связью. Доктринальные споры отражаются в правоприменении, поэтому на основании новейшей судебной практики анализируются позиции судов относительно юридического содержания и правовых последствий установления не прямой, косвенной, опосредованной причинно-следственной связи. Объявляется нецелесообразность расширения категории причинной связи для целей уголовно-правовой квалификации ввиду нетождественного понимания причинно-следственной связи в юридической науке и естествознании. Поднимаются вопросы о значении выводов судебно-медицинских экспертиз по делам об ятрогенных преступлениях применительно к причинной связи, их оценке судом. Вопросы причинной связи рассматриваются только для такого бездействия, которое выражено в невыполнении профессиональных или должностных обязанностей в неосторожном преступлении, поэтому автор не претендует на исключительность выводов для учения о причинной связи в целом. Представляется целесообразным при исследовании вопросов причинной связи ориентироваться на высказанный академиком В. Н. Кудрявцевым тезис о том, что «конфигурация причинной связи (ее деятельность, привходящие силы и др.) не одинакова в разных составах или группах преступлений».

Ключевые слова: причинно-следственная связь, обуславливающая связь, квалификация преступлений, ятрогенные преступления, неоказание медицинской помощи, релятивистская философия, судебная практика

Для цитирования: Радов В. В. Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 278–286. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286>

Введение

Уголовный закон является самым репрессивным средством государства по обеспечению законности и правопорядка, что требует точности его формулировок и единообразного понимания как правоприменителем, так и лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности. Это может обеспечить соблюдение принципа определенности уголовно-правового запрета, который отсутствует в понимании причинно-следственной связи при бездействии, т. к. уголовный закон не регламентирует определение признаков состава преступления, а в юридической науке отсутствует сколько-нибудь единое понимание причинной связи в целом.

В уголовном праве России стало аксиоматичным утверждение о том, что между деянием и последствием в преступлениях с материальным составом обязательно имеет место причинная связь [1, с. 144; 2, с. 75]. Вместе с тем ее признание при бездействии все еще остается спорным.

В 1945 г. профессор М. Д. Шаргородский обосновал в своей докторской диссертации отсутствие причинной связи при бездействии [3]. А уже в 1949 г. Т. В. Церетели также на уровне докторской диссертации настаивала на обратном [4]. И сегодня ученые в подобных исследованиях дополняют либо первый подход [5], либо второй [6].

Научная дискуссия состоит в главном вопросе: *Причиняет ли бездействие вред?* Как правило, ученые придерживаются одной из двух полярных позиций: одна группа стоит на позиции акаузальности бездействия [7], другая группа утверждает, что бездействие причиняет общественно опасные последствия [8, с. 186]. Отсюда вопрос наличия причинно-следственной связи при бездействии переходит в прямую зависимость от наличия или отсутствия причиняющей силы деяния в форме бездействия. Следовательно, если признать, что бездействие обладает генетическим началом, т. е. способно порождать изменения

в другом объекте, то причинная связь есть. В противном случае она исключается.

В уголовно-правовой науке бездействие является одной из форм выражения преступного деяния, которое характеризуется как общественно опасный волевой сознательный акт человеческого поведения. Одним из ученых, не признающих за бездействием главный признак деяния – акт поведения, является профессор В. Б. Малинин. Его аргументация сводится к тому, что бездействие есть категория юридическая, а действие – объективная, поэтому их сравнение является абсурдным. Так, В. Б. Малинин справедливо подчеркивает, что действие и бездействие не составляют дихотомию, поскольку юридическое бездействие вполне может быть и физическим действием, и «ничего неделанием», тогда как юридическое действие выражается исключительно физическим действием [5]. Заметим, что такая позиция основана исключительно на подходе, в соответствии с которым деяние действует или не действует в материальном мире.

Иначе рассматривая характер деяния, профессор З. Б. Соктоев настаивает, что его специфика состоит «не столько в изменениях, производимых на физическом уровне (в материальном, вещно-событийном мире), сколько на социальном и правовом уровнях» [6, с. 16]. Исходя из чего делает вывод об отсутствии существенных различий между действием и бездействием как формами преступного поведения.

Аргумент против каузальности бездействия – невозможность нарушения им физического мира. Аргумент за каузальность – возможность бездействия *причинять* на социальном и правовом уровне.

В обоих обозначенных подходах рассмотрение вопросов причинной связи при бездействии осуществляется исключительно на основании существа этой формы преступного деяния. Игнорируется понимание собственно причинной связи, ее современного философского и юридического содержания, а также значения, придаваемого причинной связи судами в правоприменительной практике. Более того, основная задача в исследовании причинной связи, как справедливо подчеркивал академик В. Н. Кудрявцев, состоит в том, чтобы «найти объективные пределы уголовной ответственности» [9, с. 254].

Противоречивость имеющихся подходов к пониманию причинности

Обратимся к философскому пониманию причинности. Известные виды причинной связи могут быть обозначены следующим образом: (1) причинность как линейная зависимость, при которой один объект (причина) вызывает изменения в другом объекте (следствие); (2) причинность как взаимодействие двух объектов, в результате которого изменения происходят в каждом из них. Профессор философии В. Г. Борзенков утверждает, что причинность (каузальность) есть «отношение необходимого "порождения", "вызывания" и пр. изменения некоего объекта в результате материального воздействия на него др. объекта» [10, с. 463]. Такое определение вообрало в себя ранее

высказанные мнения многих мыслителей. Философ П. А. Гольбах писал: «Причина – это тело или явление природы (*être*), приводящее в движение другое тело или производящее в нем какое-нибудь изменение. Следствие – это изменение, произведенное каким-нибудь телом в другом теле при помощи движения» [11, с. 68]. Отсюда диалектический материализм исходит из того, что «причинная связь имеет место лишь тогда, когда то явление, которое предшествует во времени другому, вызывает, порождает это другое явление» [12, с. 118]. Данный подход более других получил развитие в теории уголовного права. *De facto* причинно-следственная связь в таком понимании рассматривается как цепь явлений, где один элемент цепи производит изменения в другом, потому что главное свойство причины состоит в способности «порождать», влечь изменения в другом явлении, предмете.

Основываясь на обозначенном философском понимании причинности, ученые на уровне диссертационных исследований приходят к противоположным выводам.

В. Б. Малинин принимает за отправную точку философское объективное понимание причинности как всеобщего закона общества и природы, поэтому категорически настаивает на недопустимости специальной уголовно-правовой причинности, а также на невозможности бездействия *причинять*. По мнению ученого, бездействие не связано с последствием, потому что нарушается лишь юридическая обязанность, а не конкретный материальный предмет. Однако с этим трудно согласиться ввиду присутствия событий (бездействие и обусловленная им смерть человека) в одной и той же системе, где, учитывая закон всеобщей связи, между ними должна быть связь.

З. Б. Соктоев, также признавая философскую основу причинности, пишет о неизбежности ее специальной модификации и необходимости создания учения о юридически значимой причинной связи. Ученый не только дополняет объективную причинность применительно к целям и специфике уголовного права, но и значительно расширяет философское понимание причины, рассматривая ее как системную причину, т. е. взаимодействие деяния лица с иными необходимыми условиями, что, как утверждается, и генерирует вредный результат. Однако еще П. А. Гольбах писал: «Те тела или существа, которые не могут воздействовать на наши органы ни непосредственно, т. е. сами по себе, ни опосредованно, т. е. через другие тела, не существуют для нас, ибо они не в состоянии воздействовать на нас и, следовательно, доставлять нам идеи и не могут стать предметом нашего познания и суждения» [11, с. 68–69]. Следовательно, понимание причины как системного образования, включающего бездействие, сомнительно, иначе надо признавать и условия в качестве причины, но они лишь взаимодействуют с причиной, как и указывает ученый, но не порождают самостоятельно. В таком случае происходит смешение причин и условий, что не позволяет дать точную уголовно-правовую оценку.

Здесь и далее мы будем рассматривать в качестве примера бездействие врача, обязанного оказать квалифицированную

медицинскую помощь, и смерть пациента, наступившую в связи с таким бездействием. Смоделируем ситуацию: потерпевший П. с ножевым ранением попадает в больницу, где врач М. в силу небрежности отказывает ему в оказании медицинской помощи, хотя несет обязанность и обладает возможностью оказать квалифицированную медицинскую помощь, позднее пациент умирает от потери крови. Как правило, в содеянном усматриваются признаки материального состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ.

С позиции В. Б. Малинина, врач не причинил и не мог причинить смерть П., но уголовную ответственность несет за невыполнение юридической обязанности. Между деянием М. и смертью П. отсутствует связь, поэтому ученый настаивает на корректировке законодательной конструкции ст. 124 УК РФ.

С позиции З. Б. Соктоева, врач причинил смерть П. именно при наличии указанных условий, т. к. невыполнением своей юридической обязанности посягнул на социальные отношения и нарушил правовой уровень реальности. Между деянием М. и смертью П. наличествует причинная связь.

Таким образом, ученые отдают пониманию бездействия определяющее значение в констатации наличия или отсутствия причинного отношения и связи между событиями.

В первом приближении трудно найти иную оценку ситуации, но, как гласит вторая теорема о неполноте известного математика К. Гёделя, «логическая полнота (или неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы. Для ее доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы (усиление системы)» [13]. Применительно к праву подобную мысль высказывает профессор И. Л. Честнов: «Ко всему прочему сугубо с научной точки зрения право не может быть обосновано "из самого себя", а только с позиций некоторой метасистемы – общества. Поэтому юридическая наука может претендовать на обоснованность своих положений лишь в том случае, если она основывается на положениях социальной философии» [14, с. 214]. На наш взгляд, в подходах ученых в отношении причинной связи при бездействии есть внутренние противоречия, которые трудно разрешить внутри избранной системы, ее необходимо усилить.

Первый подход представляется противоречивым в той части, что между бездействием и последствием нет связи, но обязанность оказывать медицинскую помощь конкретному потерпевшему П. была именно у данного врача М., которую он не исполнил, чем допустил смерть, соответственно, события связаны. Более того, смерть больного будет вменена именно врачу М.

Второй подход противоречив в другом, а именно в том, что бездействие является причиной только при наличии уже имеющейся причины (Л. А. Зимирева называет данную особенность «причинным комплексом» [15, с. 194]). В рамках данного подхода удар ножом при бездействии врача также признается причиной смерти потерпевшего [16, с. 54]. Но по утверждению ученых, собственно бездействие является, пусть и пассивной, но причиной смерти. Также представляется спорной сама возможность

причинения вреда на социальном (или правовом) уровне ввиду наличия логической ошибки: причинно-следственная связь выстраивается учеными не от деяния к последствию, а от деяния к общественным отношениям. Иначе говоря, признавая указанные уровни окружающей действительности, выходит, что причинно-следственная связь устанавливается от общественно опасного деяния к объекту уголовно-правовой охраны, потому что причинение вреда на социальном или правовом уровне конкретному предмету преступления (человеку) объективно невозможно. Напомним, в данном случае мы рассматриваем конфигурацию причинно-следственной связи при бездействии именно в рамках преступления против жизни и здоровья человека, в которых по ставшему аксиомой утверждению связаны именно деяние и последствие в объективной стороне. Тогда как преступление против такого объекта своим последствием имеет нарушение здоровья или лишение другого человека жизни.

Бездействие является условием, но не причиной: взгляд релятивистской философии

Возникает справедливый вопрос: как именно события (деяние и последствие) могут быть связаны в таком случае и какова характеристика связи при бездействии? Диалектический материализм среди детерминационной зависимости выделяет не только причинную связь, но и функциональную. Первая характеризуется объективным отношением порождения одних вещей и явлений другими, генетической обусловленностью изменений. Вторая характеризует объективное отношение соответствия, отображения между взаимосвязанными вещами и явлениями, их свойствами и состояниями, параллелизм и координацию их изменений [17, с. 52]. И. Я. Лойфман определял ее так: «функциональность прямо или опосредованно связана с причинностью, всегда с ней сопряжена. Сопряжение функциональности и причинности обнаруживается в каждой категориальной паре, что позволяет подобные пары считать закономерным выражением атрибутивной детерминированности материи» [17, с. 13]. То есть хотя условия и связаны с причиной, они не способны запустить причинную связь, а находятся с иными явлениями в функциональной (обуславливающей) связи. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что «различия между причиной и условиями ... малопродуктивны в деле выявления юридически значимой причинной связи» [6, с. 14–15].

Философское понимание причины свидетельствует о ее «причиняющем» характере, который отсутствует при чистом бездействии в реальном (физическом) мире. Исходя из этого, считаем важным к составу преступления преломлять оба указанных вида детерминационной зависимости по критериям: если деяние признается причиной, то связь причинная; если деяние признано лишь условием, то связь обуславливающая. Именно поэтому остается важным разграничение условий и причин, т. к. от того, чем являлось деяние в конкретном случае, причиной или условием, будет зависеть решение вопроса объективных оснований индивидуализации ответственности [9, с. 255].

Сущность причинной связи для уголовного права была раскрыта еще в советский период и может быть сведена к следующему: исследуя связь причины и следствия, мы выделяем одно звено в цепи всеобщей взаимосвязи и временно отвлекаемся от других связей. Например, выделив преступное бездействие и наступившую смерть в приведенном казусе, мы убедимся в отсутствии причинного отношения между ними. Однако такие рассуждения совершенно не отрицают наличие иного отношения между ними, ибо бездействие может иметь обуславливающий характер в конкретной системе, ситуации, т. е. выступить хотя не причиной, но условием (последнее признается приверженцами обоих подходов). Признание допустимости наличия между деянием и последствием не только причинной, но и функциональной (при бездействии) связи позволит избежать:

- исключения уголовной ответственности при преступном бездействии (при его акаузальности);
- искусственной расширительной модификации причинной связи применительно к уголовному праву при бездействии (при его каузальности).

Хотя ученые применяют положения философии, они основываются исключительно на общих положениях о причинной связи, разработанных еще Аристотелем [18], как о линейной (иногда структурной) последовательности причины и следствия в разных ее проявлениях, в том числе целевой причины. Более того, профессор Т. Г. Понятовская категорично утверждает, что, несмотря на динамичное изменение законодательства, социальных и экономических условий, со времен дореволюционного ученого уголовного права Н. С. Таганцева представления о сущности причинной связи, ее содержания и уголовно-правовом значении никак не изменились, что объясняется ее объективным характером «доступным лишь философским методам познания окружающего мира» [1, с. 151]. При этом за довольно длительный период непримиримого обсуждения вопросов причинной связи при преступном бездействии существенным образом изменились методологические подходы к ее изучению ее философское понимание.

С позиций философского релятивизма причинная связь рассматривается совершенно иначе: как нисходящая системная связь – от следствия к причине. *De facto* причина есть следствие *in potentia*. Современный философ А. В. Болдачев пишет: «Когда мы замечаем, что после изъятия одного из элементов темпоральной системы (скажем, какого-либо события из процесса или результата из деятельности) дальнейшие события не наступают, мы заключаем, что изъятый элемент является причиной всех последующих. Хотя понятно, что, удалив один из элементов системы, мы попросту ее разрушили. Ведь если в логически подобной ситуации с пространственными системами мы видим, что после изъятия одного из элементов (к примеру, атома из кристаллической решетки или игрока с футбольного поля) разрушается вся система, мы же не делаем вывод, что изъятый элемент был причиной других элементов <...> То есть причинно-следственные связи не хронологические,

а всегда темпорально-иерархичны» [19, с. 94–95]. Исходя из такого подхода, представляется трудным рассмотрение причинной связи в уголовном праве в целом, однако некоторые нерешенные проблемы объяснимы именно исходя из выводов релятивистской философии. В данном подходе мы должны рассматривать события (причину и условия), определившие следствие, именно в их системе, а не в линейной или структурной последовательности (причинной цепи).

Исходя из системы связей, имеющих место в рассматриваемом примере, считаем, что поступление потерпевшего в больницу и наличие возможности оказания ему квалифицированной медицинской помощи является нормальным порядком функционирования данной конкретной системы, что регламентировано ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», правилами оказания медицинской помощи, должностной инструкцией врача. Бездействие врача очевидно не причинило смерть, а лишь допустило ее при нарушении сложившихся правоотношений. Однако это обстоятельство не переводит условие в виде бездействия в причину, как указывает З. Б. Соколов, ибо чистое бездействие не может стать причиной, о чем обоснованно пишет В. Б. Малинин. Вместе с тем трудно согласиться с последним в том, что при бездействии совершенно не работает «золотое правило причинности», ведь «исключив или оставив бездействующего, результат не изменится» – пишет ученый, исходя из чего заключает, что бездействие не может быть ни причиной, ни условием [20, с. 210].

Мы предполагаем, что в неосторожных преступлениях при неисполнении профессиональных (или должностных) обязанностей «золотое правило» работает иначе: при установленной юридической обязанности и реальной возможности лица действовать нам нужно не просто мысленно извлечь бездействующего, а заменить его бездействие необходимым поведением, которое предполагается в данной системе общественных отношений. В случае если такая замена приводит к тому, что общественно опасный результат будет предотвращен, бездействие и следствие связаны обуславливающей связью. Отсюда преступное бездействие несомненно следует признать условием.

Более того, распространенная в науке теория *conditio sine qua non* является как минимум трудноприменимой в преступлениях при бездействии, в частности предусмотренных ст. 124 и ст. 293 УК РФ. Бездействие здесь может выступать не *условием, без которого не наступит результат*, а *условием, допускающим результат*, т. е. не предотвращающим его. Именно поэтому важным остается то, что уголовная ответственность может быть возложена на лицо только тогда, когда надлежащее выполнение профессиональных обязанностей исключало бы наступление результата. Тогда как причиной результата (*conditio sine qua non*) признается иное событие – то, которое запустило причинную связь к преступному последствию.

Нередко даже суд, называя ее причинно-следственной, описывает обуславливающую связь и прямо указывает на иную причину, запустившую связь к последствию в виде смерти:

«... именно действия С., не обнаружившего признаков острой коронарной недостаточности при обследовании пациентки, описании результатов ЭКГ, не усмотревшего оснований для госпитализации и послужили причиной для возникновения последующих дефектов в оказании медицинской помощи потерпевшей, что привело к ее смерти в автомобиле по дороге из медицинского учреждения домой»¹.

Кроме этого, обозначенная модель позволяет обоснованно вменять одно преступное последствие (например, смерть одного человека) разным лицам при отсутствии как соучастия, так и сопричинения². Д. А. Мелешко на примере должностной халатности (ст. 293 УК РФ) совершенно справедливо замечает, что преступные последствия «могут наступать не только по причине допущенных должностным лицом упущений, но и в связи с такими упущениями» [21, с. 77].

Таким образом, признание бездействия врача причиной и установление причинно-следственной связи от бездействия к последствию видится обоснованным. Бездействие может выступать преступным условием, допустившим наступление общественно опасного последствия. Отсюда констатируем, что абстрактная модель объективной стороны состава преступления не требует наличия причинного отношения между неправомерным поведением субъекта преступления и неблагоприятным последствием. Уголовный закон, не регламентируя понимание состава преступления, допускает достаточность функциональной связи между деянием и последствием, тем более для неосторожных преступлений при нарушении профессиональных обязанностей, в том числе при не оказании врачом помощи больному (ст. 124 УК РФ).

Такая связь в правоприменительной практике нередко именуется опосредованной, не прямой причинно-следственной, хотя и не является таковой по своей природе. Ранее Ю. В. Голик замечал, что с позиции точных наук связь между причиной и следствием не исчерпывается собственно причинной зависимостью и что «в социальных системах это проявляется не столь заметно, но все же проявляется, и в будущем таких случаев будет все больше и больше» [22, с. 36]. Примечательно, что еще в 1986 г. Г. В. Тимейко в докторской диссертации, подчеркивая несостоятельность имеющихся теорий причинной связи, писал, что «почти все исследователи вместо того, чтобы четко провести грань между причинной связью и иными видами объективной связи, имеющими юридическое значение, пытаются все эти случаи во чтобы то ни стало подвести под "причинение", и на этой основе создать особые критерии причинной связи в уголовном праве» [23, с. 28].

Интересен вопрос, впервые поднятый П. С. Дагелем [24, с. 28] и вновь поставленный в очерке А. А. Музыки и С. Р. Багирова: «Надо или сохранять за причинной связью значение необходимой порождающей связи и вводить

в оборот уголовно-правовой науки новую категорию "обуславливающая связь", или расширить понимание причинной связи в науке уголовного права, включив в него и обуславливающую связь» [25, с. 49]. Соавторы очерка, ссылаясь на положения некоторых точных наук о тенденции к расширению дефиниций, поддержали вторую позицию. Такое решение проблемы, хотя и научно обоснованное, трудно признать целесообразным и практико-ориентированным, тем более при разрешении вопросов квалификации ятрогенных преступлений – преступлений, совершенных медицинскими работниками против жизни и здоровья человека вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (например, ч. 2 ст. 124 УК РФ), когда сталкивается юридическое и медицинское понимание рассматриваемой связи.

Причинная связь в смысле, придаваемом ей судами

В настоящее время судебная практика при решении вопросов причинной связи при бездействии (невыполнении профессиональных обязанностей) *de facto* основывается на экспертном заключении. Применительно к делам об ятрогенных преступлениях решающим становится заключение комиссии судебной судебно-медицинской экспертизы.

Причинная связь в данном случае приобретает особое междисциплинарное значение: (1) юридическое и медицинское, (2) уголовно-правовое и гражданско-правовое.

1. Судебно-медицинские эксперты, как правило, устанавливают этиологию заболевания, причинно-следственную связь в ее непосредственном медицинском смысле, ее прямой или опосредованный характер, ее наличие или отсутствие. Тогда как суд, разрешая вопросы права, должен устанавливать причинно-следственную связь как юридическую категорию – элемент объективной стороны состава преступления. Однако суд в основном лишь ссылается на заключение эксперта³.

В редких случаях суд не соглашается с заключением судебно-медицинского эксперта об отсутствии причинно-следственной связи, устанавливая ее самостоятельно даже при рассмотрении дел об ятрогенных преступлениях. Известна ситуация, когда врач неправомерно констатировал биологическую смерть, не провел реанимационные мероприятия (бездействовал), что не предотвратило наступление смерти больной. В приговоре суда по данному делу указаны выводы эксперта: «Поскольку смерть Г. наступила от заболевания, то дефекты оказания медицинской помощи сами по себе могут быть не причиной, а лишь неблагоприятным условием, способствующим переходу клинической смерти в биологическую. <... > Поскольку смерть Г. наступила от заболевания, а выявленные дефекты оказания медицинской помощи не оказали какого-либо влияния на его течение, прогрессирование и наступление клинической смерти,

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 04.09.2014 по делу № 22-5055/2014 // СПС КонсультантПлюс.

² См. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 28.07.2016 № 22-2359/2016 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 03.03.2015 № 22-585/2015 // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.08.2016 по делу № 33-9745/2016 // СПС КонсультантПлюс.

то причинно-следственная связь между дефектами и наступлением летального исхода Г. – отсутствует»⁴. Впоследствии суд отверг данные выводы и пришел к собственным – о наличии причинной связи, признав врача виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ, с чем согласился суд апелляционной инстанции⁵.

2. Если экспертами констатирована непрямая причинно-следственная связь или отсутствие связи именно в рамках производства по уголовному делу, то впоследствии потерпевший лишается судебной защиты и при взыскании компенсации морального вреда⁶. Основанием к отказу в удовлетворении исковых требований является факт отсутствия или не прямой характер причинной связи между деянием врача и неблагоприятным исходом в виде смерти или вреда здоровью.

Одно из практикообразующих решений в данной сфере было вынесено Верховным Судом РФ (ВС РФ). Суд первой инстанции отказал во взыскании компенсации морального вреда, разъяснив правовую сущность причинной связи: «как в уголовном праве, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи означает, что это деяние лежит за пределами юридически значимой причинной связи»⁷. Истец оппонировала такому выводу в апелляционной жалобе тем, что для «возникновения деликтной ответственности достаточно любой причинной связи, а не прямой между действием и наступлением вреда». Суд апелляционной инстанции признал доводы истца несостоятельными и дополнительно разъяснил: «действие только тогда является причиной возмещения вреда, когда оно прямо и непосредственно соотносится с ним. Наличие же косвенной (опосредованной) связи между действием причинным ущербом означает, что действие находится за пределами конкретного случая и за пределами юридически значимой связи между действием и наступлением вреда»⁸.

Данное дело представляет научный интерес уже потому, что Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, не согласившись с нижестоящими судами по вопросам причинной связи, сделала важный для дальнейшей правоприменительной практики вывод: «закон не содержит указания на то, что должна быть только прямая причинная связь»⁹. Вывод суда основан на складывающейся практике, т. к. в последние годы достаточность опосредованной причинно-следственной связи неоднократно подтверждалась судами и при рассмотрении уголовных дел¹⁰. Приведенный тезис ВС РФ можно рассматривать в качестве расширения дефиниции причинной связи путем включения в нее

связи функциональной. Нередко суд, описывая признаки функциональной связи¹¹, вынужден называть ее причинно-следственной: «... ненадлежащим образом оказанная медицинская помощь со стороны челюстно-лицевого хирурга явилась основным моментом, определившим и обусловившим развитие гнойных осложнений в области ранения, которые привели к наступлению смерти»¹².

Междисциплинарный характер причинной связи требует ее тождественного понимания и в праве (как гражданском, так и уголовном), и в медицине, и в экспертной деятельности (а значит в естествознании). Такого идентичного понимания на сегодняшний день нет: эксперты понимают причинную связь в узко непосредственном смысле, а юристы помимо этого включают в нее обуславливающую связь. Следовательно, расширение содержания причинной связи способствует увеличению дифференциации в понимании причинно-следственной связи разными участниками уголовного судопроизводства. Например, известны случаи, когда судебно-медицинский эксперт справедливо признает отсутствие причинной связи между бездействием врача и смертью пациента, который умер по причине заболевания, а значит деяние врача – не причина. Однако суд отверг выводы эксперта и признал наличие причинно-следственной связи. Такие случаи являются проявлением различного понимания причинной связи.

На основании изложенного мы полагаем, что имеющаяся судебная и экспертная практика требуют либо расширения категории причинной связи в иных науках (по примеру юриспруденции), либо признания между бездействием и последствием обуславливающей не причинной связи в составе преступления. При этом мы не настаиваем на введении данного термина в правоприменительную деятельность, а лишь предлагаем устанавливать, что последствие наступило в связи с бездействием обязанного лица. Такая формулировка позволит правоприменителю и лицам, содействующим правосудию, апеллировать к единообразно понимаемым словам, что исключит противоречия в вопросах установления связи между бездействием и последствием, снимет вопрос о не прямом (косвенном) характере связи при бездействии и юридическом значении последней.

Заключение

Исследование вопросов причинной связи, как писал профессор Н. Д. Сергеевский [26, с. 4], нередко становится проявлением субъективного произвола конкретного ученого. Помня об этом и отталкиваясь от вывода академика

⁴ Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 17.05.2019 по делу № 1-22/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.07.2019 по делу № 22-1496/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.10.2019 № 78-КГ19-42 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 06.09.2018 по делу № 2-3916/2018-М-3758/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Апелляционное определение Белгородского областного суда от 27.11.2018 по делу № 33-6482/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.01.2020 № 57-КГ19-7 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 12.08.2019 по делу № 22-2130/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Приговор Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 07.07.2017 по делу № 1-56/2017 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 26.02.2018 по делу № 44у-39/2018 // СПС КонсультантПлюс.

В. Н. Кудрявцева о неодинаковости конфигурации причинной связи в разных группах преступлений, мы рассмотрели только те вопросы, которые имеют место при бездействии обязанного лица в неосторожных преступлениях. Именно в этих ситуациях квалификация содеянного как преступного ставится в прямую зависимость от установления причинной связи, ибо иные признаки состава преступления, как правило, наличествуют.

Первостепенное значение в исследовании причинной связи при бездействии надлежит отдавать не столько характеру бездействия (его каузальности), сколько пониманию связей между деянием и последствием. Имеют место достаточные теоретические и прикладные основания для того, чтобы понимать связь между преступным деянием и общественно опасным последствием в качестве не только причинного отношения, но и функционального.

В неосторожных преступлениях (например, ст. 124, ст. 293 УК РФ) невыполнение обязанности надлежит признавать условием, допустившим преступный результат. Причиной последствия в таких случаях является то обстоятельство, которое запустило собственно причинную связь (развитие заболевания, умышленные действия других лиц). В таких преступлениях при невыполнении обязанности «золотое правило», которым определяется значение

деяния для преступного результата, работает иначе: надлежит не исключать бездействие виновного лица, а заменить его на необходимое в этой системе действие. Если при наличии необходимого действия результат может быть предотвращен, значит бездействие данного лица находится в обуславливающей связи с последствием.

Судебная практика исходит из более широкого понимания причинной связи, поскольку правоприменитель *de facto* включает обуславливающую связь в категорию причинной. Данная тенденция предопределяет различное понимание причинной связи в юридической науке и в естествознании, поэтому в ситуациях, где эксперт устанавливает отсутствие собственно причинной связи, суд может установить юридически значимую связь и признать ее достаточной для привлечения к ответственности.

По делам о неосторожных преступлениях при бездействии, в том числе по предусмотренным ст. 124 УК РФ, достаточно установить, что бездействие обязанного лица явилось условием, допустившим общественно опасный результат, т. е. находится в связи с последствием. При таком подходе спорность непрямой причинно-следственной связи в подобных ситуациях не будет оказывать решающего значения в разграничении преступного и не преступного.

Литература

1. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М.: Проспект, 2006. 520 с.
2. Уголовная ответственность и состав преступления как ее основание // Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2009. С. 60–79.
3. Э-н. Защита проф. Шаргородским докторской диссертации о преступлениях против личности: [Во Всесоюзном институте юридических наук] // Социалистическая законность. 1945. № 6. С. 42–43.
4. И. Г. Причинная связь в уголовном праве (Диссертация Т. В. Церетели): [В Институте права Академии Наук СССР] // Советское государство и право. 1949. № 9. С. 69–72.
5. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 410 с.
6. Соктоев З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 408 с.
7. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 215 с.
8. Уголовное право России. Общая часть / под ред. О. С. Капинус. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 704 с.
9. Кудрявцев В. Н. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2000. – 315 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2. С. 254–256.
10. Борзенков В. Г. Причинность // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 463–464.
11. Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах / под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Соцэкгиз, 1963. Т. 1. 715 с.
12. Арефьева Г. С., Бутенко А. П., Зотов А. Ф. Диалектический и исторический материализм / под общ. ред. С. М. Ковалева. 4-е изд. М.: Политиздат, 1971. 367 с.
13. Беклемишев А. Д. Теоремы Гёделя о неполноте и границы их применимости. I // Успехи математических наук. 2010. Т. 65. № 5. С. 61–106. DOI: 10.4213/rm9378
14. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.
15. Зимирева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 228 с.
16. Зимирева Л. А. О влиянии привходящих явлений на течение причинно-следственной связи // Уголовное право. 2015. № 1. С. 54–58.
17. Лойфман И. Я. Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы). Екатеринбург: УрГУ, 2000. 104 с.
18. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Первова, В. В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 227 с.

19. Болдачев А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2011. 223 с.
20. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. 315 с.
21. Мелешко Д. А. Смерть человека как квалифицирующий признак халатности должностных лиц органов опеки и попечительства // Уголовное право. 2017. № 5. С. 77–80.
22. Голик Ю. В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права / сост. Ю. В. Голик, А. Ю. Голик. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 6–52.
23. Тимейко Г. В. Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. 44 с.
24. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. № 34. С. 28–37.
25. Музыка А. А., Багиров С. Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк. Хмельницкий: Изд-во Хмельницкого университета управления и права, 2009. 112 с.
26. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ч. I: Теория причинной связи и ее значение в уголовном праве // Временник Демидовского Юридического Лицея. Ярославль, 1880. Кн. 21. С. 1–130.

original article

Chain of Causation: Omission Committed by the Obligor

Vladislav V. Radov^{a,®}^a Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Public Prosecution Office of the Russian Federation, Russia, St. Petersburg

® vv-radov@mail.ru

Received 18.08.2020. Accepted 08.09.2020.

Abstract: The article deals with theoretical and law-enforcement problems of establishing the chain of causation in crimes of omission committed by the obligor. The doctrine of criminal law developed an unambiguous philosophical understanding of causality within the framework of dialectical materialism. However, such scientists as Prof. V. B. Malinin and Prof. Z. B. Soktoev came to polar conclusions about the absence and presence of a causal relationship in cases of criminal omission. The author criticizes the so-called golden rule of causality in cases of omission and the comprehensive reason for omission. He believes that omission cannot be recognized as a condition of an antisocial result. The author uses the relativistic approach to causality to explain the relationship between the failure to fulfill one's professional or official duties and the resulting antisocial consequence. He proves the conditioning relationship in such situations and states the correlation of causation and condition, as well as the limits of understanding causality as an element of the objective aspect of a crime. Apparently, doctrinal controversies affect the law enforcement. The article introduces the latest judicial practice and positions of the courts on the legal content and legal consequences of establishing an indirect, indirect, and mediated causation chain. The category of causality cannot be used for the purposes of criminal law qualification due to the fact that law and natural science have a different understanding of causation. The research questions the significance of forensic medical examinations in cases of iatrogenic crimes in relation to the causal relationship and their assessment by the court. In this article, the issues of causality are considered only for such cases of omission that presuppose a failure to fulfill professional or official duties in a negligent crime. Therefore, the author does not claim to be exclusive of conclusions and proposals. As Academician V. N. Kudryavtsev said, the configuration of chain of causation depends on the corpus delicti or the type of crime.

Keywords: causation, functional relation, qualification of crime, iatrogenic crime, failure to provide medical care, relativism philosophy, case practice

For citation: Radov V. V. Chain of Causation: Omission Committed by the Obligor. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 278–286. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286>

References

1. *Russian criminal law. Vol. 1. General part*, eds. Inogamova-Khegai L. V., Komissarov V. S., Rarog A. I. Moscow: Prospekt, 2006, 520. (In Russ.)
2. Criminal liability and corpus delicti as its basis. Criminal law of Russia. *General part*, ed. Rarog A. I., 3rd ed. Moscow: Eksmo, 2009, 60–79. (In Russ.)

3. E-n. Defence of Prof. Shargorodsky of his PhD Thesis about crimes against the person: [At the All-Union Institute of Legal Sciences]. *Sotsialisticheskaya zakonnost*, 1945, (6): 42–43. (In Russ.)
4. I. G. Causal relation in criminal law (Thesis T. V. Tsereteli): [At the Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1949, (9): 69–72. (In Russ.)
5. Malinin V. B. *Causal relation in criminal law: theory and practice*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. St. Petersburg, 1999, 410. (In Russ.)
6. Soktoev Z. B. *Causality in criminal law: theoretical and applied problems*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2014, 408. (In Russ.)
7. Timeiko G. V. *General doctrine of the objective side of the crime*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1977, 215. (In Russ.)
8. *Criminal law of Russia. A common part*, ed. Kapinus O. S., 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019, 704. (In Russ.)
9. Kudryavtsev V. N. Malinin V. B. Causal relation in criminal law. St. Petersburg: "Iuridicheskii tsentr Press", 2000, 315. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2002, (2): 254–256. (In Russ.)
10. Borzenkov V. G. Causality. *Philosophical Dictionary*, ed. Frolov I. T., 7th ed. Moscow: Respublika, 2001, 463–464. (In Russ.)
11. Holbach P. H. *Selected works in two volumes*, ed. Momdzhian Kh. N. Moscow: Sotsekgiz, 1963, vol. 1, 715. (In Russ.)
12. Arefeva G. S., Butenko A. P., Zotov A. F. *Dialectical and historical materialism*, ed. Kovalev S. M., 4th ed. Moscow: Politizdat, 1971, 367. (In Russ.)
13. Beklemishev L. D. Gödel's incompleteness theorems and the limits of their applicability. I. *Russian Math. Surveys*, 2010, 65(5): 61–106. (In Russ.) DOI: 10.4213/rm9378
14. Chestnov I. L. *Postclassical theory of law*. St. Petersburg: ALEF-Press, 2012, 649. (In Russ.)
15. Zimireva L. A. *Causal relation in crimes against life*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2016, 228. (In Russ.)
16. Zimireva L. A. On the impact of intervening events on the development of cause and effect link. *Ugolovnoe pravo*, 2015, (1): 54–58. (In Russ.)
17. Loifman I. Ia. *Spirit of dialectics (theoretical and methodological problems)*. Ekaterinburg: UrGU, 2000, 104. (In Russ.)
18. Aristotle. *Metaphysics*, trs. Pervov P. D., Rozanov V. V. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, 227. (In Russ.)
19. Boldachev A. V. *Temporality and philosophy of absolute relativism*. Moscow: URSS; LENAND, 2011, 223. (In Russ.)
20. Malinin V. B. *Causal relation in criminal law*. St. Petersburg: Iurid. tsentr Press, 2000, 315. (In Russ.)
21. Meleshko D. A. The death of a person as a classifying element of negligence of child protection officials. *Ugolovnoe pravo*, 2017, (5): 77–80. (In Russ.)
22. Golik Iu. V. Philosophy of criminal law: modern formulation of the problem. *Philosophy of criminal law*, comps. Golik Iu. V., Golik A. Iu. St. Petersburg: Iurid. tsentr Press, 2004, 6–52. (In Russ.)
23. Timeiko G. V. *Problems of the general doctrine of the objective side of the crime*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1986, 44. (In Russ.)
24. Dageil P. S. Causal relationship in crimes committed by negligence. *Voprosy borby s prestupnostiu*, 1981, (34): 28–37. (In Russ.)
25. Muzyka A. A., Bagirov S. R. *Causal relationship: criminal law sketch*. Khmel'nitsky: Izd-vo Khmel'nitskogo universiteta upravleniia i prava, 2009, 112. (In Russ.)
26. Sergeevskii N. D. About the meaning of the causal relationship in criminal law. Pt. I: The theory of causation and its significance in criminal law. *Vestnik of Demidov's Law Lyceum*. Yaroslavl, 1880, book 21, 1–130. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор
ishmorozova@yandex.ru

Митько Наталья Викторовна, редактор

8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief

ishmorozova@yandex.ru

Nataliya V. Mitko, Editor

8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:

Лоншакова К. А., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова А. С.

Подписано к печати 05.11.2020.

Дата выхода в свет 09.11.2020.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 12,75. Уч.-изд. л. – 12.

Тираж 500 экз. Заказ _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
<http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.